ИВАНГОРОД
в 1914 - 1915

Из воспоминаний

**генерал-лейтенанта А. В. фон ШВАРЦА
коменданта крепости**

с 2-мя картами в тексте

Военно-Историческое Издательство « Танаис »

Париж 1969

ИВАНГОРОД

в 1914 - 1915

Из воспоминаний

генерал-лейтенанта А. В. фон ШВАРЦА
коменданта крепости

с 2-мя картами в тексте

Военно-Историческое Издательство « Танаис »
Париж 1969

Генерал-лейтенант
Алексей Владимирович фон-ШВАРЦ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОБОРОНА 1914 ГОДА.

« Как мне приятно смотреть на вас: на вашем лице отражается чувство исполненного долга ». Слова, которые Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович удостоил сказать мне при осмотре Им крепости Ивангород 30 октября 1914 года.

Глава первая

14 августа 1919 г. Пельи, Италия.

Я снова в Пельи. Снова после того, как пять лет тому назад, 16 июля 1914 года, при первых признаках возможной войны я спешно выехал отсюда домой, в Россию, в Петербург. Едва успел я приехать, как началась война. На другой же день я получил назначение на фронт, а еще через день выехал в Ивангород в качестве Военного Инженера-Полковника, назначенного в распоряжение Начальника Инженеров крепости. Началась война и прошла, кончилась, и ныне снова мир.

Волей Бога и мне пришлось, как во время войны, так и в период революции, принимать непосредственное участие в событиях, имевших в судьбе России историческое значение. Хотелось бы, чтобы в будущей истории России и минувшей войны события эти были описаны и освещены правильно. Поэтому, пользуясь первым за пять лет свободным временем, я попытаюсь восстановить их в виде воспоминаний так, как они действительно были, в надежде, что записки эти будут полезны будущим историкам России.

В воспоминаниях моих меня невольно влечет к Ивангороду, моему любимому детищу, где, благодаря особой Божьей помощи, удалось так много сделать для победы Родины и славы Армии.

В два месяца мы создали там почти из ничего грозную заставу, о которую разбились сначала немцы, а потом и австрийцы. Несколько корпусов немцев, как это видно из вышедшей уже истории войны Штегемана, оперировали против Ивангорода под общим начальством Гинденбурга *) и... « Гинденбург должен был отсту-

пить», заканчивает описание указанная выше история.

Немцы ушли, их сменила австрийская армия Данкля, но и она сразу же попала в очень трудное положение, а через шесть дней была окончательно разбита, потеряла много пленных и спешно отошла.

В течение последующих месяцев крепость спешно перестраивается так, чтобы быть в состоянии противостоять новой атаке, и когда в июне следующего года крепость по поручению Главнокомандующего осматривал генерал от инфантерии Палицын, он нашел ее наиболее подготовленной между всеми русскими крепостями. Через месяц после этого неприятель пришел в третий раз: немцы и австрийцы вместе. И на этот раз гарнизон принял противника достойно, несмотря на всю трудность этой третьей обороны, потому что был уже получен окончательный приказ оставить крепость и приходилось одновременно и разоружать ее и отражать атаки. Лишь отправив из крепости все ее вооружение и запасы и уничтожив все, что нельзя было увезти, лишь разрушив и сжегши все, что им же было создано, в замечательном порядке вышел гарнизон из развалин Ивангорода в последний момент, когда кольцо противника на восток от него почти уже смыкалось.

Как все это кажется просто, легко и, с военной точки зрения, красиво!

В действительности же было, правда, красиво, но не легко и не просто.

Главной причиной нашего успеха следует, конечно, считать тот необычайный подъем духа, который тогда царил в русской армии вообще, а в крепости в особенности; но кроме того, с нашей стороны, то есть гарнизоном, было затрачено много труда для того, чтобы создать в крепости обстановку, способствующую успеху боевых операций.

* * *

В полдень 21 июля в Зимнем Дворце состоялся Высочайший выход для чтения манифеста об объявлении войны. Все находившиеся в этот день в Петербурге

---

1) В записках генерала фон Белов указывается, что армия Гинденбурга состояла из пяти корпусов.

офицеры, старшие служащие министерств, члены Думы, сенаторы, члены Государственного Совета, министры, собрались в залах Дворца, а вся Дворцовая площадь и набережная Невы были запружены народом так, что проехать было нельзя. Необычайное настроение охватило всех. Чувствовалось, что совершается что-то великое. Война, которая всем казалась столь необходимой и неизбежной, наконец становилась совершившимся фактом. Ни у кого не было сомнения в удачном ее исходе. Ликование охватило всех собравшихся в зале, когда показался Государь с Императрицей. Долго не смолкало бесконечное « ура ». Протопресвитер Армии и Флота отслужил молебен и затем прочел манифест. Тогда Государь сделал несколько шагов вперед и приготовился говорить. В зале наступила тишина.

« Здесь я даю, — раздался голос Императора, — торжественное обещание: я не заключу мира до тех пор, пока хоть один неприятельский солдат останется на нашей земле ». Голос Государя звучал твердо, в глазах горело решение. Этими словами он как будто хотел показать, что он не искал войны и что поэтому война является чисто оборонительной. Но вместе с тем он дал понять, что он не остановится на полдороге, и доведет войну до почетного конца. Присутствующие, казалось, поняли это и новыми криками « ура » выразили свой восторг. Я искал глазами Императрицу. Она подошла к образу и, упав перед ним на колени, горько плакала, закрыв лицо руками. О чем горевало ее сердце?

Утром 22 июля 1914 года мои сборы к отъезду на войну были окончены и вместе с женой мы в 9 часов утра отправились в часовню Спасителя и помолились там. В 12 часов дня я выехал на Варшавский вокзал. Жена провожала меня до вокзала, где собрались кое-кто из товарищей, друзей и знакомых: Вл. Ник. Нечаев, Духонин, Ильяшев. Влад. Алекс. Апушкин преподнес от редакции « Военной Энциклопедии » икону Св. Алексея. В час поезд тронулся.

Я ехал с генералом Кривошеиным и полковником Бобровским, назначенными в Виленский и Варшавский округа. В Вильне Кривошеин отстал, а мы с Бобровским 24-го утром прибыли в Варшаву.

В ресторане гостиницы « Бристоль », куда мы пошли позавтракать, мы встретили генерала Самсонова.

Это была моя первая и последняя с ним встреча, так как через три недели после этого он погиб под Сольдау.

Более года спустя, в октябре 1915 года, мне пришлось ехать в Ставку Верховного Главнокомандующего в Могилев вместе с генералом Н. А. Даниловым. По пути он сообщил мне о причинах поражения армии Самсонова. Генерал Данилов рассказывал, что Главнокомандующий Северным фронтом генерал Жилинский имел в своем распоряжении две армии: 1-ю, генерала Ренненкампфа, и 2-ю, генерала Самсонова. Первая была сформирована из войск Виленского округа, а вторая главным образом из войск Варшавского округа, которым перед войной командовал генерал Жилинский. Поэтому он будто бы считал 2-ю армию своею, а 1-ю чужой и был недоволен, что 1-я армия уже вторглась в Пруссию, где бьет немцев и победоносно гонит их за Кенигсберг, а 2-я еще даже не закончила своего сосредоточения. Поэтому он приказал генералу Ренненкампфу остановиться, а генералу Самсонову начать наступление, но первому не сообщил о распоряжении, отданном второму, и наоборот.

Вследствие этого генерал Самсонов, начав наступление, не знал, что генерал Ренненкампф прекратил свое движение, а Ренненкампф не знал о движении Самсонова и был уверен, что тот еще стоит. Немцы же, освободившись от преследования генерала Ренненкампфа, обрушились на шестой корпус, двигавшийся на правом фланге армии Самсонова, и разбили его. В то же время сводный отряд, выделенный из гарнизонов крепостей Грауденц, Кульм и Мариенбург, вместе с 1-м армейским германским корпусом был двинут против нашего 1-го корпуса, составлявшего левый фланг армии генерала Самсонова, и заставил его отойти назад. Тогда остались только бывшие в центре армии 13-й и 15-й корпуса и дивизия 23-го корпуса, которые были окружены и после жестокого боя разбиты. Не желая пережить несчастья, генерал Самсонов застрелился на поле битвы. Так погиб генерал, считавшийся после японской войны одним из лучших наших генералов и подававший большие надежды.

Я не знаю, насколько верен этот рассказ генерала Данилова, и привожу его только потому, что он весьма характерен. Лично же я полагаю, что, отдавая выше-

приведенные приказания, генерал Жилинский руководствовался при этом не его личными отношениями к той или иной армии, а соображениями более основательными. Возможно, что это было сделано по требованию Ставки, возможно также, что генерал Жилинский имел в виду отрезать немцев, находившихся у Кенигсберга, от переправ на Висле. Несомненно, однако, что при этом не было оценено значение немецких тет-де-понов Грауденца, Кульма и Торна, и взаимодействие наших армий Главнокомандующим не было согласовано. Несомненно также, что командующие обеими армиями не установили связи между собой, плохо наблюдали за противником и недостаточно освещали местность.

Это несчастье со 2-й армией отозвалось на том плане войны, которого хотели держаться в начале кампании. План этот, разработанный в период 1909-10 гг., основывался на предположении, что главные силы немцев будут направлены против России, и в общих чертах заключался в следующем: 1) Польшу не оборонять, 2) оттянуть все войска, находившиеся к западу от Вильны, на восток и 3) сосредоточение всех 12 армий производить на обширной равнине под прикрытием рек Немана и Шары.

Но в 1912 году были разработаны новые предложения, основанные на полученных сведениях, что в случае войны главный удар немцев будет направлен сначала против Франции, а в Восточной Пруссии будут оставлены лишь небольшие силы. В таком случае с нашей стороны предполагалось начать действия против немцев, не ожидая окончания полного сосредоточения войск, Намечалось образовать против Восточной Пруссии отдельный фронт в составе двух армий, районы сосредоточения которых выдвигались вперед, значительно ближе к прусской границе. Когда же была объявлена война и началось вторжение немцев в Бельгию, что создавало сильную угрозу для нашей союзницы-Франции, то Верховный Главнокомандующий Великий Князь Николай Николаевич тотчас же отдал приказ о приведении в исполнение именно этих предположений 1912 года. Вместе с тем было решено оборонять Варшаву и двинуть туда некоторые части, назначавшиеся по плану в состав 1-й и 2-й армий, для формирования тыловой армии. Однако беспокойство за участь Петербурга,

которому будто бы грозила опасность высадки немцев где-то на побережье Финского залива, заставило задержать часть этих войск в Петербурге.

Районы сосредоточения войск остальных армий также были перенесены вперед, ближе к австрийской границе.

Разгром 2-й армии под Сольдау внес новые изменения и тогда было решено ограничиться временно обороной нашей границы с Восточной Пруссией, а в Польше оборонять наши переправы через Вислу: Новогеоргиевск, Варшаву и Ивангород.

Таким образом определялось назначение наших привислинских крепостей: они должны были обеспечить центр и дать возможность нашим главным силам начать и развить операции против австрийцев.

Здесь к середине августа уже успели сосредоточиться 3-я, 4-я, 5-я и 8-я армии и собиралась 9-я, в состав которой включили некоторые части, предназначенные для 6-й армии, и гвардейский корпус.

Командующими армиями были назначены: 3-й генерал Рузский, 4-й генерал барон Зальца, смененный затем генералом Эверт, 5-й генерал Плеве, 8-й генерал Брусилов и 9-й генерал Лечицкий.

Эти армии образовали Юго-Западный фронт, Главнокомандующим которого был назначен генерал Н. И. Иванов, а начальником штаба-генерал М. В. Алексеев.

Глава вторая

В 3 часа дня 24 июля я выехал из Варшавы по Привислинской железной дороге в Ивангород. Со мной ехали два моих бывших ученика в Николаевской Инженерной Академии-подпоручик Борисов и штабс-капитан Волков.

Около 6 часов мы прибыли в Ивангород. На станции меня ждал присланный Начальником Инженеров крепости офицер с лошадью. На вокзале толпилось так много народу, в большинстве-евреев, что я с трудом проложил себе дорогу к выходу. На соседнем (втором) железнодорожном пути стоял поезд, составленный из товарных платформ, и солдаты грузили на них громадные металлические двери. Офицер объяснил мне, что накануне был получен приказ снять из казематов фортов Ивангорода все броневые двери и другие металлические части и отправить их в Брест, что и выполнялось. От станции до центра крепости не более 2 $1/2$ верст. Прекрасное шоссе обсажено с обеих сторон высокими пирамидальными тополями.

Через несколько минут мы были в Цитадели, в офицерском собрании, где помещалось Крепостное Инженерное Управление.

Начальником Инженеров крепости состоял Военный Инженер генерал-майор Е. О. Попов. Он встретил меня сердечно и сейчас же отвел мне квартиру в две комнаты как раз против собрания, в нижнем этаже дома Коменданта крепости, и уступил мне своего денщика Афанасия, чем сразу очень помог мне.

В Управлении я встретил помощника генерала Попова, моего старого товарища подполковника Беляева, и еще двух Инженер-капитанов барона Штромберга

и Глазенапа. Спросил у них, какие работы производят. Оказалось, что приступили к постройке промежуточных батарей между фортами и начали приспособлять к обороне два форта на левом берегу Вислы.

На другой день я должен был представляться Коменданту крепости, но так как прием был назначен после 11 часов, а я хотел поскорее увидеть, что представляют собой ивангородские укрепления, то рано утром я посетил форт № 5 и форт Ванновский.

И сейчас я ясно отдаю себе отчет в том впечатлении, которое охватило меня, когда я взошел на бруствер форта № 5. Я ужаснулся, ибо понял, что достаточно появиться под крепостью не только пехотному отряду, но даже кавалерийскому полку, и она будет неизбежно взята.

Было достаточно одного взгляда, чтобы вывести такое заключение, настолько в состоянии полного запущения находился как этот форт, так и другие крепостные сооружения. Насыпи от времени обвалились, а рвы и поверхности поросли такой могучей растительностью, что через нее свободно могли бы пробраться десятки людей, не будучи замеченными на самом близком расстоянии. Стоя на бруствере форта, я не видел его гласиса. Почти то же самое я нашел и на форте Ванновском.

Что же представлял собой Ивангород?

Этим именем была названа крепость, построенная Императором Николаем 1-м на Висле, в 90 верстах на юг от Варшавы, предназначенная для обороны переправы через Вислу на большом тракте из Австрии через Ченстохово на Радом и далее, на Брест и Москву. В том месте, где река Вепрж впадает в Вислу, на правом ее берегу было построено в 1846 году, по проекту Инженер-генерала Дена, большое укрепление в виде пятиугольного форта. Каждая сторона форта представляла куртину с двумя полубастионами с очень высокими валами и глубокими рвами. Во рвах — отдельные оборонительные кирпичные стены у эскарпа и кирпичный же контрэскарп. У эскарпа, в углах рвов, кирпичные капониры для пушечной и ружейной обороны рвов. Вход в укрепление по трем мостам через трое ворот, названных Николаевскими, Владимирскими и Георгиевскими. Внутри укрепления, параллельно его валам и непосред-

ственно под их прикрытием от прицельных выстрелов с поля, шла вокруг всего укрепления большая непрерывная двухэтажная каменная с подвалами казарма для гарнизона, называвшаяся оборонительной казармой. В центре укрепления были расположены дом коменданта и его штаба, сараи для помещения разных запасов и пороховые погреба.

Два года спустя, в 1847 году, на противоположном (левом) берегу Вислы было построено второе укрепление, назначенное для обороны подступов к мосту, построенному в это время через Вислу между первым укреплением и этим. Оно было меньших размеров, имело еще более высокое командование валов и было названо « укрепление князь Горчаков ». Оба эти укрепления вместе составили крепость, включенную в состав крепостей Империи под именем « Ивангорода », в честь генерала графа Ивана Федоровича Паскевича, на земле которого она была построена, Несколько времени спустя крепость была усилена тремя небольшими земляными укреплениями в виде люнетов, построенными между южным фасом большого укрепления и рекою Вепрж и назначенными, по-видимому, для пушечного обстрела берегов этой реки.

В таком состоянии Ивангород оставался долго, но после русско-турецкой войны граф Тотлебен настоял на необходимости его усиления. Это было осуществлено постройкой вокруг первого большого укрепления семи отдельных фортов, расположенных по окружности круга радиусом в 2 1/2 версты из центра большого укрепления, которое стало с этой поры именоваться цитаделью и служит административным центром крепости. Четыре из этих фортов, №№ 1-4, — на правом берегу Вислы и два — на левом, №№ 5 и 6; форт № 7 не был начат. Каждый форт проектировался подобно цитадели, но значительно меньших размеров: пятиугольная форма, высокие валы, отдельные оборонительные стены у эскарпов, контрэскарпы, капониры, соединенные потернами с казармами для гарнизона, которые расположены внутри фортов, под валами внутренних траверсов, параллельно горжевому валу.

Отличные шоссейные дороги, обсаженные деревьями, соединяют эти форты с цитаделью, где к этому времени был построен очень хороший крепостной собор,

мельница, мастерские крепостной артиллерии и гарнизонное офицерское собрание. Там же находился дом Коменданта крепости.

В начале девятисотых годов Ивангород приобрел большое значение, сделавшись большим узлом железных дорог, отходящих от него на Варшаву, Радом и Краков, на Люблин и на Луков и Брест, и шоссе на Ново-Александрию, на Люблин, на Радом, на Брест и на Варшаву.

Но и для того времени Ивангород был уже устаревшей крепостью. Было решено его перестроить, но это решение коснулось только переделки убежищ и капониров из кирпичных в бетонные и только на фортах № 5 и № 6. Этот последний был при этом переименован в « форт Ванновский », а на месте форта № 7 было возведено укрепление временного типа, названное фортом № 6. Эта ничтожная переделка мало отразилась на боевой способности крепости, и к этому времени относится известная острота, сказанная насчет Ивангорода очень известным в свое время начальником штаба Варшавского военного округа генералом Пузыревским: « Ивангород — не город, и крепости в нем нет ».

Действительно, кроме маленького поселка Ирена, в одной версте от цитадели по Брестскому шоссе, населенного исключительно сотней евреев- торговцев, другого гражданского населения в Ивангороде не было. В течение последовавшего времени, когда в Военном Ведомстве стремились к экономии во всем, нужды крепостей оставались на последнем месте и, несмотря на постоянный прогресс осадной артиллерии и других разрушительных средств, укрепления Ивангорода оставались до последнего времени без каких бы то ни было переделок и усовершенствований.

В 1909 году последовало распоряжение об упразднении, в числе наших привислинских крепостей, также и Ивангорода и об уничтожении его укреплений. Тогда были упразднены все крепостные управления, как то Артиллерийское, Инженерное и проч., а затем и должность коменданта. Для взрыва фортов необходим был кредит, и для этого составлялась смета, исчислявшая расход в 4 миллиона рублей, но с отпуском этих денег, по-видимому, не торопились, и поэтому форты уцелели. Тогда они были заброшены и, предоставленные самим

себе, оставались в течение почти четырех лет без ремонта и даже без надзора. Время, конечно, оказало на крепостные сооружения разрушающее действие, а отсутствие жандармской команды давало возможность австрийским и немецким шпионам в совершенстве изучить состояние крепости и составить самый точный ее план *).

К сожалению, остается до сих пор невыясненным вопрос о действительной причине, вызвавшей решение упразднения наших крепостей, но это, по-видимому, являлось просто результатом стратегических соображений тех, кто усердно трактовал тогда, что « России полезно десять лет оставаться без крепостей ».

Но не прошло и года, как эти легкомысленные люди увидели, что сделали большой промах, оставив переправы через Вислу без обороны, и начали говорить уже не об упразднении, а о перестройке крепостей.

В августе 1910 года я был командирован распоряжением Начальника Главного Управления Генерального штаба генерал-лейтенанта Мышлаевского в Варшаву и Ивангород с поручением составить на месте проекты укреплений для обороны переправ в обоих этих пунктах с таким расчетом, чтобы при наименьшей затрате войск (для Варшавы одна дивизия, а для Ивангорода — бригада) можно было бы удерживать переправы в наших руках в течение трех месяцев.

Проектировать такого рода укрепления для обороны Варшавы, расположенной на громадной площади и с большим населением, силами одной дивизии было делом совершенно невозможным, но я не отказался от поручения, так как понимал, что были бы только укрепления, а войска для их обороны всегда найдутся.

Что же касается до Ивангорода, то здесь особые условия местности значительно облегчали задачу, и когда я основательно изучил в течение трех недель всю местность вокруг крепости, то пришел к решению, дающему возможность обороны этой переправы даже такими скромными средствами, какие были назначены.

---

*) Когда в октябре 1914 года Государь Император соизволил посетить крепость, Его Величество сообщил мне, что при взятии Львова нашими войсками был найден в штабе крепости план Ивангорода с указанием на нем всех деталей, относящихся к тому времени, то есть до войны.

Эти особые условия заключались в возможности устроить запруды реки Вислы вблизи цитадели, что влекло за собой выход ее вод из берегов и затопление всех окрестностей на большом пространстве. Тогда среди этого затопленного пространства осталось бы только несколько высот, которые надлежало занять фортами-заставами с сильной броневой артиллерией. Это вполне обеспечивало бы плотины от разрушения и не вызывало необходимости в большом количестве войск для обороны, так как крепость, окруженная со всех сторон водою, сделалась бы в полном смысле слова неприступной.

С большим увлечением я работал над проектами, думая, что делаю большое государственное дело. Наконец проект был окончен, и я возращаюсь в Петербург для доклада Начальнику Генерального штаба генералу Мышлаевскому, Увы, мне пришлось долго ждать его, и когда очередь дошла до меня, генерал уже устал, Он вынул часы, посмотрел на них и сказал мне: « А вы долго будете меня мучить? Уже 5 часов, и меня ждут на даче ». Весь мой порыв исчез.

Я вынул из портфеля проект, на котором площадь затопления была помечена синей краской. Генерал, указав на эту краску пальцем, спросил меня: « А это что такое? » « Это искусственное наводнение », ответил я. « Ну, батенька, нет! До этого мы еще не доросли. Возьмите ваш проект ». И, отодвинув от себя проект, он отпустил меня. Ивангород остался в прежнем состоянии.

Несколько времени спустя после этого случая мне пришлось прочесть секретные сведения австрийского штаба о наших крепостях. Там я нашел относительно Ивангорода приблизительно следующее замечание: « местность вокруг Ивангорода весьма благоприятствует широким наводнениям, и русские, вероятно, используют это ». Увы, русские, в лице их Начальника Генерального штаба, считали, что они еще не доросли до этого!

В 1913 году приступили к составлению нового проекта укрепления Ивангорода и снова назначили туда Коменданта и крепостные учреждения: Артиллерийское и Инженерное, но с этим делом тоже не особенно торопились, и война застала Ивангород в самом жалком

состоянии: укрепления не только устаревшие, но и полуразрушенные временем и наводнениями от ежегодных весенних разливов Вислы, вооружение — 8 крепостных пушек, четыре из которых не стреляли.

Даже после объявления войны совершенно не рассчитывали, что Ивангород может сыграть какую-либо роль, и потому 22 июля было прислано распоряжение снять на фортах во всех капонирах и казематах броневые двери и вместе с одним батальоном (из двух) крепостных артиллеристов отправить немедленно в Брест-Литовск, что и было исполнено 24 июля, в день и час моего приезда в крепость.

В крепости стоял на квартирах 72-й пехотный Тульский полк, две легкие батареи и крепостная саперная рота, которые и составили первый гарнизон. Комендантом состоял Генерального штаба генерал-маиор Михелис.

Я представился ему. В разговоре он сказал мне, что знаком с моими фортификационными трудами, достал и показал мою « Крепостную войну ». Он производил впечатление человека, знакомого с крепостным делом.

Глава третья

В штабе крепости я встретился со многими из старших крепостных начальников, между прочим-с подполковником Рябининым, помощником командира крепостной артиллерии, являвшимся фактическим руководителем крепостной артиллерии. Подполковник Рябинин был моим учеником по Офицерской Артиллерийской Школе, в крепостном отделе которой я читал « атаку и оборону крепостей ».

Затем я обедал у генерала Попова, а позже у него состоялось совещание инженеров, на котором решили, что руководителем работ на месте буду я, хозяйственной частью будет ведать полковник Беляев, а генерал Попов возьмет на себя санкцию наших мероприятий.

Действительно, как-то случилось так, что фактически руководство всеми работами перешло ко мне. Генерал Попов потом (уже после осады) на одном обеде сказал: « Моя заслуга в том, что я не мешал А. В. Шварцу ». Я должен это подтвердить и, даже более, я рад признать, что генерал Попов всячески старался мне помочь. Но он несколько боялся генерала Михелиса, и это иногда вредило делу.

В тот же день я объехал другие укрепления, которых еще не видел. Все это были те же старые форты, неспособные выдержать огонь современных осадных орудий и совершенно неприспособленные даже к отражению атаки открытой силой.

Только форт Ванновский, имевший кое-какие бетонные постройки, являлся более новым и совершенным укреплением. Его особенностью было то, что он « сидел на железной дороге ». Это « сиденье на дороге » было в девяностых годах чрезвычайно модным выра-

жением у наших стратегов, которые были глубоко убеждены в том, что для того, чтобы форт мог своим огнем помешать движению поездов, нужно чтобы дорога проходила непременно через самый форт, и произвели этот удивительный опыт на Ванновском. Воображаю, в каком совершенстве был изучен этот форт австрийцами, несмотря на высокий забор, ограждавший полотно железной дороги в районе форта с обеих сторон.

В форту № 5 убежище для гарнизона под напольным бруствером было тоже бетонное, а также и головной капонир. Рвы обоих этих фортов были водяные.

Форт № 6 только назывался фортом, а в действительности был временным земляным укреплением высокой профили с открытой горжей и с мелким рвом глубиною в 6-7 футов.

В тылу этих трех укреплений, у головы моста на левом берегу Вислы стояло старое укрепление « князь Горчаков ». Боевой ценности оно не имело и вместе с цитаделью, расположенной против него на правом берегу, эти два укрепления являлись первыми укреплениями Ивангорода 1845 года, и значение их было более историческое, чем боевое.

В цитадели помещались дом Коменданта, собор, офицерское собрание, все управления и учреждения крепости как то-госпиталь, интендантство, мельница и два пороховых погреба.

В день моего приезда в Ивангород один батальон крепостной артиллерии отправился в Брест, и Ивангород остался только с одним. Затем ушла легкая батарея.

Для меня было ясно, что прежде всего надо принять меры, обеспечивающие хотя бы от неожиданных появлений неприятеля и от его кавалерийских налетов на укрепления главным образом левого берега, то есть обращенные к стороне наступления противника. Будучи несколько исправлены, эти укрепления могли оказать сопротивление таким налетам.

Поэтому я решил прежде всего привести в оборонительное состояние старые укрепления левого берега, создав здесь возможность обороны, если бы она понадобилась в ближайшее время.

Для этой цели я считал достаточным устроить в фортах по линии огня стрелковые бойницы из земляных мешков, отделяя их друг от друга малыми травер-

сами; под валами сделать убежища на 8-10 человек гарнизона каждое, а также для противоштурмовых пушек; установить на валах куполообразные башни из $^1/_2$ дм. железа для наблюдателей; во дворах фортов сделать ходы сообщения от валов к казармам, а кирпичные своды последних усилить изнутри устройством плоских потолков из рельсов и заполнить промежуток между этими потолками и сводами камнем на цементе. Затем, для препятствия штурму, по дну рвов и у подошвы гласисов фортов натянуть проволочные сети из колючей проволоки.

Одновременно с этим промежутки между фортами заполнялись стрелковыми траншеями с убежищами сзади и проволочными сетями впереди.

Постройка нескольких углубленных батарей для орудий крепостной артиллерии в тылу этой линии фортов и расчистка местности впереди ее для улучшения обстрела заканчивали те мероприятия, что были приняты наспех, в первую очередь, чтобы только не дать противнику овладеть крепостью на левом берегу с налета.

Но, зная, что противник отлично осведомлен не только о состоянии фортов, но и о свойствах местности всего крепостного плацдарма, я решил одновременно с усилением старой линии фортов, создать новую главную оборонительную линию, вынеся ее значительно вперед, и тогда смотреть на линию фортов уже как на вторую линию обороны. Я сознавал, что новая линия обороны может быть только полевой, то есть даже более слабой, чем существующая, но зато она явится для неприятеля неожиданной, а потому и неизвестной.

По условиям местности было удобно расположить новые укрепления верстах в 3-4 от существующей линии фортов и в 6 $^1/_2$-7 верстах от моста.

В таком случае укрепления располагались бы на левом берегу Вислы по линии деревень Старый Регов-Залесье-Славчин-Зволя-Сецехов-Лое. Непосредственно перед новой линией укреплений простиралась низменная болотистая долина, то старое русло Вислы, которым я предполагал воспользоваться для искусственного наводнения еще в моем проекте переустройства Ивангорода в 1910 году.

Если бы этот проект удостоился тогда большего

внимания, то к 1914 году работа, требовавшая для своего выполнения много времени и затраты больших технических средств, могла бы быть уже законченной, и Ивангород являлся бы крепостью в полном смысле слова неприступной. Теперь же осуществить идею вполне было немыслимо и я мог ею воспользоваться только в ничтожной степени и самым примитивным способом.

Эта долина, шириной от 1 $^1/_2$ до 3 верст, отделяла укрепления от тех высот, которые уже могли послужить неприятелю как позиция обложения. Следовательно, его ближайшие батареи могли быть поставлены от предмета бомбардирования — моста и цитадели — не ближе 9-9 $^1/_2$ верст. Такое удаление я считал по силе тогдашнего огня уже не опасным и потому окончательно остановился на описанном проекте.

На другой день после моего приезда я послал генералу Величко телеграмму с просьбой прислать мне несколько инженерных офицеров, и через несколько дней прибыли, в первую очередь, капитан Окинин и поручик Елизаров, а затем еще несколько.

Распределяя офицеров по работам, я назначил: на форт № 5 подпоручика Борисова, на форт Ванновский и промежуточные батареи инженер-капитана Глазенапа, на форт № 6 штабс-капитана Волкова, на форт № 4 инженер-капитана барона Штромберга. Окинину и офицерам крепостной саперной полуроты поручил новые укрепления под надзором штабс-капитана Глазенапа и подполковника Беляева.

Не прошло и нескольких дней, как работа, в буквальном смысле слова, закипела. В 6 часов утра все инженеры были уже на местах. Часовой перерыв в 12 часов, и затем работа продолжалась до 7 или даже до 8 часов вечера. Затем инженеры производили расплату с поденными рабочими и около 10-11 часов собирались у меня и получали указания на следующий день.

Я привлек к работам также и артиллеристов и офицеров Тульского пехотного полка вместе с их командиром, полковником Курбатовым. Какой все это был славный народ! С каким увлечением взялись они за работу, и как весело и быстро подвигалась она у них!

Я старался за день побывать во всех местах фронта, чтобы лично влиять на всех и показывать те способ-

бы укреплений, которые с успехом применялись в Порт-Артуре.

Видя меня целый день за работой, наш крепостной священник отец Яков Кублицкий-Пиотух сказал мне однажды при встрече рано утром: «Вы — как огонь, всюду поспеваете, и все у вас горит!» Действительно, все горело. Как-то само собой появился необычайный подъем духа у всех, и все с одинаковой энергией, скажу даже более — с громадным энтузиазмом и интересом взялись за работу и так продолжали ее изо дня в день.

Глава четвертая

По мере того, как подвигались вперед фортификационные работы, выдвигался вопрос о средствах обороны, то есть о вооружении и гарнизоне, так как первое отсутствовало совершенно, и было получено известие о предстоящем уходе из крепости Тульского полка. Не было и других средств, как-то: воздухоплавательных, авиационных, сапер, госпиталей и т. д. Поэтому при встрече с Комендантом я несколько раз напоминал о необходимости настоять на скорейшей присылке всего этого. Генерал Михелис просил об этом генерала Мурдас-Жилинского, командира 14-го корпуса, которому крепость была подчинена, однако удовлетворения не последовало. Тогда генерал Михелис предложил мне самому съездить в Люблин к генералу Мурдас-Жилинскому и лично его просить. Я согласился и поехал в автомобиле. Не помню, какого именно числа это было. Начальник штаба 14-го корпуса генерал-маиор Баландин и сам генерал Жилинский приняли меня очень хорошо, выслушали внимательно и обещали помочь крепости. Действительно, не прошло и несколько дней, как были присланы из Бреста 26 крепостных орудий, 32-я полурота сапер, еще несколько инженерных офицеров и стали прибывать полевые госпитали.

Эта удача еще более подняла дух гарнизона. Вести об энергичных работах в Ивангороде скоро вышли из пределов крепости и 4 августа прибыл генерал барон Зальца, назначенный командующим 4-й армией, в состав которой включили и Ивангород.

Осматривая укрепления, он сказал мне, что знаком с моими литературными трудами, что давно хотел по-

знакомиться лично и что видит, что действительно мы успели уже много сделать.

По мере прибытия инженеров, образовались новые участки работ. Так, с первых чисел августа удалось взяться за форты №№ 1, 2 и 3 правого берега, на котором до этого времени работали только на форту № 4. На главной линии приступили, примерно с 5-6 августа, к устройству искусственных наводнений, для чего небольшими плотинами из земляных мешков преграждали течение речек, впадавших в Вислу, и они, разливаясь, затопляли местность впереди укреплений. Работа эта производилась отдельными участками, медленно, но обещала хорошие результаты.

8 августа Тульский полк с легкой батареей ушли из крепости. Мы остались совсем налегке: одни крепостные артиллеристы (один батальон) и саперы, крепостная рота да две пеших и две конных сотни пограничной стражи.

Между тем город Кельцы был уже взят и обнаружено движение неприятеля к Радому, находящемуся в 57 верстах от Ивангорода. Радомский губернатор, камергер Засядко, с вице-губернатором и другими губернскими властями и учреждениями перенесли свою резиденцию из Радома на станцию Горбатка, в 19 верстах от Ивангорода.

Над Ивангородом почти каждый день летают неприятельские аэропланы. Каждый раз при появлении летуна по нем, несмотря на запрещение Коменданта, открывается самый беспорядочный ружейный огонь: стреляет каждый, кто имеет винтовку, и, разумеется, без толку.

В связи с неприятельскими аэропланами я вспоминаю об одном моем распоряжении, которое было явным превышением власти и если не вызвало для меня особых последствий, то только потому, что « победителей не судят ». Примерно с 10 августа немецкие аэропланы стали бросать бомбы, главным образом по цитадели. Сначала бомбы ложились далеко вне ее, но потом стали падать на окружающие цитадель валы, и наконец одна упала в самом центре ее, у крепостного собора. В цитадели находились два пороховых погреба, оба — бетонные, но с очень тонкими сводами. Когда в 1911 году производили разоружение крепостей Варшавы, Згержа

и Дубно, то было приказано весь старый черный порох отправить оттуда в Ивангород, где он и был погружен в эти пороховые погреба. Было его около 20 тысяч пудов *).

Хотя первые бомбы, бросаемые немцами, были небольших размеров, но все же существовала опасность, что попадание в пороховой погреб, вмещавший 20 тысяч пудов пороху, может вызвать взрыв с катастрофическими последствиями для центра крепости.

Поэтому, одним из моих первых действий после назначения меня Комендантом крепости была посылка телеграммы Главнокомандующему с просьбой убрать порох в тыл. Не получив ответа, я обратился с такой же телеграммой в Главное Артиллерийское Управление. Ответа снова не последовало. Полеты немцев между тем участились, и так как мы в крепости не располагали ни одним воздушным аппаратом, ни противоаэропланной артиллерией, то опасность взрыва пороховых погребов увеличивалась. Было ясно, что необходимо убрать порох из цитадели немедленно. Но куда? Отправить в тыл было невозможно за полной невозможностью получить для этого поезда, так как все было занято перевозкой войск. Чтобы зарыть его, нужно было отвлечь для этого людей от работы более продуктивной и спешной.

Оставалось одно: уничтожить порох. Так я и сделал. Приказал оставить в одном погребе небольшое количество, нужное для инженерных работ, а все остальное утопить в Висле. Так и было сделано. Уже после окончания военных действий под Ивангородом я был запрошен Главным Артиллерийским Управлением, на каком основании был потоплен порох? Я объяснил и тем дело кончилось.

9 августа рано утром мой денщик Афанасий влетел, как бомба, в мою комнату. « Ваше Высокоблагородие, слава Богу! » « В чем дело, что слава Богу? » спрашиваю я. « Аэроплан упал, подбили наши! » Быстро кончаю пить чай и на автомобиле лечу к станции, возле которой упал аэроплан. Подъезжаю и, о удивление! Аэроплан — русский, и летчик наш. Пролетал из Варшавы, летел низко, по нем стали стрелять, и он решил тогда

*) 320.000 килограммов.

спуститься. Летчик пошел жаловаться Коменданту, но Комендант еще спал. Говорили потом, что недовольный летчик доложил об этом в Варшаве, что и послужило будто бы одной из причин недовольства Комендантом.

Произошел курьезный случай и с наводнением. Глазенап, устраивая наводнения впереди деревни Сецехов, выпустил часть воды из пруда, принадлежавшего ксендзу. Караси, жившие в пруду, стали дохнуть. Ксендз приехал жаловаться Коменданту. Комендант вызвал генерала Попова и приказал ему прекратить устройство наводнений. Попов вызвал меня и передал мне приказание Коменданта к исполнению. Зная, как не любят у нас отдавать приказания письменно, я сказал генералу Попову, что отдам соответствующее распоряжение инженеру Глазенапу немедленно, как только получу его письменное приказание. Тогда генерал Попов пошел к Коменданту и просил его дать письменное распоряжение. Комендант рассердился, накричал на Попова, но просимого документа не дал. Вследствие этого Попов тоже не отдал письменного приказания, работы по устройству наводнений продолжались и впоследствии сослужили хорошую службу.

10-го Радом был уже в руках немцев. Губернатор с другими властями переехал в Ивангород, направляясь в Варшаву.

В этот же день или на следующий прибыл в крепость начальник 75-й пехотной дивизии генерал-майор Михаил Ив. Штегельман со своим штабом, начальником которого состоял Генерального штаба полковник Изместьев, и стали прибывать части 75-й дивизии. Помещение генералу Штегельману и его штабу отвели в верхнем этаже дома коменданта крепости, как раз над моей квартирой.

Штегельмана я знал давно. Военный инженер по образованию, он имел несомненные способности к инженерному делу, особенно в полевой его части. Но он увлекся строевой службой, получил во время японской войны в командование пехотный полк, кажется — Зарайский, прошел с ним кампанию и вернулся с войны бригадным. Это был несомненно даровитый человек, талантливый инженер и большой русский патриот. У него был один физический недостаток : он ничего не видел левым глазом и поэтому носил монокль. На это обраща-

лось внимание, к этому придирались, и генерал Штегельман после японской войны дальнейшего хода не получил и был назначен начальником дивизии только с объявлением войны 1914 года.

Зная генерала Штегельмана как выдающегося инженера, хорошего генерала и энергичного человека, я был очень рад назначению в гарнизон Ивангорода именно его и полагал, что с его прибытием устойчивость Ивангорода станет крепче. Неясно было только, как будут улажены взаимоотношения его и Коменданта, так как генерал Штегельман был старше в чине.

Но вдруг произошло событие, неожиданное для всех и сразу изменившее в крепости все взаимоотношения.

Глава пятая

В 7 часов утра 13 августа я был вызван в штаб крепости для разговора по телефону со штабом 4-й армии в Люблине. У телефона был начальник штаба, генерал-маиор Гутор, который сразу же задал мне ошеломивший меня вопрос: « Известно ли вам, что вы назначены Комендантом крепости? »

Я мог ждать какого угодно вопроса, но только не этого, потому что о таком назначении даже и не мечтал. Естественно, поэтому, как сильно я был поражен подобным вопросом и тотчас же ответил, что мне об этом ничего не известно.

« Получена телеграмма, которую я вам прочту », сказал генерал Гутор и прочел: « Всю власть в Ивангороде приказываю (или « приказано ») сосредоточить в руках генерала Шварца. Алексеев ».

Разные мысли роились у меня в голове, пока генерал Гутор читал телеграмму. Естественное удовлетворение и даже гордость по поводу столь высокого назначения, радость, что наконец я буду совершенно самостоятелен и буду в состоянии сделать для Ивангорода больше, чем при прежнем положении, сменялись соображениями о затруднительности отстоять Ивангород и о громадной ответственности, которую на меня возлагали. Под влиянием этих мыслей, когда генерал Гутор, прочитав телеграмму, спросил меня: « Ведь это к вам относится? » я ответил: « Не знаю. Тут сказано « генерал Шварц », а я только полковник, может быть есть другой? »

Тогда генерал Гутор сказал, что наведет справки и скажет вечером, а до той поры я не должен никому говорить о его сообщении. Озадаченный, я отошел от телефона и целый день волновался.

Помню, что в этот день я осматривал форт № 3 и все его недостатки почему-то особенно рельефно бросались в глаза. Неприятно было также скрывать сообщенное генералом Гутором от Коменданта крепости, тем более, что у меня с ним установились хорошие отношения, полные взаимного доверия. Было видно, что штаб армии скрывал сообщенное именно от него и что его удаление из крепости будет ему неприятно.

Под влиянием всего этого я искренно желал, чтобы вечером мне объяснили сказанное утром как недоразумение, и решил, если сообщенное будет повторено не в виде приказа, а в виде предложения, то отказаться.

Около 4 часов дня из Варшавы приходил поезд, привозивший газеты и последние, еще не опубликованные новости. К этому времени на станции собирались почти все ивангородцы. С форта № 3 я тоже поехал на станцию и встретил здесь Коменданта крепости. Он уже знал, что я разговаривал по телефону со штабом армии, и спросил меня, о чем был разговор.

Не желая лгать, но вместе с тем связанный словом, я ответил, что сейчас не могу сказать и доложу позже. Наступал уже вечер, нового сообщения не было, и надежда, что все объяснится недоразумением, крепла и успокаивала меня.

Около 9-10 часов вечера у меня собрались генерал Штегельман, его штаб-офицер, полковник Матвеев, подполковник Беляев, командир телеграфной команды капитан Орешко, мой племянник прапорщик Дмитриев и еще кое-кто. Вдруг в комнату влетел Изместьев с криком: « Ура! Поздравляю, переворот! » и протянув Штегельману одну телеграмму, другую подал мне. В ней я прочел: « Вы назначаетесь Комендантом крепости Ивангород с подчинением начальнику 75-й пехотной дивизии и с производством в генерал-маиоры. Эверт ». Это было вторая часть телеграммы, первую я уже не помню.

Надежды мои не оправдались, и вместо предложения я получил категорическое приказание.

« Чаша не миновала меня », подумал я, но раз не миновала, раз это совершилось, то надо отбросить все колебания и сомнения и действовать твердо и решительно. В телеграмме Штегельману говорилось, что он

назначен начальником крепостного района и что ему подчинен Комендант Ивангородской крепости.

Все присутствующие были поражены. Тотчас же Штегельман и я надели шашки и отправились наверх к Коменданту. « Что так торжественно? » встретил он нас. Штегельман, бывший с ним на « ты », подал ему телеграмму. Оказалось, что генерал Михелис еще ни о чем не извещен. Он был, конечно, очень неприятно поражен. Тем не менее он справился с собой и сказал, что подчиняется. Я также показал полученную телеграмму и просил верить, что телеграмма эта и для меня столь же неожиданна, как и для него.

Теперь я был рад назначению, но радость омрачалась сознанием неприятности, причиненной генералу Михелису, с которым, по моему мнению, штаб армии поступил нетактично.

Когда мы вернулись в мою комнату, там уже были новые лица. Все поздравляли меня и, видимо, были искренно довольны. Вскоре Штегельман ушел к себе, а я пригласил полковника Матвеева выполнить в эту ночь обязанности начальника штаба и помочь мне составить первый приказ. Около 2 часов ночи мы окончили работу.

В 7 часов утра 14 августа я прошел в штаб крепости. Здесь мне доложили, что бывший Комендант крепости тоже получил телеграмму из штаба армии и около 6 часов утра уехал туда*). Я приказал разослать приказ о моем вступлении в должность Коменданта крепости и сейчас же объявить его во всех частях гарнизона и управлениях. В 8 часов утра прибыли начальники отдельных частей, которым я объявил о моем назначении и обратился к ним с коротким обычным призывом.

Затем я тотчас поехал в части войск на левый берег, заезжая в каждую роту. Я обращался к солдатам и в самых простых словах объяснял им, что роль Ивангорода заключается в том, чтобы не допустить неприятеля переправиться по железнодорожному мосту на правый берег Вислы и выйти таким образом в тыл Варшаве. Что такой мост имеется только здесь и, следователь-

---

*) Генерал-маиор Михелис получил 13-ю дивизию, с которой провел всю войну и был награжден орденом Св. Георгия.

но, если мы нашу задачу выполним, то спасем этим и Варшаву. Поэтому они должны понимать, какая важная задача возложена на нас и все должны всеми силами стараться выполнить ее и все должны твердо знать, что отступления из Ивангорода не будет.

В течение дня 15 августа, вместе с генералом Штегельманом и Изместьевым, мы составили предположения о распределении гарнизона и о наших взаимоотношениях.

Днем я с командиром артиллерийской бригады 75-й пехотной дивизии и с командирами его дивизионов объезжал всю крепость, выбирая места для полевой артиллерии 75-й дивизии на случай штурма.

Но вечером 15 августа было получено распоряжение командующего 4-й армией генералу Штегельману: « Оставить в Ивангороде в моем распоряжении одну бригаду пехоты, а с другой бригадой и всей дивизионной артиллерией двинуться немедленно на деревню Зволень и далее на Сандомир ». Я был при этом извещен, что крепость подчиняется непосредственно командующему армией.

Так все предположения, составленные вместе с Штегельманом, рухнули и все расчеты пришлось делать заново.

Утром 16 августа прибыл капитан Генерального штаба Дорофеев, командированный из Бреста для исполнения должности начальника штаба крепости. Маленького роста, сухощавый, с черными живыми глазами, он производил хорошее впечатление и действительно оказался хорошим работником; характер его, однако, был неуживчивый в отношении сослуживцев и подчиненных.

В полдень генерал Штегельман с одной бригадой его дивизии ушел, оставив мне полки Мстиславский и Дубненский. В тот же день были получены первые известия о движении неприятеля из Радома на Ивангород. Я приказал перевести оба полка на левый берег, где ожидался противник, причем Мстиславскому полку занять линию фортов, а Дубненскому составить резерв. Вечером было выставлено сторожевое охранение.

17-го немцы заняли Горбатку и конница их двинулась к Ивангороду. Я решил оказать сопротивление до конца. Приказал усилить посты сторожевого охранения

и расположить его впереди строившихся укреплений главной оборонительной линии.

18-го передовые части противника появились в виду нашего сторожевого охранения, которое открыло по ним ружейный огонь. Артиллерия (крепостная) огня не открывала, так как не была еще установлена и организована. Перестрелка продолжалась недолго. Встретив сопротивление, неприятель стал оттягиваться, а я приказал сторожевым постам оставаться на месте. Конницы для преследования я не имел и мог послать лишь две конные сотни пограничной стражи следить за движением противника. К вечеру окончательно выяснилось, что противник отошел обратно на Радом.

Как я узнал значительно позже, австрийцы этим маневром прикрывали свою переправу на правый берег Вислы у деревни Юзефов и, к счастью, не имели в виду немедленную атаку Ивангорода. Но тогда я не мог рассматривать это их движение иначе как сильную угрозу и поэтому немедленно принял все зависящие от меня меры, чтобы еще более усилить оборонительные работы. Для этого я объявил крепость состоящей на осадном положении и, пользуясь тем, что с объявлением осадного положения весь двадцатипятиверстный район вокруг крепости подчинялся мне на правах Главнокомандующего, я приказал уездным исправникам сейчас же довести число рабочих в крепости до пяти тысяч человек в день и привлек к работе части гарнизона, свободные от их специальной службы и строевых занятий. Это дало возможность одновременно производить работы как на главной оборонительной линии, так и на старой линии фортов. Увеличивать еще более число рабочих было невозможно, вследствие недостатка военных инженеров и сапер.

Глава шестая

Здесь необходимо отметить, что в первые дни по вступлении в должность Коменданта, я послал командующему армией рапорт, в коем настаивал на немедленной присылке в Ивангород необходимых для обороны средств.

Я настаивал на возвращении в крепость того батальона крепостной артиллерии, который был отправлен 24 июля в Брест, и просил прислать для борьбы с осадной артиллерией орудия не только мощные, но и могущие стрелять без платформ, как, например, 6 дм. крепостные гаубицы, прислать также орудия противоштурмовые и имеющиеся в Бресте привязные воздушные шары для организации наблюдения.

Вероятно с высылкой всего этого медлили бы, если бы не движение противника к Ивангороду 17 августа. Это заставило поторопиться, и к вечеру 19-го я уже имел все, что просил.

Так, были присланы 28-6 дм. крепостных гаубиц *), несколько 6 дм. в 120 пудов, 4-6 дм. пушек в 200 пудов **) и старые полевые в качестве противоштурмовых. Всего 56 орудий, что вместе с присланными ранее составляло 80-90 орудий. Это было, конечно, не много, но все же составляло кое-что. Прибыли также батальон крепостной артиллерии и 6-я воздухоплавательная рота с двумя станциями привязных змейковых шаров. В последующие дни стали прибывать снаряды, интендантское, инженерное и госпитальное имущество.

Стало очевидно, что крепость понемногу устраивается и богатеет. Но, несмотря на это, я не переставал

*) Дистанция — 8 верст.
**) Дистанция — 12 верст.

настойчиво требовать дальнейших присылок людей, оружия и материалов, и вскоре мы так устроились, что явилась возможность помочь соседям, чем Ивангород сыграл в начале наших военных операций громадную роль. Суть этого дела заключается в следующем:

Вечером 19 или 20 августа денщик доложил мне, что приехал какой-то генерал и хочет меня видеть.

Я вышел и в соседней комнате встретил генерала среднего роста, сухощавого, еще не старого, но с седыми усами.

« Лечицкий », назвал он себя. С ним был его начальник штаба, генерал-маиор Гулевич, генерал-квартирмейстер полковник Эрдели, капитаны Суворов и Пехливанов и еще несколько офицеров. В разговоре генерал Лечицкий сказал, что назначен командующим 9-й армией, которая должна сосредоточиться между Ивангородом и Люблином, но прибавил: « Корпуса еще не прибыли, и я — командующий армией без армии ».

Он расспрашивал меня о нуждах крепости и остался ночевать у меня, чтобы на другой день утром осмотреть укрепления.

Утром я сопровождал его при осмотре фортов левого берега и промежуточных крепостных батарей. Я показал ему также артиллерию, присланную из Бреста, обратил его внимание на гаубицы, стреляющие без платформ, и предложил ему помочь его армии артиллерийскими средствами крепости, если явится в этом нужда и будет возможность.

Только тогда он сказал мне, что крепость включена в состав 9-й армии, и я подчинен ему.

Генерал Лечицкий уехал, прошло несколько дней. Мы получали каждый день сводку событий на театре военных действий, из которой узнавали, что австрийцы идут на Люблин и что левый фланг их сильно укреплен, особенно местечко Ополье, и что наши атаки безуспешны.

24-го я получил телеграмму генерала Лечицкого с просьбой помочь ему высылкой двух батарей 6 дм. крепостных гаубиц для бомбардирования Ополья.

В этот же день я приказал полковнику Рябинину приготовить две батареи гаубиц, по 4 орудия в каждой; Начальнику инженеров — изготовить достаточное количество ящиков для снарядов; командирам пехотных

полков — отпустить из обоза лошадей со сбруей для запряжки гаубиц, а исправнику Федорову — собрать к месту выгрузки гаубиц необходимое количество подвод для перевозки снарядов. Вечером 25 августа на крепостную станцию были поданы два поезда. В один из них погрузили на платформы гаубицы, накрыв их сверху сеном, чтобы скрыть от шпионов, а в крытые вагоны погрузили людей, лошадей и снаряды. В другом поезде разместилась сотня пограничной стражи, назначенная для конвоирования и прикрытия батарей. Общее командование отрядом я вверил полковнику пограничной стражи Иваницкому. Около 9 часов вечера, когда уже совсем стемнело, поезда двинулись. К полуночи они прибыли на станцию Вонвальницу, где уже ожидали собранные исправником Федоровым несколько сотен подвод. Выгрузили, запрягли и двинулись к позиции. К рассвету гаубицы стояли на местах, а затем открыли огонь по укреплениям Ополья. Эфект был поразительный, так как действие 6 дм. бомб, снаряженных тротиллом, было чрезвычайно сильно. Подготовка атаки удалась блестяще: укрепления были разрушены и в тот же день или на другой, не помню точно, взяты нашими. Пленные австрийцы рассказывали, что не могли понять, откуда у генерала Лечицкого появилась тяжелая артиллерия, так как знали, что в его армии ее не было.

Взятием Ополья был сломлен левый фланг австрийцев, что и послужило началом их отступления в Галицию.

Таким образом помощь, оказанная Ивангородом не только 9-й армии, но и общему успеху наших операций, была несомненна и настолько значительна, что заслуживала одобрения. Велико же было мое удивление, когда мне сообщили, что Главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал Иванов, узнав об этом деле, сказал: « А знает ли Комендант крепости, что он подлежит суду за то, что выслал свою артиллерию из крепости? »

Следовательно, в самом начале кампании делу взаимной выручки не придавалось значения, а во все последующее время войны мне не раз приходилось в этом убеждаться. Между тем очень часто именно в быстрой своевременной помощи со стороны ближайших соседей и заключается залог успеха.

Глава седьмая

Между тем работы по устройству главной оборонительной линии заметно подвигались вперед и вместе с этим постепенно выяснялся тот план обороны, которого следовало держаться в будущем. Предстоящее окончание укреплений по линии фольварк Регов-деревни Залесье-Славчин-Сецехов-Лое сводило роль линии фортов на второе место. Новая линия состояла из окопов и нескольких полевых укреплений, усиленных по всему фронту проволочными сетями и, местами, искусственными наводнениями. Она была версты на три длиннее линии фортов и требовала больше пехоты для обороны. Пространство между этой новой линией фортов было очень низменно и почти совершенно открыто в центре и неудобно для расположения здесь крепостной артиллерии. Высокий уровень грунтовых вод не позволял углубляться. Это обстоятельство, а также наличие в крепости орудий, стреляющих без платформ, заставило меня принять план действий, отличный от обычно установившихся действий обороны, но несколько рискованный *). Он состоял в следующем:

---

*) Чтобы сделать это понятным лицам, не знакомым с устройством крепостей и способами их атаки и обороны, я должен объяснить, что артиллерийские орудия, составляющие вооружение крепости и долженствующие отвечать на огонь артиллерии противника, а также поражать его пехоту в момент штурма, обыкновенно устанавливались непосредственно сзади главной, то есть первой линии обороны. Так было принято во всех государствах как правило и, следовательно, было хорошо известно немцам. Поэтому было несомненно, что, появившись перед крепостью, они прежде всего постараются уничтожить крепостную артиллерию и с этой целью сосредоточат свой огонь по площади непосредственно сзади линии обороны, где, « по правилам », должна находиться крепостная артиллерия. Для меня

1 — Главную оборонительную линию занять силами, не превышающими $1/3$ пехотной части гарнизона;

2 — Держать сильный пехотный резерв, — $2/3$ гарнизона;

3 — Усилить гарнизон главной оборонительной линии большим количеством пулеметов и противоштурмовых орудий, то есть таких полевых пушек, которые устанавливаются в самих укреплениях или рядом с ними и открывают огонь только в момент штурма по штурмующим колоннам или цепям;

4 — Только небольшую часть дальнобойной (и наиболее неподвижную) крепостной артиллерии расположить на левом берегу за линией фортов № 5 — Ванновский — № 6 в совершенно углубленных и маскированных батареях. Всего две или три батареи.

5 — Главную часть крепостной артиллерии вынести из подверженного атаке левобережного сектора крепости и расположить ее на правом берегу Вислы в трех группах: на юге — в лесу у деревни Голомб (36 орудий), и у деревни Стенжиц, на севере (24 орудия), то есть на флангах первой линии обороны, а в районе форта № 1, то есть в центре крепости — две батареи пушек наибольшей дальности.

Такое расположение артиллерии являлось для противника совершенно неожиданным и давало возможность взять под сильный перекрестный огонь не только войска противника, идущие на штурм, но и его артиллерию.

6 — Наконец, подвижную крепостную артиллерию и всю легкую скорострельную артиллерию на позиции не выставлять, а держать в подвижном резерве и направлять по ходу боя в те места, где огонь

было совершенно несомненно, что немцы прибегнут именно к этому способу и что в таком случае наша артиллерия сильно пострадает. Следовательно, чтобы избежать этого, нужно было не ставить орудия там, где они должны были бы быть согласно существующим правилам. Я так и сделал, расположив большую часть моей артиллерии совсем в других местах, там, где противник никогда не мог предположить ее существования, а в крепости, сзади линии фортов, оставил только две или три батареи, чтобы их слабым огнем ввести противника в заблуждение относительно числа крепостных орудий и места их установки.

противника окажется сильнее нашего. Кроме того, иметь также резерв и неподвижной крепостной артиллерии.

Чтобы изложенные только что мои предположения об обороне были бы поняты, я должен заметить, что еще в Порт-Артуре, во время осады, я видел, насколько старые образцы нашей крепостной артиллерии мало пригодны для успешной обороны крепости. Причиной этому была их полная неподвижность. Чтобы установить батарею старых 6 дм. пушек, необходимо было отрыть для них глубокие окопы, устроить в них деревянные платформы из особых толстых брусьев, соорудить между ними траверсы, пороховые погребки для снарядов и проч. Все это требует много времени и людей и, кроме того, орудие, установленное в такой батарее, имеет ограниченный угол обстрела. Для того, чтобы переставить орудия в другое место, нужно заново строить батарею, разбирать старые платформы и вновь их собирать, а для перетаскивания самого орудия нужно, вследствие его тяжести, много людей.

Поэтому в Порт-Артуре наши орудия, выставленные в построенных для них батареях, так и оставались в них, пока неприятель их не сбивал. Это приводило к тому, что японцы, имея инициативу действий, сосредоточивали по любому участку фронта, по их выбору, огонь почти всегда более сильный, чем огонь наших батарей, которые могли бы по их расположению отвечать. Если в редких случаях нам и удавалось развить более сильный огонь, то это происходило вследствие помощи орудий берегового фронта, повернутых в сторону суши, и огня судов.

Тогда вполне выяснилась громадная роль подвижной крепостной артиллерии, то есть орудий, могущих стрелять без платформ, не требуя постройки специальных батарей, и легко передвигаемых с места на место. После Порт-Артура я, будучи профессором Николаевской Инженерной Академии и Офицерской Артиллерийской Школы, очень сильно пропагандировал эту идею.

В 1910 году в Артиллерийском Управлении был разработан превосходный образец таких орудий в виде 6 дм. крепостной гаубицы, а к началу войны в складе Бреста имелось уже около шестидесяти этих гаубиц.

Вот почему я в Ивангороде употреблял все усилия, чтобы получить для крепости возможно больше таких орудий. Мне удалось их получить, — 36 штук. Чтобы сделать их вполне подвижными, я приказал сформировать из них 9 батарей, по 4 орудия в каждой, лошадей для перевозки взял из обозов пехотных полков, сбрую купил, а офицеров и солдат назначил из крепостной артиллерии.

По две таких батареи было придано в Голомбскую и Стенжицкую группы, а остальные составляли резерв. Это давало мне возможность, как только противник приобретал бы на каком-либо участке фронта обороны превосходство в огне, немедленно усиливать артиллерию этого участка 20 орудиями подвижного резерва и несколькими батареями легкой артиллерии, а в ближайшую ночь еще и несколькими батареями из неподвижного артиллерийского резерва.

Следовательно, намеченный план действий обороны основывался, в общих словах, на:

1 — Возможности массирования артиллерийского огня, для чего образовывались три могучие артиллерийские группы, — одна в центре крепости и две вне ее, на флангах, и подвижной артиллерийский резерв;

2 — Возможности парирования атак неприятеля контратаками, для чего ²/₃ пехотного гарнизона отчислялись в резерв;

3 — Возможности быстрого получения донесений и передачи приказаний, для чего была проведена специальная организация по управлению огнем крепостной артиллерии, и сильно развивалась телефонная связь.

Эти мои предположения я сообщил подполковнику Рябинину и поручил ему разработать детально организацию управления огнем крепостной артиллерии во время боя, а сам настойчиво просил генерала Лечицкого об усилении гарнизона. В конце августа в крепость прибыли две ополченские бригады: 24-я, генерал-лейтенанта Краснокутского, и 19-я, генерал-майора Панафутина. Затем прибыл авиационный парк капитана Вегенера, а в начале сентября еще одна бригада пехоты 81-й дивизии, полки Солигаличский и Юрьевецкий.

Для окончательной организации крепости не хва-

тало еще современной полевой артиллерии и нескольких батарей дальнобойных орудий. И эта просьба была удовлетворена, и были присланы дивизион легкой артиллерии 81-й дивизии (три батареи), еще 4-6 дм. пушки в 200 пудов и две батареи легких полевых пушек. Конечно, все собранное с таким трудом вооружение далеко не представляло грозной силы, но требования на артиллерию были на всех участках театра войны так велики, что на большее количество нельзя было рассчитывать. Нужно было, следовательно, использовать присланное с наибольшей выгодой. Считая весь гарнизон и вооружение в сборе, я приступил к обучению гарнизона атаке и обороне крепости. К участию в маневрах я привлек не только пехоту и артиллерию, но и инженеров, сапер и воздухоплавателей.

Первый маневр заключался в том, что Мстиславскому полку с двумя легкими батареями давалась задача овладения крепостью внезапной атакой, двигаясь со стороны деревни Черный Ляс, на фольварк Зволя и далее на деревню Гневашово, атакуя участок от Вислы до деревни Славчин.

Оборона участка поручалась Солигаличскому полку (полковнику Ивановскому), имеющему в резерве Юрьевецкий полк и располагающему для наблюдения воздушным шаром и наблюдательным пунктом на колокольне церкви в деревне Голомб.

Здесь же у Голомба была поставлена на церковной колокольне особая наблюдательная комиссия, которой поручено было установить при посредстве непрерывных наблюдений, какие именно заросли деревьев и кустов на левом берегу Вислы будут скрывать движение Мстиславского полка и тем облегчат его приближение к окопам, чтобы потом эти деревья и кусты срубить.

Атакующему поручалось не только определить слабые участки оборонительной линии, но и отметить на картах те места, где он находил хорошее укрытие во время движения.

Маневр это выяснил возможность скрытого приближения противника почти к линии сторожевого охранения, особенно у деревни Олексово, почему было решено выдвинуть оборону в этом месте вперед и укрепиться впереди Олексова, что впоследствии сыграло

большую роль, а кусты и деревья вдоль берега Вислы срубить.

Второй маневр был ночной, — бригада 81-й дивизии атаковала фольварк Сецехов со стороны деревни Словике-Нове. Интерес этого маневра заключался в ознакомлении пехоты с действиями прожекторов и ракет и со стрельбой противоштурмовых орудий. Помимо таких больших маневров, воздухоплавателями каждый день подымались шары и тщательно изучалась местность вокруг крепости, капитан Вегенер каждый день высылал летать своих летчиков, полковник Рябинин подготовлял крепостных артиллеристов, а в пехоте повторяли стрельбу и сторожевую службу.

Глава восьмая

В середине сентября в крепость прибыли еще: рота моряков Гвардейского Экипажа и морской батальон особого назначения капитана 1 ранга Мазурова. Он привез с собой 24 - 47 мм. морских пушки на тумбах. Я убедил его в непригодности таких установок и приказал переделать их на колесные и употреблять в качестве противоштурмовых, на что они были очень пригодны ввиду их легкости и скорострельности. Он же привез 4 - 75 мм. морских пушки, тоже на тумбах. Эти прекрасные орудия мы употребляли в качестве противоаэропланных, установив их в одной батарее у форта № 4. Две другие батареи против аэропланов были поставлены в двух вершинах треугольника, — одна у форта № 1, другая у форта Ванновского. Батареи имели задачей не допускать аэропланов до бомбардирования моста, цитадели и станции и взаимно поддерживать друг друга. Нужно отдать справедливость полковнику Рябинину: он сумел отлично организовать эту стрельбу. Вскоре прибыли еще 5-я воздухоплавательная рота штабс-капитана Дукшт-Дукшинского и автомобильная команда из 10 грузовых и 15 легковых машин. Прибыли также приобретенные частной покупкой в Швеции 4 мощных прожектора большого диаметра и громадное количество телефонных аппаратов *). К этому времени закончились формирования частей, производившиеся в крепости. Так телеграфная команда капитана Орешко развернулась в крепостную телеграфную роту; сформирова-

---

*) Эти аппараты, имевшие для крепости громадную важность, удалось получить исключительно благодаря замечательной энергии гражданского инженера Карпинского, работавшего в крепости по добровольному его желанию.

ИВАНГОРОДЪ въ 1914 г.
МАСШТАБЪ:
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:
Наводненіе
Нѣмецкое наступленіе
Русскія укрѣпленія
Русскій фронтъ
Русское наступленіе
Нѣмецкія укрѣпленія
Австрійскій фронтъ
Козеницы
Павловицы
Бржезины
Прасмовъ
Стенжица
Бржезница
Висла
Ф.№1.
Цитадель
ИВАНГОРОДЪ
Ф.№2.
Ф.№3.
Ф.№4.
Ф.№5.
Ф.№6
Бецехов
Бобровники
Вепржъ
Слязторна Воля
Залѣсье
Славчинъ
Реговъ
III КАВ. КОРП.
ГАРНИЗОНЪ КРѢП.
ГВАРД.
8 Октября
13 Октября
Полична
Голомбъ
Бржозовке
ГВАРД. КОРП.
8 Октября
Высоко Коло
Черный Лесъ
13 Октября
Зволя
Лузиновъ
Яблоновъ
25 КОРП.
Казановъ
Новоалександрія

лась особая прожекторная команда под начальством прапорщика Татаринова *); сформировалось Интендантское управление во главе с капитаном Сизовым, оказавшимся отличным интендантом, и, наконец, при штабе, жандармская команда ротмистра Гана и пожарная команда ротмистра Глебовского. Прибывший из Радома еще 15 августа вследствие его эвакуации генерал-маиор князь Микеладзе сам предложил мне свои услуги и был назначен моим помощником по гражданской части. Пешая и конная полиция Радома была сведена в отдельные команды и передана в распоряжение инженеров-производителей работ для надзора за рабочими.

Каждый раз, когда я выезжал на место вероятной будущей позиции неприятеля, я старался разгадать его план и определить, что он заметит у нас на линии обороны и в центре крепости. Прежде всего я убедился в отличной маскировке линии фортов № 5, Ванновского и № 6 густой древесной растительностью, но при внимательном разглядывании даже с расстояния почти в 10 верст замечался блестящий сквозь эту зелень золотой крест на крепостном соборе в цитадели и верхняя часть его золоченого купола. Это могло служить ориентировочным знаком для противника, и поэтому я приказал обернуть крест еловыми ветвями и покрыть ими верхнюю часть его золоченого купола **). Заметив также, что некоторые участки окопов главной оборонительной линии плохо маскированы и заметны даже невооруженным глазом, я приказал перенести их за внутреннюю сторону заборов, совершенно не нарушая наружного вида последних.

К 25 сентября окончились работы по сооружению

---

*) Известный изобретатель геликоптера. В крепости им был изобретен электрический миномет, а также разработан способ устройства плотин из брезента.

**) Уже в Аргентине, много лет спустя, я познакомился с одним немецким офицером-авиатором капитаном Пфейфер, который рассказывал мне, что это именно ему была поручена воздушная разведка Ивангорода. Он сообщил, что при первых своих налетах он всегда ориентировался на блестящий купол собора, и вдруг купол исчез, да так, что в последующие налеты он его не мог уже больше открыть, и это сильно затрудняло рекогносцировку.

главной оборонительной линии, а 26-го появился неприятель.

Однако, прежде чем приступить к описанию боевых действий под Ивангородом, я должен упомянуть о некоторых, так сказать, внешних событиях, имеющих все же непосредственную связь с событиями, последовавшими затем у Ивангорода.

После овладения Опольем началось преследование австрийской армии, увлекшее наши войска далеко в пределы Галиции. Вскоре были взяты Ярослав, Львов и многие другие места. Австрийская армия, казалось, была совершенно разгромлена. Еще немного времени и наши войска дойдут до Перемышля и Кракова. В это время на помощь Австрии пришла Германия. Быстро перебросив часть своих войск из Франции и из Восточной Пруссии, немцы сформировали так называемую « польскую армию » и вновь овладели Ченстоховом и Кельцами, угрожая Ивангороду и Варшаве. Тогда в нашем Верховном Командовании был предложен очень оригинальный и смелый план, заключавшийся в том, чтобы, пропустив немцев к Ивангороду и удерживая его, переправить главные силы через Вислу в ее верховьях и, овладев Кельцами, совершенно отрезать немцам возможность отступления в Германию. Для того, чтобы наверное удержать Ивангород, решено было послать ему значительную поддержку, и с этой целью 8 сентября в крепость прибыл 3-й Кавказский корпус генерала от артиллерии Ирманова, не вошедший в состав гарнизона. Если бы изложенный выше план был приведен в исполнение, то я полагаю, что участь кампании была бы решена в нашу пользу тогда же, но не прошло и недели, как все изменилось и план этот был брошен. Было решено повернуть наши армии из Галиции обратно, перебросив их к Варшаве, и ответить на маневр немцев таким же маневром с фронта. Но так как железных дорог для быстрой переброски войск было мало, то потянулись мимо Ивангорода на север корпус за корпусом пешим порядком. Переправ через Вислу между Варшавой и Ивангородом не имелось, и у деревни Гура Кальвария, в 27 верстах южнее Варшавы, стали строит понтонный мост. Особые корпуса назначались для действия во фланги немцев. Одним из таких корпусов был Гренадерский корпус генерала Мрозовского, который

должен был прибыть к 20 сентября к городу Ново-Александрия, в 12 верстах южнее Ивангорода, и здесь переправиться на левый берег.

Вот при каких условиях я получил 15 сентября от генерала Алексеева телеграмму, близкую почти к отчаянию. В ней он писал: « Очень прошу вас помочь мне построить до 20 сентября в Александрии мост для переправы отряда с легкой артиллерией ». Это поручение ставило меня в большое затруднение, так как никакого мостового имущества в крепости заготовлено не было, а если бы и было, то соорудить мост через Вислу, шириной в 250 сажен, в пять дней было почти невозможно. Но тогда было такое время и такие работники, для которых невозможного не существовало. Я назначил строителем моста инженер-полковника Беляева, жившего в Ивангороде много лет и отлично знавшего все тамошние места, средства и жителей. Немедленно были разосланы по всем окрестностям люди собирать на Висле старые баржи, доставлявшие в Варшаву дрова. Баржи загнали в Александрию, и работа закипела так, что к назначенному сроку мост был готов. Тут следует заметить, что полковник Беляев, увидев, что доставленных барж мало и для нормальной постройки моста их не хватало, решил ставить их не по течению реки, а перпендикулярно. Этим остроумным способом он вышел из положения.

Корпус генерала Мрозовского к этому времени прибыл, но не воспользовался сейчас же мостом, а оставался на правом берегу, пропустив несколько дней, чем едва себя не погубил. В это время немцы уже двигались к Радому и овладели им без боя. Тогда генерал Мрозовский переправил у Александрии на левый берег батальон сапер и два полка пехоты, приказав им строить предмостное укрепление, но не в расстоянии 8 верст от головы моста, как того требовала директива командующего 4-й армией, а лишь в 2 верстах. Мы в крепости не знали о силах неприятеля решительно ничего, так как Главная Квартира фронта нас об этом совершенно не осведомляла, и думали, что против нас 1 ½ — 2 корпуса. Лишь в прошлом году я узнал из « Истории войны » Штегемана, что против Ивангорода действовали три группы немцев под общим руководством

Гинденбурга, другая же группа армий под руководством Макензена действовала против Варшавы со стороны Торна и Калиша. К группе Гинденбурга принадлежала еще 1-я австрийская армия генерала Данкля, но она оставалась у Сандомира для наблюдения за верхним течением Вислы.

Числа 22-го немцы овладели Радомом. В этот день я получил директиву генерала Эверта, которому крепость была снова подчинена, в коей мне сообщалось, что генерал Мрозовский, переправившись у Александрии, выдвинется вперед и займет такие-то и такие-то пункты, примерно в 8 верстах от головы моста, где построит головное укрепление и затем начнет дальнейшее наступление во фланг немцам. В директиве перечислялись все те пункты, которые должен был занять генерал Мрозовский, и по этим пунктам мне запрещалось стрелять из крепостных орудий. Я отдал соответствующее распоряжение командиру крепостной артиллерии. Между тем генерал Мрозовский продолжал оставаться в Александрии со своими главными силами. Штаб его не установил со мной никакой связи, хотя имел на это и время и средства и обязан был это сделать. Тогда я приказал провести телефонную линию в Александрию на средства крепости и установить в штабе корпуса наш аппарат. Все мои старания установить более живую и тесную связь с командиром корпуса и его штабом не увенчались успехом.

В течение нескольких последующих дней в крепости была закончена организация управления огнем крепостной артиллерии, и орудия размещены так, как я предполагал в моем плане, о котором уже говорил выше.

Неожиданно присланные мне из Новогеоргиевска 4 - 6 дм. пушки в 120 пудов дали возможность охватить неприятеля огнем еще более. Для этого я решил воспользоваться отличной артиллерийской позицией в лесу у деревни Жепки Лесные, версты на 1 ½ — 2 южнее деревни Голомб. Трудно было доставить туда орудия, но у меня был отличный железнодорожный офицер, поручик Мухин, с особой железнодорожной командой. Он сумел в два дня проложить к Жепкам ветку железной дороги от станции Голомб и доставить туда

орудия вовремя. Батарея была построена, вооружена и включена в Голомбскую группу, командование которой я поручил гвардейской конной артиллерии полковнику Войно-Панченко.

Вообще управление крепостной артиллерией было организовано так:

1) Артиллерия могла открыть огонь впервые лишь по моему личному распоряжению; 2) Все мои распоряжения я передавал непосредственно полковнику Рябинину. Этот последний передавал их начальникам групп, которые приказывали командирам батарей; 3) На фронте обороны было всего три группы: Голомбская, центральная и Стенжицкая; 4) Каждая группа имела своего начальника, имеющего свой наблюдательный пункт и связанного телефоном с командиром крепостной артиллерии, с одной стороны, и с командирами своих батарей, с другой; 5) Командир крепостной артиллерии помещался в центральном пункте по управлению огнем артиллерии, помещавшемся в опорожненном бетонном пороховом погребе в цитадели. Здесь находился план крепости и окружающей местности, изображенный в крупном масштабе. На план были нанесены все батареи, а окружающая местность, где должен был располагаться противник была разбита на клетки (квадраты в 1 дм. в стороне). Каждый такой квадрат имел свой номер и содержал в себе 25 маленьких квадратиков, обозначенных буквой и имеющих по 100 сажен в стороне. Наблюдательные пункты на привязных змейковых шарах 14-й воздухоплавательной роты обслуживали центральную и Стенжицкую группы, а шар 5-й роты — Голомбскую. Шары были соединены телефоном с начальниками групп и со мною, и офицер-наблюдатель имел с собой уменьшенный план квадратов. Как только он замечал в площади, занятой противником, цель, как-то батарею, группу людей, движение обоза и т. п., он прежде всего был обязан сообщить об этом начальнику соответствующей группы наших батарей. Когда наблюдатель замечал что-либо особо важное, например передвижение больших групп и целей, внезапное появление противника в новом месте, он сейчас же давал знать лично мне. В таком случае я принимал решение и сообщал его в виде приказания начальнику крепостной артиллерии, который

сообщал начальникам групп и т. д.*). Во всех остальных случаях инициатива открытия огня предоставлялась начальникам групп, чем выигрывалось время.

Для корректирования огня каждая батарея имела свой наблюдательный пункт, устроенный большей частью на деревьях совершенно маскированно. Кроме того, для этой же цели от каждой батареи было несколько наблюдателей в передовых окопах главной оборонительной линии, связанных телефонами с командирами их батарей. Вообще телефонная связь была развита чрезвычайно широко и функционировала все время отлично, что принесло обороне громадную пользу. Большое спасибо за это командиру телеграфной роты капитану Орешко и его унтер-офицеру Ганзя. Последний был награжден за оборону Георгиевским крестом с производством в прапорщики. Он остался в той же роте младшим офицером.

---

*) Эта организация наблюдения и управления огнем крепостной артиллерии принесла в продолжение боев неисчислимые выгоды, и блестящий успех обороны во многом обязан безупречной и самостоятельной деятельности офицеров — воздухоплавателей и артиллеристов.

Глава девятая

Едва успели все это наладить, как утром 26 сентября я получил от моей конницы (две сотни пограничной стражи), находившейся в нескольких верстах впереди линии сторожевого охранения, донесение, что немцы заняли станцию Горбатка, в 19 верстах от Ивангорода. В 12 часов дня было получено второе донесение, что немцы двинулись к Ивангороду, имея впереди конницу. В 2 часа дня моя конница была уже оттеснена к крепости, в 3 часа начало отходить сторожевое охранение, а около 4 часов немцы появились в виду наших укреплений, выставили под прикрытием пехотных цепей свою артиллерию и сейчас же открыли по укреплениям главной оборонительной линии артиллерийский огонь.

Я должен напомнить, что не имею при себе никаких документов, пишу по памяти и имею в виду описывать лишь события, рисующие общую картину или зависевшие от моих распоряжений.

Еще накануне, 25 сентября, получив донесение о движении немцев к Горбатке, я отдал приказ гарнизону, в коем требовал от всех быть на своих местах, делать только то, что каждому поручено, не суетиться и не терять хладнокровия. В этом же приказе я объявил, что отступления из Ивангорода не будет.

К утру 26 сентября гарнизон крепости распределился так: вся крепость делилась на два фронта-левый берег и правый. Левый, на который шло наступление противника, делился на два участка: первый, от деревни Лое до полотна железной дороги, и второй — далее до Вислы, кончаясь у Регова. Начальником всего этого фронта был назначен командир Мстиславского полка полковник Будилович. Первый участок занимался

Мстиславским полком, второй Солигаличским. В резерве начальника фронта 3 дружины 24-й бригады ополчения, а вся остальная пехота: два полка и 19-я бригада ополчения в моем личном резерве за второй линией фортов; остальные три дружины 24-й бригады ополчения составляли гарнизон правого берега — по одной дружине в Голомбе и Стенжице и по одной роте на фортах №№ 1, 2, 3 и 4 и, наконец, последний ресурс — три пеших и две конных сотни пограничной стражи, одна рота и один батальон моряков, полторы роты сапер, полицейская и жандармская команды — в цитадели.

События 26 сентября совершались так быстро, что несмотря на то, что я их ждал, мне казалось, что я все таки был застигнут ими врасплох.

При обороне крепости чрезвычайно важно быть вовремя осведомленным о передвижениях неприятеля, дабы разгадать его намерения и соответствующими распоряжениями парализовать их.

По-видимому, немцы имели сведения о том, что Ивангород был упразднен и разоружен, а о новых работах ничего не знали и поэтому были уверены, что не встретят никакого сопротивления. Стремительность, с которой они набросились на Ивангород, показывает, что они решили овладеть крепостью сразу, простой атакой открытой силой и, узнав, что накануне ночью у Ново-Александрии началась наконец переправа главных сил генерала Мрозовского, полагали быстрым налетом покончить с Ивангородом, чтобы затем легче было справиться с корпусом гренадер.

Видя, что сегодня же предстоит штурм главной оборонительной линии, соображая по времени, что он начнется в сумерках, и не желая выдавать блеском выстрелов расположения своей крепостной артиллерии в первый же день, я приказал: крепостной артиллерии не открывать огня до моего личного приказа, а противоштурмовой артиллерии открыть самый сильный огонь, как только стрелковые цепи противника спустятся с занятых неприятелем высот к нашим окопам. Это распоряжение было передано на фронт около 3 часов дня, а в 4 часа неприятельская артиллерия уже начала обстрел наших укреплений первой линии обороны. С нашей стороны — полное молчание.

В окопах стрелки поспешно прилаживают щиты и

приспособляют амбразуры, на наблюдательных пунктах с любопытством и оживлением стараются раскрыть неприятельскую артиллерию и рассмотреть долгожданного врага. Части резерва собираются в указанные места, прислуга батарей крепостной артиллерии, вся в готовности на батареях, ожидает приказа. Огонь немцев был вначале не особенно сильный и малодействительный, но постепенно усиливался. Он был сосредоточен главным образом по линии деревень Регов, Олексово, Славчин, Залесье, Кляшторна Воля, Сецехов, Мозолицы и по площади между этой линией и линией фортов, а также по самим фортам и по мосту. По силе огня можно было предположить, что неприятель стреляет главным образом полевой артеллерией в количестве около трех или четырех бригад с небольшим количеством тяжелой. Нашим укреплением главной оборонительной линии этот огонь причинял мало вреда. Только в деревнях, почти примыкавших к укреплениям, загорелось несколько домов, и когда роты частного резерва начали их тушить, то между ними оказалось несколько человек, раненных шрапнелью. В окопах раненых было мало. Тяжелая артиллерия противника направляла свой огонь по площади сзади линии обороны, по фольварку Опацтво, что впереди форта Вановский, по этому форту и по железнодорожному мосту.

На огонь немцев с самого начала стали отвечать наши три батареи, расположенные у форта Ванновский.

Около 6 1/2 — 7 часов вечера полковник Будилович донес мне, что замечено движение неприятельских цепей к нашим укреплениям. Я подтвердил, что как только они спустятся в долину, открыть по ним самый жестокий ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь противоштурмовых орудий.

Почти вслед за тем по всему фронту, начиная от укрепления Олексово и до деревни Сецехов, началась ружейная перестрелка. Вскоре к ней присоединилось таканье пулеметов, а затем и резкие выстрелы полевых орудий. Постепенно огонь наших противоштурмовых пушек усиливался и скоро уже отдельных выстрелов не стало слышно и все слилось в один общий гул. Неприятельская пехота спустилась с высот против деревни Славчин, вышла из деревни Гневашово и поя-

вилась на опушке леса против Сецехова и Кляшторна Воля. Артиллерийский огонь противника усилился, причем немцы сосредоточили огонь еще нескольких тяжелых орудий по фольварку Опацтво и по форту Ванновскому. Несколько тяжелых снарядов легло на берегу Вислы около мостика цитадели.

Дальнейшее движение немецкой пехоты происходило под нашим артиллерийским и ружейным огнем из окопов главной оборонительной линии. Пользуясь естественными прикрытиями кустов и канав, немцы продвигались сначала довольно быстро, но скоро достигли наводненных пространств. Здесь уже нельзя было залегать и пришлось двигаться в открытую, а огонь наш все усиливался.

Когда полковник Будилович донес мне по телефону, что немцы достигли, примерно, середины заболоченной долины, я приказал подполковнику Рябинину сосредоточить по ним огонь с обеих групп крепостной артиллерии — Голомбской и Стенжицкой. Немедленно 60 крепостных орудий открыли самый живой и действительный огонь, сосредоточивая его главным образом по пехоте, но также и по батареям противника, поражая его справа и слева из мест, где присутствия артиллерии немцы совершенно не ожидали. Было видно, что большинство немцев стреляют стоя, а другие опускаясь на колено. Нигде противник не подвигался вперед и поражался огнем с фронта и особенно с обоих флангов. Его наступление было сразу парализовано. Залечь в болоте было невозможно, укрытий никаких не было, и положение атакующих сразу стало трудным.

Скоро наступили сумерки и с наблюдательных пунктов уже не стало ничего видно, однако жестокий огонь продолжался еще долго. Затем он стал ослабевать и около 8 1/2 часов прекратился совсем. Полковник Будилович донес мне по телефону, что, попав в заболоченную долину, немцы не могли продвигаться по ней под нашим сосредоточенным огнем, не смогли долго выдерживать его, повернули и стали по всей линии отходить назад. Сейчас они находятся уже вне пределов нашего ружейного огня, почему он прекратил его. Первый штурм крепости был отбит.

Наше сторожевое охранение стало постепенно продвигаться вперед. Немцы отошли на 1 1/2 — 2 версты и

начали окапываться, но крепостные прожекторы тотчас же взяли их в лучи и мешали этой работе. Было ясно, что отраженный противник приступил к обложению крепости и можно было ожидать в скором времени возобновления атаки.

Ко мне в штаб крепости в это время приехали от Главнокомандующего Особоуполномоченный Красного Креста Юго-Западного фронта сенатор Иваницкий и Главноуполномоченный Красного Креста 2-й армии А. И. Гучков. Я оставил их у себя в доме, а сам в 10 часов выехал на форт Ванновский, где решил провести ночь. Я сделал это, потому что заметил некоторую растерянность у старших начальников и думал, что и гарнизон, в первый раз знакомящийся с огнем, приободрится, когда узнает, что Комендант крепости находится непосредственно с ними. Это действительно так и было. Ночь прошла спокойно, но в эту ночь мало кто спал, — все старались спешно закончить то, что еще не было сделано. С 3 часов начал доноситься гул отдаленной артиллерийской стрельбы. Это немцы начали наступление на левый фланг корпуса генерала Мрозовского, дабы оттеснить его к Висле. По мере того как рассветало, артиллерийский огонь становился все интенсивнее. Вскоре с наблюдательных пунктов стали доносить, что к некоторым пунктам правого фланга отряда генерала Мрозовского заметно движение неприятельских групп. Против Ивангорода противник не предпринимал ничего. Пункты, на которые было замечено движение неприятельских групп, оказались именно теми, по которым мне было запрещено стрелять, но так как части неприятеля, движущиеся к этим пунктам, были также в пределах крепостного огня, то я приказал центральной группе крепостной артиллерии открыть по ним огонь. Еще не вполне рассвело, как с батареи 42 лн. орудий, что была расположена у форта Ванновский, раздался первый выстрел. Вскоре заговорили и остальные батареи центральной группы. Немцы тотчас же ответили на огонь, но батарей наших не разыскали и подвергли обстрелу форты, главным образом форт Ванновский, и железнодорожный мост, поддерживая огонь целый день. Активных действий против Ивангорода немцы в этот день не предпринимали, а что происходило у генерала Мрозовского, мы не знали, так как несмотря на

проведенный в его штаб телефон, нам все же ничего не сообщали.

Наконец в час дня начальник штаба Гренадерского корпуса просил обстрелять крепостной артиллерией деревни Гневашово и Высоко Коло, где, по его словам, укрепился неприятель. Я приказал сделать это Голомбской группе, в этот день до сих пор еще молчавшей. Не прошло и пяти минут, как крепостные гаубицы этой группы открыли по указанным деревням огонь тротилловыми бомбами, и оттуда началось повальное бегство немцев. В 2 часа дня начальник штаба корпуса просил прекратить огонь. Мы прекратили обстрел, полагая, что части корпуса займут эти важные для обеспечения правого фланга корпуса пункты.

Не получая в течение остальной части дня от генерала Мрозовского никаких известий, я был уверен, что у него дело идет хорошо, как вдруг около 7 часов вечера начальник штаба корпуса снова воспользовался телефоном и известил меня, что вследствие отхода левого фланга, корпус, понеся большие потери, вынужден весь перейти на правый берег, что и начинает выполнять.

Это известие было равносильно грому в ясный день. Я тотчас же просил по телефону командира 3-го Кавказского корпуса генерала Ирманова, жившего в моей квартире в цитадели, прибыть ко мне на форт Ванновский. Обсудив с ним создавшееся положение, мы решили облегчить положение Гренадерского корпуса, оттянув от него часть немцев, и для этого самим перейти в наступление.

Для этого Ирманов назначил одну дивизию его корпуса, а я — бригаду 81-й дивизии, о чем мы сообщили по телефону в Люблин командующему армией. В 9 часов вечера назначенные войска уже сосредоточились у форта Ванновского и начали движение в направлении на деревню Славчин. В 11 часов они должны были начать атаку немцев у Гневашова и Гневашовского леса. В это время прибыл от командующего 4-й армией офицер Генерального штаба с приказом прекратить наступление, так как генералу Мрозовскому отдано распоряжение перейти на правый берег и в 12 часов ночи сжечь мосты.

Он же привез предписание Главнокомандующего,

которым мне приказывалось « во что бы то ни стало удерживать занимаемый мною плацдарм на левом берегу Вислы ».

С большим сожалением я и генерал Ирманов исполнили распоряжение о прекращении наступления. Генерал Мрозовский ушел на правый берег с остатками своего корпуса, потеряв в этот день много убитыми и ранеными и около 7 тысяч человек с тремя батареями пленными. Генерал Ирманов также отошел на правый берег и на левом берегу крепость осталась одна со своими скромными средствами и с большой задачей.

Глава десятая

Ночь на 28-ое я провел еще на форту, а утром 28-го вернулся в цитадель. День этот прошел почти спокойно, немцы производили перегруппировку, и части их, попадавшие в сферу нашего огня, тотчас же обстреливались, на что немецкая артиллерия неуклонно отвечала. В этот же день они закончили установку своей дальнобойной артиллерии и 29-го с утра открыли сильный огонь. Начались бомбардировки Ивангорода, продолжавшиеся до 8 октября. Стреляли по мостам через Вислу и Вепрж, по форту №4, по цитадели и по костелу Опацтва, на колокольне которого находился наш главный наблюдательный пункт. Огонь этот велся, однако, на предельной дистанции и особого ущерба нам не принес: в мост на Висле было только два попадания, да костел был пробит насквозь в нескольких местах. Утром небольшой немецкий отряд произвел движение из Гневашова в направлении на фольварк Новый Регов. Гарнизон нашего укрепления впереди деревни Олексово, еще малообстрелянный, вообразив, что этим движением немцы его обойдут, решил оставить укрепление и отойти в деревню Олексово. Когда мне об этом донесли, я приказал укрепление немедленно занять снова, а если это не удастся, то начальников всех степеней этого отряда предать суду, которому собраться не позже 12 часов дня 30 сентября. Подкрепленный двумя ротами резерва, гарнизон Олексовского укрепления контратаковал, выбил немцев и снова занял укрепление. Я отменил приказ о суде.

Я уже упоминал несколько раз имя генерала Ирманова, которого знал хорошо еще по Порт-Артуру, где мы вместе провели всю осаду. Генерал Ирманов

приобрел там очень прочную репутацию смелого и решительного начальника, защитника Высокой горы, которую он вместе с командиром 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка полковником Третьяковым весьма успешно оборонял и удерживал в наших руках в продолжение нескольких месяцев. В Порт-Артуре его называли «храбрейший из храбрых».

По прибытии генерала Ирманова в Ивангород я предложил ему поселиться у меня в доме и в дальнейшем мы действовали во всем совместно и весьма дружно, что несомненно принесло большую пользу. Он имел предписание командующего армией не входить в состав гарнизона, и корпус его назначался первоначально для активных действий против подходящих к Ивангороду немцев и должен был продвинуться вперед до Радома. Несколько позже это последнее распоряжение отменили, и корпус оставался в Ивангороде, на правом берегу, в бездействии.

28-го генерал Ирманов, его начальник штаба генерал-маиор Квицинский и я обсуждали создавшееся положение и пришли к заключению, что немцы, окапываясь на позиции против Ивангорода и не предпринимая против него в течение двух дней никаких решительных действий, очевидно имеют в виду создать против крепости сильную укрепленную позицию и этим парализовать деятельность гарнизона. Придя к такому заключению, мы решили помешать противнику и немедленно, не ожидая окончания его работ, самим перейти в наступление. Для этой цели мы приняли такой план действий: войска гарнизона, как второочередные (резервные) и малоспособные к активным действиям в поле, будут производить вылазки каждую ночь на левом фланге и в центре крепости, в то время как одна дивизия Ирманова начнет наступление против левого фланга немцев перед крепостью, а другая дивизия переправится через Вислу севернее крепости с целью охватить левый фланг противника. В помощь первому отряду я назначил две батареи подвижных 6 дм. гаубиц и все крепостные батареи центральной группы, могущие обстреливать деревню Словике-Нове и ее окрестности, а для второго отряда назначались три батареи тяжелой артиллерии корпуса и все крепостные батареи Стенжицкой группы.

Об этом нашем плане генерал Ирманов и я донесли командующему 4-й армией и к вечеру 29 сентября было получено разрешение генералу Ирманову начать наступление на немцев, обложивших Ивангород, действуя главным образом на их левый фланг.

Для этого 52-я дивизия корпуса генерала Ирманова под командой генерала Мехмандарова была переправлена на судах на левый берег у деревни Павловицы, и под ее прикрытием мои инженеры Глазенап и Штромберг начали строить мост, а другая дивизия того же корпуса под командой генерала Артемьева сосредоточилась в тылу деревни Лое и направилась к выходу из крепости по левому берегу Вислы.

По странному совпадению, в это же время немцы начали свою вторую активную операцию против крепости, для чего сосредоточились в лесу против правого фланга крепости у деревни Словике-Нове, быстро двинулись вперед, захватили деревню Мозолицы и уже приближались к деревне Лое, когда оттуда появились передовые части дивизии Артемьева. Я не могу припомнить сейчас, произошел ли встречный бой или же немцы, увидев превосходные силы русских, сами поспешно отступили, но быстрым движением вперед дивизия захватила Мозолицы и продолжала преследовать противника, отошедшего на деревню Словике-Нове, где встретила сильное сопротивление.

По сведениям, встреченным мною в военной литературе несколько лет спустя, план немцев заключался в быстром и неожиданном для нас захвате деревни Лое и проникновении оттуда в центр крепости с одновременной переправой на правый берег Вислы.

Великолепным войскам 3-го Кавказского корпуса приходилось идти в атаку по грудь в воде нашего же искусственного наводнения, и это продолжалось в течение нескольких дней. Движение по болоту под дождем и сильным ружейным и артиллерийским огнем немцев было чрезвычайно трудным и, чтобы облегчить его, я приказал выдвинуть две крепостные батареи до самой деревни Лое и ввел в действие все батареи центральной и Стенжицкой групп. Немцы отвечали таким же сосредоточением огня и начался бой, продолжавшийся вплоть до 8 октября.

Одновременно с началом операций, описанных вы-

ше, утром 30 сентября немцы сильно обстреляли наш левый фланг и атаковали укрепления у Олексова, но те же самые наши роты, что накануне оставили это укрепление, в этот день блестяще отбили атаку, причем командир одной роты был убит, а другой тяжело ранен.

В этот же день начальник железнодорожной жандармской команды подполковник Сувако явился ко мне и доложил, что из Радома прибыл швейцар станции, лично ему известный, и привез от немецкого командующего войсками в Радоме письмо ко мне. Письмо это он у швейцара взял и принес, а швейцара тоже привел и оставил в штабе.

Я вызвал к себе начальника штаба крепости капитана Дорофеева и сообщил ему о доложенном подполковником Сувако. Так как положение об управлении крепостями воспрещало мне вступать в какие-либо сношения с неприятелем, я решил письмо это не принимать, тем более что оно прислано не с парламентером, как это обычно делается, а с каким-то швейцаром. Присутствовавший при этом мой помощник по гражданской части генерал-маиор князь Микеладзе присоединился к этому моему мнению, но посоветовал поручить небольшой комиссии ознакомиться с его содержанием. Тогда я поручил генерал-маиору князю Микеладзе с начальником штаба крепости, подполковником Сувако и ротмистром Ган взять письмо, прочесть его и сообщить мне его содержание лишь в том случае, если оно содержит важные для крепости сообщения, а о происшедшем составить протокол, который представить в штаб армии. Так и сделали. Содержание письма мне не было сообщено. Несколько дней спустя я спросил об этом князя Микеладзе и он ответил, что в письме не содержалось ничего важного, а одни лишь гадости и что мне не следует знать об этом. Я не настаивал.

По ночам на всех участках фронта выходили вперед отряды разведчиков. Из донесений их 30 сентября было видно, что с началом наступления генерала Ирманова немцы стали сильно укрепляться по всему фронту, особенно же в Гневашовском лесу. По всей линии обложения строились окопы с блиндажами и проволочными сетями. В ночь на 1 октября мы выслали отряд в двечетыре роты для уничтожения участков этих работ у

Гневашовского леса, но оказалось, что сторожевое охранение немцев очень усилено, и отряд не мог выполнить своей задачи.

К вечеру этого дня продвижение дивизии генерала Артемьева против деревни Словике-Нове было задержано огнем очень больших сил, стянутых немцами поспешно к этому пункту. Передовые цепи дивизии находились, примерно, в 1.000—1.200 шагах, укрываясь в кустарниках и неровностях местности и имея резервы на опушке деревни Мозолицы.

Дивизия Мехмандарова благополучно переправилась у деревни Павловицы и двинулась к деревне Бржезница, но деревня была уже занята немцами, приступившими к ее поспешному укреплению. Под сильным огнем противника дивизия продвинулась до дороги и там залегла. Тогда немцы, чтобы облегчить положение их левого фланга, решили возобновить атаку нашего левого фланга.

С утра 1 октября немцы начали сильный обстрел всего левого фланга нашей главной оборонительной линии, а также фольварка Опацтво и фортов № 5 и Ванновский. Наша крепостная артиллерия отвечала весьма успешно. Около 11 часов утра началось наступление немцев на укрепление Олексово и деревню Славчин. Атака отбивалась ружейным огнем гарнизона этих пунктов и огнем противоштурмовых орудий. Немцы были несколько раз вынуждены отходить назад, но вновь возвращались. Наконец, около 3 часов была отбита последняя их атака. Большую пользу принесла нам Голомбская группа крепостных батарей.

К вечеру оба начальника дивизий генерала Ирманова донесли ему, что дальнейшее их наступление задерживается противником, располагающим значительно большими силами, чем мы предполагали. Тогда, чтобы облегчить положение корпуса генерала Ирманова, я решил произвести в ночь с 1-го на 2-ое сильную вылазку в центре неприятельского расположения. Для этой цели был назначен 323-й Юрьевецкий полк и один батальон Мстиславского полка под общим начальством командира Юрьевецкого полка. Двигаясь по обеим сторонам насыпи железной дороги, вылазочный отряд имел задачей, скрытно приблизившись к позиции противника, атаковать опушку леса, захватить укрепления,

там построенные, и, продвинувшись до дороги, что идет от фольварка Сецехов на Козеницы, здесь укрепиться и удержаться, отбивая атаки и привлекая к себе возможно больше резервов противника. Так и было сделано.

Мы в крепости не имели тогда никаких сведений о силах противника и предполагали, что против нас действуют не более двух корпусов. Ныне уже установлено, что « польская армия », направленная под командованием генерала Гинденбурга для атаки Ивангорода, состояла из 2-го резервного гвардейского корпуса, корпусов 20-го, 11-го, 18-го и Силезского ландверного, то есть всего пяти корпусов (записки Белова).

Отряд вышел из крепости еще в сумерках, незаметно пересек долину, около полуночи дошел до неприятельской позиции, атаковал ее и взял, но когда начался бой в лесу, роты наши перепутались, не установили между собой связи и были выбиты из леса. При отступлении некоторые роты попали в болото и понесли потери. Так донес мне начальник отряда, командир Юрьевецкого полка.

Как это ни странно, но уже здесь, в Аргентине, где я сейчас нахожусь, я получил некоторые сведения, убедившие меня в том, что я был неправ, будучи недоволен действиями вылазочного отряда, и что отряд этот, то есть главным образом Юрьевецкий полк, блестяще выполнил свою задачу. Я узнал это из опубликованной здесь книги немецкого генерала Ганса фон Белов « Memorias de Guerra », который принимал участие в боях под Ивангородом, командуя бригадой, против которой именно и была направлена наша вылазка. Генерал подробно останавливается на описании этого эпизода. На страницах 82-85 его книги он рассказывает:

« Ночь с 14 на 15 октября (по новому стилю) прошла очень тревожно, все время слышалась ружейная стрельба и буханье пушек. Из штаба корпуса мне сообщили, что противник (то есть русские) проник в расположение моих передовых частей у тупика 122 и взял два орудия. Я сейчас же запросил по телефону указанный пункт, и оттуда мне ответили, что там все в порядке. Я прилег и спал с перерывами. Около трех часов пополуночи поручик 93-го пехотного полка фон Арним явился ко мне с известием, что русские атаковали и проникли в расположение полка, что сейчас в лесу идет

бой между передовыми частями этого полка и русскими и что сам он открыл себе дорогу оружием, чтобы доставить мне это известие. Я немедленно поднял всю бригаду и приказал командиру 93-го полка отбросить русских остатками своего полка, усиленного одним батальоном гвардейских резервных стрелков, 1-й батареей 3-й гвардейской дивизии и двумя ротами 64-го полка, и на Горбатке собрал резерв, 1-й батальон 64-го полка и артиллерию. Пока полковник фон Лена разворачивал свой полк (93-й) и подвигался вперед в лесу, его правое крыло было подкреплено двумя ротами 64-го пехотного полка, а левое одним батальоном 3-й гвардейской дивизии. Оказалось, что русский пехотный полк № 323 ночью проник через болото на опушку леса и захватил врасплох мои передовые части. Русские очень искусно проникли в наши линии и сейчас же начали окапываться группами. Это ночное движение славного русского полка ЯВЛЯЕТСЯ ОБРАЗЦОМ ВОЕННОГО ИСКУССТВА.

После ожесточенного боя штыками и прикладами, русские были отброшены. Борьба была так жестока, что обе стороны не брали пленных. Потери с обеих сторон были очень велики».

Генерал посетил поле битвы, покрытое трупами убитых, и приказал немедленно начать укрепление этой позиции. Только одна его бригада потеряла в этом деле 47 офицеров и 1.160 солдат, что заставило немецкое командование отвести бригаду в резерв корпуса, заменив ее частями 22-й дивизии.

Таким образом цель вылазки была достигнута, так как положение дивизии генерала Артемьева несколько облегчилось, и его стрелки стали легче продвигаться вперед.

К этому я должен прибавить, что генерал Ганс фон Белов был до войны профессором тактики в Esquela Superior de Guerra в Буэнос-Айрес, то есть в той самой, где я теперь читаю курс долговременной фортификации и ее применения к обороне государства. Перед самой войной он оставил Аргентину и поторопился возвратиться в Германию, где был произведен в генералы с назначением командующим бригадой 2-й гвардейской резервной дивизии. Эта часть и была расположена именно в том месте, куда я направил вылазку.

Глава одиннадцатая

Между тем положение дивизии генерала Мехмандарова, оперировавшей против немцев со стороны Павловиц, стало очень затруднительным, так как немцы сосредоточили против нее во много раз большие силы. 3 октября Мехмандаров прислал донесение, что, если не получит немедленно подкрепления, то будет прижат к Висле. Так как корпусный резерв генерала Ирманова и весь мой резерв были уже израсходованы на поддержку дивизии Артемьева, то я позвонил командующему 4-й армией и просил его прислать генералу Мехмандарову подкрепление, но генерал Эверт отказал. Мы были в большом затруднении. Как раз в это время мне сообщили, что мимо Ивангорода проходят, направляясь к Варшаве, корпуса 5-й армии и что командующий армией генерал от кавалерии Плеве со своим начальником штаба генералом Миллер сегодня ночует вблизи Ивангорода, на станции Леопольдово. Тогда я предложил генералу Ирманову немедленно командировать начальников наших штабов к генералу Плеве, чтобы доложить ему о создавшейся обстановке и просить помощи. Генерал Ирманов согласился. Я приказал подать паровоз и генерал-маиор Квицинский с капитаном Дорофеевым помчались на станцию Леопольдово. Там они уже застали генерала Плеве и сделали ему доклад. Генерал понял положение и сейчас же приказал 17-му корпусу, ближайшему к месту переправы, направляться к Павловицам и начать переправу, частью по мосту, который был уже закончен, частью на судах. Такая сильная поддержка дала возможность генералу Мехмандарову продвинуться вперед и значительно раздвинуть свой плацдарм, но войти в связь с Артемьевым он

все таки еще не мог. Чтобы помочь и ему и Артемьеву, я приказал передвинуть к северу одну батарею Стенжицкой группы и сформировать в крепости еще одну батарею 6 дм. крепостных гаубиц, которую расположить сначала у деревни Лое, а затем двинуть далее, к Мозолицам. Для того же, чтобы облегчить связь отряда генерала Мехмандарова с крепостью и организовать подвоз припасов туда и эвакуацию раненых оттуда, князем Микеладзе были сформированы два транспорта, водный, из пароходов и барж, и автомобильный. На водном очень энергично работали капитан Вислянского судоходства Крыжановский и сестра милосердия Чичерина. Последняя была образцом настоящей героини, и я с радостью наградил ее Георгиевской медалью.

Прибытие на помощь Мехмандарову целого корпуса заставило немцев оттянуть туда часть сил, до той поры действовавших против левого фланга Ивангорода; однако 5 октября немцы вновь пытались овладеть деревнями Славчин и Олексово.

Этой атаке, как и предыдущим, предшествовал обстрел участка фронта от деревни Регов до деревни Сецехов и тыловых укреплений у Опацтва, а также фортов № 5 и Ванновский. Бомбардировка началась с рассвета и продолжалась до 9-10 часов утра, а затем началось движение противника из деревни Гневашово и Гневашовского леса и вдоль левого берега Вислы.

Было очевидным, что противник настойчиво стремится овладеть деревнями Олексово и Славчин, прикрывавшими дорогу на промежуток между фортами № 5 и Ванновский. Это был кратчайший путь в центр крепости. Местность между линией Олексово-Славчин и фортами № 5 и Ванновский покрыта кустарниками, местами очень высокими и густыми. Если бы немцам удалось овладеть Славчиным и Олексово, то дальнейшее их движение к фортам по этим кустам было бы значительно облегчено. Но я сам понимал важность этого места и именно здесь, впереди форта № 5, под прикрытием кустарника, держал мой главный резерв, — один пехотный полк и одну бригаду ополчения. Дубненский полк с 12 часов дня занял линию фортов № 5 и Ванновский.

Атака началась около 10 часов утра, но скоро была отбита. Немцы повторяли ее еще несколько раз, но каж-

дый раз бывали отбиты, хотя им и удавалось дойти до проволочных сетей и местами прорвать их. Наконец между 2 и 3 часами дня была отбита последняя атака.

Командир Голомбской группы крепостной артиллерии донес, что отряд немцев, двигавшийся вдоль берега Вислы, был сразу открыт с его наблюдательного пункта, устроенного на колокольне Голомбского костела, и сосредоточенным огнем 6 дм. крепостных гаубиц и других батарей был буквально в несколько минут уничтожен. Уцелевшие люди отряда бежали обратно, и больше этого движения немцы не повторяли.

Напомню, что после крепостного учебного маневра в начале сентября весь левый берег Вислы, что против деревни Голомб, был очищен от зарослей, и немцам пришлось идти по открытому месту, на виду у Голомбской группы крепостной артиллерии, что и обошлось им теперь очень дорого.

Нам этот день принес значительные потери, как ни в одну из предшествовавших атак. По-видимому, немцы уже хорошо пристрелялись. Укрепления также были местами повреждены. Очень сильный огонь поддерживали немцы в этот день по костелу фольварка Опацтво, при чем произошел курьезный случай. Один немецкий снаряд пробил стену костела почти у поверхности земли. Солдаты укрепления, построенного вокруг костела, начали рассматривать пробоину и обнаружили небольшой подвал, откуда извлекли сундучек, а в нем, кроме церковной утвари и церковных книг, оказались деньги и разные денежные документы. Сундучек со всем его содержимым доставили в штаб крепости. Документы оказались долговыми обязательствами. Велико было смущение ксендза, когда его оповестили, что все его добро, так тщательно замурованное, открыто немецким снарядом, и его радость, когда он узнал, что все уцелело.

Замечательно, что, несмотря на почти непрекращающийся огонь, немцам все не удавалось раскрыть места наших крепостных батарей, и до сих пор ни одного попадания в батареи не было.

Удачное расположение крепостной артиллерии в трех группах с каждым днем подтверждалось, и дух гарнизона все более и более подымался.

В следующие дни противник ограничивался лишь

почти постоянным бомбардированием главной оборонительной линии, костелов Олексово и мостов. С нашей стороны постоянные наблюдения, ответный огонь и вылазки небольшими отрядами в одну-две роты по ночам.

Вскоре, однако, немцам удалось сосредоточить против генерала Мехмандарова и 17-го корпуса силы настолько превосходные, что командир 17-го корпуса не находил возможным далее держать позицию. Вечером 6 октября генерал Ирманов и я получили от генерала Мехмандарова записку, в которой он сообщал, что командир 17-го корпуса решил отступить на правый берег Вислы и начнет переправу сегодня ночью. Если это произойдет, писал генерал Мехмандаров, то предоставленный своим ослабевшим уже силам, он не будет в состоянии оказывать дальнейшего сопротивления.

Я тотчас же передал по люблинскому телефону все это командующему 4-й армией. Последний выслушал меня и приказал сейчас же сообщить командиру 17-го корпуса *) его приказание « не думать об отступлении ». Немедленно я написал это на записке, и два офицера помчались в Павловицы. Они прибыли туда около часа ночи, когда переправа 17-го корпуса уже началась: часть войск была уже на мосту. Она была вовремя остановлена, и войска возвращены на позиции, а на рассвете несколько севернее переправился наш 16-й корпус и наступлением на левый фланг немцев значительно облегчил положение 17-го корпуса.

---

*) Корпус был уже причислен к 4-ой армии.

Глава двенадцатая

Таким образом, к утру 7 октября мы сосредоточили против левого фланга « польской армии » два полных корпуса и дивизию третьего, да против Словике-Нове действовала другая дивизия 3-го Кавказского корпуса, усиленная одним полком из гарнизона крепости. Войска эти были поддержаны четырьмя батареями подвижных крепостных гаубиц, двумя батареями 6 дм. в 200 пудов, двумя батареями 6 дм. в 120 пудов и одной батареей 42 лн. пушек. К вечеру наши войска по всей линии продвинулись вперед. У Словике-Нове они прошли болото и окопались, отделенные от позиции немцев пространством в 600-700 шагов, а против левого фланга немцев заняли положение, угрожающее охватом этого фланга.

Операционная линия 16-го и 17-го корпусов выходила прямо на тылы немцев, действовавших под Ивангородом, а между тем все их резервы были уже введены в бой и потери во всех частях были чрезвычайно велики, что ставило германские войска в тяжелое положение.

Вследствие этого приходилось думать уже не о продолжении атаки, а о спасении армии и единственным средством для этого было немедленное и поспешное отступление. Для продолжения же атаки Ивангорода решено было вызвать австрийскую армию Данкля находившуюся в это время под Сандомиром. Тотчас же было послано соответствующее приказание. Однако положение немцев было, по-видимому, настолько тяжелым, что им пришлось отступить, даже не дожидаясь подхода австрийцев.

Отступление немцев из-под Ивангорода было про-

изведено образцово. Весь день 7 октября прошел, как и предыдущий, в обычной перестрелке, вечером и ночью наше сторожевое охранение не заметило ничего особенного, а между тем в течение всей ночи немецкие части очищали свои позиции по всему фронту и отходили на Горбатку и далее на Радом. Только перед рассветом 8 октября, проникнув вглубь Гневашовского леса, наши разведчики нашли его пустым, равно как и все соседние участки немецких траншей, оказавшиеся оставленными.

Едва мне донесли об отходе немцев, я приказал начать преследование, ибо далеко уйти они не могли. Для этого был выделен из состава гарнизона отряд из трех полков, двух батальонов, трех батарей полевой артиллерии и двух сотен пограничной стражи. Отряд спешно собрался около 8 часов утра, а я сам с Великим Князем Николаем Михайловичем поехал на оставленные немцами позиции осмотреть их.

Одновременно я приказал инженерам и саперам нанести на карту все немецкие укрепления, возведенные на линии обложения, а затем сейчас же приступить к их уничтожению. Находясь на позициях, оставленных немцами, около 12 часов дня я услышал орудийную стрельбу и предположил, что наши отряды догнали немцев и завязали с ними бой, но некоторое время спустя канонада стала как будто приближаться, и это казалось странным.

Около 2 часов дня я вернулся в крепость, а через полчаса прибыл посланный из отряда с донесением, что отряд, выйдя из крепости, двинулся тремя колоннами, немцев не догнал, но у деревни Черный Ляс средняя колонна совершенно неожиданно заметила отряд, идущий ей навстречу и оказавшийся головным отрядом австрийской армии, идущей в Ивангород на смену немцам. Завязался бой, наш отряд стал отступать к крепости, послав мне об этом донесение. Было, таким образом, очевидно, что неприятель вновь наступает на крепость и, если его силы значительны, то он может прорваться через главную оборонительную линию вслед за отступающим нашим отрядом. Тогда я послал начальнику отряда приказание не входить в крепость, а занять позицию впереди главной оборонительной линии, упираясь правым флангом в Банковецкий лес, где

войти в связь с войсками генерала Ирманова, а левым флангом связаться с главной оборонительной линией у деревни Славчин.

Извещенный об этом генерал Ирманов сообщил мне, что его передовые части уже подходят к Горбатке и войдут в связь с моим отрядом.

Из двух батальонов пехоты и двух бригад ополчения, оставшихся у меня в крепости, я выдвинул один батальон на мой крайний левый фланг, а дружины собрал в резерв линии обороны. Я сознавал, что положение крепости было, если не критическим в этот момент, то очень угрожаемым, потому что левый фланг отряда не мог связаться с оборонительной линией, будучи отрезан от нее наводнением, а в тылу отряда, между ним и укреплением, тянулись непрерывные ряды проволочных заграждений.

Представьте себе мою радость, когда с фортов № 2 и № 4 мне сообщили по телефону, что с севера и востока к крепости приближаются части Гвардейского корпуса и кавалерия проходит уже линию фортов, а с юга к форту № 4 подходит бригада 75-й дивизии.

Приблизительно час спустя, когда с запада приближались к крепости австрийцы, через Вислу в самой крепости уже начали переправляться на левый берег части нашего Гвардейского корпуса и 2-я бригада 75-й дивизии генерала Штегельмана.

Первой переправилась бригада гвардейской конницы под начальством генерала Маннергейма, а затем 2-я гвардейская дивизия, из которой полки Финляндский и Московский немедленно были направлены далее, на поддержку моего отряда. Тем самым движение австрийцев на правом фланге было остановлено, но на левом они дошли до деревни Сарнов и стали обходить Солигаличский полк, прикрывая этот маневр сильным артиллерийским огнем по нашей артиллерийской группе у деревни Голомб, о существовании которой их, видимо, немцы успели предупредить. Однако ответный огонь Голомбской группы скоро заставил их замолчать. Уже начало темнеть, когда в крепость прибыла и 1-я гвардейская дивизия и по моей просьбе Семеновский полк тотчас же начал наступление на деревни Гневашово и Высоко Коло, а Преображенский полк занял участок оборонительной линии от Вислы до деревни Славчин

и вошел в связь с Солигаличским полком, который к этому времени уже втянулся в крепость и занял прежний свой участок у деревни Славчин. Ночь прошла в таком положении: у меня в квартире теперь, кроме генерала Ирманова, поселился еще и генерал от кавалерии Безобразов, командир Гвардейского корпуса. Прибыв в крепость, он сейчас же явился ко мне и заявил, что по закону он обязан мне подчиниться, что и делает. Я от этого отказался, а предложил действовать совместно и дружно и отдал ему для отдыха мою спальню и остальные комнаты моего дома для его штаба.

Ночью у меня в кабинете мы совещались и решили начать с утра наступление, главным образом с левого фланга крепости. Так и сделали. Но утром мы узнали, что накануне в Ново-Александрию прибыл 25-й корпус генерала Рагозы, который к утру уже успел частью переправиться и также начал наступление. Мы тотчас же вошли с ним в связь и предложили работать совместно. Генерал Рагоза откликнулся на это предложение гораздо охотнее, чем это сделал в свое время генерал Мрозовский.

Я не знаю в эту войну другого примера поразительно единодушной работы, как между мной и генералами Рагозой, Безобразовым и Ирмановым. Когда кому-либо из моих соседей требовалась помощь крепостной артиллерии, то мои артиллеристы ценой громадных усилий передвигали свои батареи вперед на пять-шесть верст, даже за главную оборонительную линию. Но зато, когда тому или иному участку крепости требовалась помощь пехотной части, то и мне отказа не было. Так создалось тогда чрезвычайно интересное и редкое в истории положение: армия, подошедшая к крепости, чтобы ее атаковать и взять, сама оказалась атакованной. Роли переменились диаметрально, и с первого же момента австрийцам пришлось думать уже не об атаке крепости, а о собственной обороне, а со следующего дня даже не об обороне, а о своем спасении...

Нужно отдать справедливость австрийцам: они сопротивлялись чрезвычайно упорно, отстаивая каждый шаг.

9, 10 и 11 октября бой шел с громадным напряжением и переменным успехом. Однако уже в эти дни нашей крепостной артиллерии, главным образом Голомб-

ской группе, удалось подбить несколько орудий австрийской тяжелой артиллерии, которые и были затем взяты войсками генерала Рагозы.

Глава тринадцатая

Постепенно развиваясь, наше наступление стало особенно энергичным 12 октября, когда в помощь генералу Рагозе в Ново-Александрию прибыл еще 14-й корпус генерала Мурдас-Жилинского. В этот день мои крепостные гаубицы стояли уже далеко впереди главной оборонительной линии у деревни Банковец и обстрелом деревни Полично подготовляли атаку этого пункта генералом Штегельманом и 2-й стрелковой и гвардейской стрелковой бригадами.

Другая батарея гаубиц выдвинулась почти к Сарнову, а двухсотпудовые пушки били по Черному Лясу. Часть орудий Голомбской группы помогала Гвардейскому корпусу, а остальные — 25-му корпусу, связавшись телефоном с наблюдательными пунктами этих корпусов. Весь пехотный гарнизон крепости был также выдвинут вперед линии обороны и действовал в связи с войсками генерала Ирманова.

К вечеру 12 октября австрийцы дрогнули и стали отходить более заметно. Однако центр их у деревни Бердзеже держался упорно. Тогда из крепости были выдвинуты еще две батареи гаубиц и с утра 13-го они стали обстреливать Бердзеже и лес, которые окружались нашей гвардией с трех сторон. К вечеру почти весь центр австрийцев был отрезан от флангов и окружен. Ночью и на другой день началось уже беспорядочное отступление австрийцев, которых мы преследовали. Канонада постепенно все удалялась и со всех сторон поля битвы стали возвращаться в крепость часть за частью. Бой был окончен и выигран. Австрийцы были совершенно разбиты и мы взяли более 15 тысяч пленных.

Конница наша, к сожалению, оказалась где-то в тылу, и преследование не дало тех результатов, которые могло дать. Корпус генерала Ирманова и дивизия генерала Штегельмана двинулись далее к Радому, гвардия снова перешла на правый берег Вислы. В крепости осталась лишь бригада 81-й дивизии.

В крепости все торжествовали. Я объехал части и батареи гарнизона и благодарил солдат. Ночь на 15-ое октября я мог, наконец, заснуть спокойно. С 13-го августа это была первая ночь, которую я мог всецело отдать отдыху. Я крепко спал, но вдруг какой-то шум, похожий на топот ног большого количества людей, разбудил меня. Я встал, открыл окно и увидел бесконечные вереницы пленных австрийцев, которых вели мимо моего дома на вокзал... Я горячо возблагодарил Бога за Его явную помощь...

Так окончился первый период боев за обладание крепостью Ивангород. Две задачи были поставлены его гарнизону Главнокомандующим фронтом: первая, в августе, при моем вступлении в должность Коменданта, говорила глухо « оборонять переправу через Вислу », вторая, присланная уже в момент приближения неприятеля, была яснее — « во что бы то ни стало удержать плацдарм на левом берегу Вислы ». Ивангороду удалось выполнить обе эти задачи: он сохранил мосты и этим дал возможность частям 4-й и 9-й армий перейти на левый берег, и он удержал плацдарм, без которого переход переправившихся армий в наступление был бы невозможен.

Следовательно, весь маневр, задуманный нашим Верховным Командованием и заключавшийся в том, чтобы, задерживая правый фланг немцев у Ивангорода, направить из Новогеоргиевска всю нашу 2-ю армию в обход их левого фланга, обязан своей удачей именно тому, что Ивангород назначенную ему роль выполнил.

К счастью, генерал Алексеев правильно оценил роль Ивангорода и всеми силами помогал нам.

Если бы, наоборот, нам не удалось бы ее выполнить, если бы противник овладел Ивангородом и переправился бы здесь на правый берег Вислы, то не только весь указанный выше план был бы сведен к нулю, но неизбежно произошла бы катастрофа со всеми частя-

ми 4-й, 5-й и 2-й наших армий, которые оперировали к северу от Ивангорода, а также создалось бы очень тяжелое положение для частей 9-й и 3-й армий, действовавших к югу от крепости. Все в крепости отлично это понимали, и поэтому неописуема и беспредельна была наша радость, что Бог помог нам выполнить нашу задачу.

Потери гарнизона, гвардии и 3-го Кавказского корпуса исчислялись в 35 тысяч человек, из которых на долю гарнизона надо отнести около 3.500 человек. Следует отметить, что все эти потери пришлись главным образом на пехоту, в полевой артиллерии и коннице потерь было мало, а в крепостной артиллерии ни людьми, ни орудиями потерь не было никаких. Это объясняется тем, что неприятелю совершенно не удалось открыть местоположения ни одной из наших батарей.

Очень удачной оказалась организация управления огнем крепостной артиллерии и расположение ее в трех отдельных группах, а также наблюдение за огнем противника и его движениями. Вынос главной оборонительной линии вперед, к Олексово, Славчину и Сецехову, также сыграл большую роль, так как явился для противника совершенно неожиданным и значительно облегчил переход наш в наступление.

15 и 16 октября в крепости было очень оживленно. Наскоро чистили и убирали цитадель и готовились к параду, который я назначил на 17 октября. Вечером 16-го из Холма прибыл Архиепископ Холмский Анастасий и офицеры, командированные штабом Главнокомандующего.

17 октября утром началось торжественное богослужение, сначала в крепостном соборе, а затем на площади, в центре выстроенных войск. На молебне присутствовали Великий Князь Николай Михайлович, проживавший в крепости все время, с начала боевых действий, и Великие Князья Александр Михайлович и Кирилл Владимирович, приехавшие накануне.

После молебна состоялся парад, в котором приняли участие представители всех частей, принимавших участие в боях, и даже батареи 6 дм. крепостных гаубиц, нарочно взятые для этого с позиций. После парада я собрал у себя за завтраком моих ближайших сотрудников: Князя Микеладзе, полковника Рябинина, генерала

Попова, капитана 1 ранга Мазурова, полковника Беляева, капитана Дорофеева, полковника Иваницкого. Завтрак был походный, совсем простой, но он был приправлен таким горячим и высоким чувством полного удовлетворения, охватившим всех нас, и подогрет такими горячими речами!

***

Характерной чертой Ивангородской операции было полное отсутствие единоличного управления ею.

Она началась, развивалась и окончилась без какого бы то ни было вмешательства Главного Командования.

Это верно, что в штабе фронта существовала мысль задержать наступление немцев через Ивангород и для этого были назначены два корпуса: 3-й Кавказский, который должен был действовать со стороны крепости и самостоятельно, и Гренадерский, направленный через Ново-Александрию. Однако никакой координации их действий не существовало, связь между ними установлена не была, и действия их были разделены.

Немцы появились перед ними совершенно для них неожиданно, когда Кавказский корпус весь находился на правом берегу Вислы, а Гренадерский, не выполнив данного ему приказания построить на левом берегу большой тет-де-пон, имел на том берегу лишь незначительные силы, тогда как главные его силы находились на правом берегу, в Ново-Александрии.

Такая обстановка сразу же была оценена и использована немцами, решившими прежде всего овладеть крепостью, чтобы разобщить наши корпуса и потом бить их по отдельности. Если бы это удалось, то вся задуманная нашим Верховным Командованием операция была бы сорвана. Неожиданное сопротивление Ивангорода этому помешало, однако не координированные с крепостью действия Гренадерского корпуса повлекли за собой его поражение и вывод его из строя.

Все последующее является следствием созданного на месте положения, совершенно Высшим Командованием не предвиденного. Это было:

1) Сопротивление Ивангорода немецким атакам последующих дней;

2) Переход в наступление гарнизона и войск 3-го Кавказского корпуса, задуманное и осуществленное в крепости. Что это было именно так, доказывается тем, что командование 4-й армии отказалось поддержать это наступление;

3) Тогда Комендант крепости и командир 3-го Кавказского корпуса обратились с просьбой о поддержке к командующему 5-й армией, случайно находившемуся вблизи крепости;

4) Помощь командования 5-й армии, понявшего положение и давшего возможность развить операцию направлением 17-го корпуса;

5) Поддержка, оказанная операции крепостной артиллерией, выдвинувшейся значительно вперед, и успешная вылазка гарнизона;

6) Только тогда начинается вмешательство Главного Командования, усилившего наши войска 16-м корпусом на правом фланге, Гвардейским в центре и 25-м и 14-м левом фланге;

7) В дальнейшие действия этих частей Главное Командование не вмешивалось. Все действия осуществлялись по взаимному соглашению начальников, главным образом командира 3-го Кавказского корпуса, Коменданта крепости, командира Гвардейского корпуса и командира 25-го корпуса.

Поразительное единодушие этих начальников и полная согласованность их действий является главной причиной успеха этой операции вообще. Успех же обороны крепости обязан дружескому взаимодействию, установившемуся с самого начала между гарнизоном крепости и окружавшими ее полевыми войсками.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОБОРОНА 1915 года

Глава первая

Недолго, всего два дня продолжались наши праздники, так как было слишком много неотложных работ. В первую очередь нужно было уничтожить все возведенные немцами укрепления. Оказалось, однако, что сделать это далеко не так легко, так как при осмотре выяснилось, что немцы отлично укрепили всю линию обложения, то есть позицию на высотах от деревни Гневашово до Словике-Нове включительно. Почти непрерывная полоса окопов, местами в два ряда, сзади тяжелые, глубоко вырытые блиндажи, которым немцы дали названия: « Вилла Анна », « Вилла Амалия » и т. д. Впереди, перед укреплениями, местами проволока по опушке леса, а затем... наше же наводнение. Капитальное устройство укреплений показывало, что немцы не рассчитывали на быстрый конец операции. Все их укрепления наносились теперь на наши планы и постепенно уничтожались.

Другой важной работой был осмотр Банковецкого леса вплоть до Козениц и Горбатки в целях очистки его от бродячих отсталых немцев и от трупов убитых. Для этого был сформирован конный отряд добровольцев, вызвавшихся из всех частей гарнизона, командовать которым я назначил капитана 2-го ранга Сталя. Наконец, по всему полю битвы, вплоть до линии Яновице — Черный Ляс — Полична, валялось много оружия и снарядов, которые необходимо было подобрать. Всю эту работу я возложил на полковника Рябинина, и он при помощи штаба крепости постепенно выполнил ее, собрав и доставив в крепость несколько тысяч ружей и несколько десятков пулеметов.

Если боевые действия доказали, что решение мое

вынести укрепления вперед до линии Регов-Олексово-Сецехов-Лое было правильно, то те же бои с очевидностью показали мне и все недостатки этого расположения. Главнейший из них заключался в том, что позиция обложения была в отношении нашей главной оборонительной линии господствующей, то есть занимала командующие высоты, и, во вторых, наводненные и заболоченные пространства, отделявшие линию обложения немцев от нас, хотя несомненно представляли преграду штурму, в то же время сильно затрудняли наш переход в наступление, что доказывалось трудностью операции дивизии генерала Артемьева на Словике-Нове и Юрьевецкого полка на центр Банковецкого леса.

Наконец, третье: если для минувших боев удаление главной оборонительной линии от центра крепости явилось вполне достаточным и обеспечивало мосты и цитадель от действительного огня неприятельской тяжелой артиллерии, то можно было быть уверенным в том, что в следующий раз немцы подведут орудия еще большего калибра и тогда центр крепости будет страдать. Все наши укрепления, возведенные в течение двух месяцев, были, конечно, слабы и разрушались огнем противника.

Вот почему передо мной стала новая и сложная задача создать теперь такие укрепления, которые вполне обеспечивали бы целость ивангородских переправ и удержали бы их в наших руках, с какими бы силами и средствами ни появился вновь неприятель.

Для этого мне нужно было:

1) Вынести главную оборонительную линию значительно вперед;

2) Построить укрепления не полевые, а долговременные или, по крайней мере, полудолговременные;

3) Собрать в крепость значительные артиллерийские средства и

4) Иметь достаточно сильный гарнизон.

Из этих четырех задач были к июлю 1915 года вполне выполнены три, но четвертую, по причинам, не от меня зависящим, выполнить не удалось, что едва не привело к катастрофе и едва не погубило все громадные труды, положенные на создание сильной крепости, как это будет видно из последующего рассказа.

На основании всех этих соображений я уже начал

составлять доклад Главнокомандующему, как произошли события, временно отвлекшие меня от этого дела.

В двадцатых числах октября в крепость прибыл Верховный Начальник Санитарной части принц Александр Петрович Ольденбургский. Это был старейший член Императорского Дома, старик, отличавшийся большой энергией, громадной работоспособностью и неутомимостью.

В двадцатых числах октября крепость значительно опустела, так как полки 75-й и 81-й дивизий были отозваны к своим дивизиям. В крепости остались лишь крепостные артиллеристы, саперы, моряки и одна бригада ополченцев. Было ясно, что в ближайшем будущем Ивангороду ничто не угрожает, и поэтому я позволил семействам офицеров крепостной артиллерии и сапер, выехавшим из крепости перед немецким наступлением, возвратиться к своим очагам. Я также разрешил моей жене, остававшейся в Петербурге, приехать в крепость. Она прибыла 26 октября и оставалась в Ивангороде до вторичного прихода немцев, работая в крепостном госпитале сестрой милосердия. Когда же в июле 1915 года снова начались боевые действия, я настоял на ее выезде в тыл, где она устроила несколько питательных пунктов для выселяемого населения и заведовала их работой с большой энергией.

Глава вторая

Преследуя австрийцев от Ивангорода, наши войска быстро дошли до Кракова. Гвардия была уже в виду его фортов, Величка была взята войсками 3-й армии. Мы каждую минуту ждали извещения о взятии Кракова, как вдруг пронесся слух, что штурма этой крепости не будет, что войска остановлены и пойдут в другом направлении, а для овладения Краковом будет сформирован особый корпус. Действительно, я скоро получил официальное подтверждение этого слуха.

Это совпало с приездом в крепость Государя Императора. Накануне его приезда прибыл в крепость начальник дворцовой охраны генерал-маиор Спиридович. Он посетил меня, мы вместе обсудили маршрут следования Государя в крепости и затем объехали все дороги, по которым Государь должен был проехать.

Его Величество прибыл 30 октября после полудня. Почетный караул по его распоряжению не выставлялся, но было разрешено поднять вместо крепостного флага Императорский штандарт и произвести салют.

Ко времени прихода Царского поезда на крепостной железнодорожной платформе собрались все чины моего штаба и начальники отдельных частей гарнизона. Присутствовали также Великий Князь Николай Михайлович, мой помощник генерал-маиор князь Микеладзе и приехавший накануне киевский генерал-губернатор Трепов. В ожидании поезда несколько военных корреспондентов просили разрешения снять меня. Я разрешил им снять общую группу всех собравшихся, пригласив генерала Трепова стать со мной, впереди. Впоследствии эта фотография была напечатана в « Ниве », причем под фигурой Трепова был поставлен крестик, а в над-

писи под таким же знаком стояло: « Генерал Шварц, Комендант крепости Ивангород, очень похож на генерала Линевича ». Действительно, Трепов носил усы, как Линевич.

Когда поезд прибыл и Государь вышел из вагона, я подошел к Его Величеству и рапортовал о происшедших в крепости событиях. Приняв рапорт, Государь крепко пожал мою руку и сказал:

« Благодарю вас и гарнизон за доблестную оборону, в особенности крепостную артиллерию ».

Тогда я просил разрешения Государя представить ему начальников частей гарнизона, выстроившихся здесь же в порядке старшинства. Государь здоровался и беседовал с каждым из них. Затем Государь предложил мне сопровождать его в автомобиле *). В следующих автомобилях расположились Военный министр генерал Сухомлинов, прибывший с Государем, свита Его Величества, Великий Князь Николай Михайлович и остальные.

По прекрасной тенистой аллее, охватывающей гласис цитадели, мы направились к ее Георгиевским воротам. По пути Государь расспрашивал меня о главнейших событиях и между прочим сказал:

« Вы, вероятно, самый молодой из комендантов крепости? »

На что я ответил:

« Да, Ваше Величество, вероятно, но несомненно и самый счастливый! »

« Да, — сказал Государь, — есть отчего! »

В это время автомобиль въехал внутрь цитадели и проезжал мимо дома Коменданта крепости.

Тут нужно заметить, что в 1892 году в Ивангороде происходили крепостные маневры в присутствии Императора Александра 3-го. Так как Государь прибыл с Государыней Императрицей и Наследником и пробыл в крепости несколько дней, то для их помещения был отделан второй этаж дома Коменданта. Оригинальный фасад этого дома, украшенный двумя вышками в русском стиле и с императорскими орлами, сохранился с той

---

*) Генерал Воейков сказал мне тогда, что Государь, желая оказать мне особую честь, решил, что только я один буду сопровождать его в автомобиле, что и было сделано.

поры без перемен. Когда мы проезжали мимо, Государь узнал его несмотря на то, что прошло с тех пор уже 22 года и, смотря на дом, сказал мне это и добавил:

« Как влечет меня всегда к тем местам, которые я посетил в детстве и в молодости! »

Автомобиль проезжал по центральной улице цитадели. По обеим ее сторонам стояли войска гарнизона, артиллеристы и моряки, а за ними семейства офицеров, в том числе и моя жена, приехавшая из Петербурга накануне. Все приветствовали Государя с энтузиазмом. На паперти крепостного собора Государя ожидал крепостной священник, протоиерей отец Яков Кублицкий-Пиотух, в облачении, с крестом в руках.

Приложившись к кресту, Государь направился в собор, предшествуемый отцом Яковом и сопровождаемый мною и остальными лицами свиты. Было совершено краткое молебствие, после которого Государь опять приложился к кресту, поблагодарил отца Якова и направился к выходу. Спустившись с крыльца, Его Величество пошел пешком к центральному пункту управления огнем крепостной артиллерии, приветствуемый криками « ура » солдат пограничной стражи, выстроенных от собора до пункта.

Там Государь подошел к большому столу, на котором были разложены план крепости и карта ее окрестностей и командир крепостной артиллерии подполковник Рябинин доложил Государю расположение батарей крепостной артиллерии во время боев, а также места неприятельских батарей. Затем, по желанию Государя, я имел счастье сделать подробный доклад о всех событиях обороны.

Выйдя из центрального артиллерийского пункта, Его Величество осмотрел собранные здесь австрийские тяжелые орудия, взятые во время последних боев, и соизволил сняться в общей группе всех офицеров крепости и его свиты.

Затем снова в автомобиле мы выехали из цитадели через Николаевские ворота и через железнодорожный мост направились на линию фортов левого берега. С моста Государь видел нашу крепостную флотилию, состоявшую из отбитого у австрийцев колесного парохода « Тынец », теперь переименованного моряками в « Ивангород », и трех моторных лодок — « Генерал Кондра-

тенко», «Генерал Шварц» и «Моряк». Украшенные флагами суда вытянулись в линию направо от моста, и моряки приветствовали Государя.

С моста мы проехали по аллее, ведущей к форту Ванновский и, миновав его, остановились у костела фольварка Опацтво. У подъезда уже ждал наш крепостной ксендз, отец Гладыш, приветствовавший Государя и сопровождавший Его Величество внутрь, но только в притвор: в середину костела войти было невозможно, так как она была вся завалена грудами кирпича, обвалившегося из купола и стен, пробитых немецкими снарядами, остатки же купола были непрочны и грозили обвалом. По окончании осмотра Государь благодарил отца Гладыша и приказал генерал-маиору Воейкову отпустить из Государевых средств сумму в 3 тысячи рублей, нужную для восстановления костела. Затем последовал краткий осмотр укреплений, возведенных вокруг фольварка.

Стоял хороший, тихий осенний день, солнце клонилось уже к заходу, когда мы прибыли на форт Ванновский. Государь поднялся на бруствер напольного фаса и оттуда ознакомился с расположением соседних фортов, № 5 слева и № 6 справа, укреплений между ними и фортом Ванновский, с общим расположением первой оборонительной линии и с видневшимися далеко впереди главными пунктами поля битвы: деревней Гневашово, Гневашовским и Банковецким лесами и местом вылазки Юрьевецкого полка. Здесь я имел счастье представить Государю военных инженеров, работавших на форту, и по приказанию Его Величества они дали ему объяснения по управлению двумя весьма мощными прожекторами, стоявшими на бруствере.

Как раз в это время мне подали телеграмму и, видя, что я не решаюсь открыть ее в его присутствии, Государь приказал мне сделать это и спросил:

«Ну, что там?»

Телеграмма была от генерала Алексеева и сообщала о назначении меня Инспектором инженеров Особой армии, формируемой для осады крепости Краков. Я доложил Государю.

«Очень рад, — сказал Государь, — желаю вам и там внести в нашу историю такую же светлую страницу, как вы это сделали здесь».

Я был несказанно счастлив, слыша такую оценку моей деятельности из уст Его Величества. Между тем связь моя с Ивангородом стала уже так крепка, что мне не хотелось оставлять его, и я поэтому сейчас же доложил Государю, что при новом положении хотел бы сохранить и должность Коменданта Ивангорода, что не только не повредит делу, но, напротив, принесет пользу, так как даст мне возможность использовать для осады Кракова богатые уже средства Ивангорода. Государь охотно согласился и здесь же отдал соответствующее распоряжение генералу Сухомлинову, и вечером об этом была послана телеграмма Верховному Главнокомандующему.

Солнце уже село, и было почти темно, когда Государь возвращался в свой поезд. Мы снова пересекли Вислу и цитадель, где все еще толпился народ в ожидании обратного проезда Государя.

При выходе из автомобиля Государь пригласил меня к его обеденному столу. Обед состоялся в вагоне-столовой Царского поезда. Государь был, видимо, доволен всем виденным и много и оживленно разговаривал. Сидел он в центре стола, имея справа Великого Князя Николая Михайловича, а слева — Военного министра. Против Государя занял место гофмаршал двора князь Долгорукий, имея меня справа и дворцового коменданта генерала Воейкова слева. Остальные места были заняты французским военным агентом маркизом Лягиш, лейбмедиком Боткиным, начальником дворцовой охраны генералом Спиридовичем и двумя флигель-адъютантами.

До начала обеда я имел разговор с французским военным агентом, который поздравлял меня с успехом обороны и уверял, что я буду награжден его правительством орденом Почетного легиона.

Отпуская меня после обеда, Государь выразил желание посетить на следующий день правый фланг поля битвы и перед отъездом туда произвести смотр батальону моряков, который должен был выстроиться к 7 часам утра у железнодорожной платформы. Тогда я просил Государя, чтобы он осчастливил смотром также крепостных артиллеристов и сапер, на что Его Величество согласился, и было решено, что эти войска построятся в тылу форта Ванновского, где Государь и осмотрит их

по пути к полю боев. Возвратившись в цитадель, я отдал соответствующие распоряжения.

Рано утром 31 октября я с моряками ждали выхода Государя из вагона. Батальон особого назначения и рота Гвардейского экипажа были выстроены впереди платформы, у подошвы гласиса цитадели, под командой капитана 1 ранга Мазурова.

Государь вышел в 7 часов, здоровался с моряками и прошел вдоль фронта, а затем благодарил за службу и пропустил церемониальным маршем.

В семь часов с половиною Государь снова пригласил меня к себе в автомобиль и мы двинулись через цитадель и через Вислу к форту Ванновский, где уже ждали все части войск, оставшиеся в крепости. Государь обошел фронт, благодарил за службу и лично наградил нескольких артиллеристов и сапер Георгиевскими крестами и медалями.

Дорога на поле битвы шла снова мимо Опацтва, затем пересекала полотно железной дороги и первую линию обороны у деревни Кляшторна Воля; потом, по ту сторону наводненной долины, она поворачивала направо и шла в направлении деревни Словике-Нове и Козеницы.

По пути я указал Государю большой крест, поставленный над братской могилой солдат Юрьевецкого полка, павших на этом месте во время их славной вылазки 2 октября. Государь приказал остановиться и пожелал подробно осмотреть место боя, посетил еще сохранившиеся немецкие блиндажи и спустился в окопы. Но, когда Государь захотел пройти вперед из окопов к проволочным сетям, я просил Его Величество не делать этого, так как местность могла быть минирована немцами и еще не была обследована нашими саперами.

Около 9 часов или немного позже мы прибыли в деревню Словике-Нове, ту самую, от которой немецкая гвардия готовилась начать атаку, когда была атакована дивизией Артемьева. От деревни остались только полуразвалившиеся стены и трубы, но каким-то чудом уцелела одна маленькая хатка, и когда Государь подходил к ней, из нее вышел старик крестьянин. Государь подошел к нему, поздоровался и довольно долго с ним беседовал. Взяв у генерала Воейкова сто рублей, Государь передал их старику. Не знаю, догадался ли

крестьянин, кто говорил с ним? Судя по запискам германского генерала Белова, именно в этой хате помещался штаб немецкой дивизии, оборонявшей этот участок.

Отсюда Государь проехал к деревне Бржезница, на которую вел наступление генерал Мехмандаров. И эта деревня оказалась почти совершенно разрушенной. Государь обошел ее всю и посетил костел, также пострадавший. Ксендз ждал Государя в облачении и сопровождал его. Сделав и здесь пожертвование на восстановление церкви, Государь отбыл со мною обратно в центр крепости.

Как и накануне, Государь пригласил меня к завтраку и вместе со мной также командира крепостной артиллерии подполковника Рябинина и капитана 1 ранга Мазурова.

День был жаркий. Государь отдохнул немного после завтрака, и в час с половиной мы снова двинулись на поле битвы. Теперь был осмотрен его левый фланг, начиная от деревни Гневашово, вернее-от развалин этой деревни: она была совершенно уничтожена огнем нашей Голомбской группы и огнем австрийцев. Так же, как и в Словике-Нове здесь остались одни трубы и полуразвалившиеся стены. Затем Государь последовал вправо, на поле, откуда началось наступление Семеновского и Преображенского полков 8 и 9 октября. Потом Государь осмотрел две углубленные неприятельские батареи, которые обстреливали центр крепости. День закончился осмотром наших укреплений в Гневашовском лесу.

В семь часов вечера вернулись к поезду, где в восемь часов состоялся обед, на который Государь пригласил меня, а также начальника моего штаба капитана Дорофеева и начальника инженеров крепости генерал-маиора Попова. Я прибыл к поезду несколько раньше восьми часов, чтобы успеть сделать визит Военному министру. Генерал Сухомлинов был со мной весьма любезен и очень расхваливал примененную мною организацию устройства крепости и ее оборону.

Когда я вышел из вагона Военного министра, меня встретил генерал Воейков, разыскивающий меня, и пригласил пройти в вагон Государя, где Его Величество меня ждал. Когда я подошел к отделению, служившему

Государю рабочим кабинетом, он сидел у маленького стола и что-то писал.

« Одну минуту! » сказал Государь и сейчас же закончил писать.

Он встал, подошел ко мне, взял меня за обе руки и сказал:

« Я еще раз хотел поблагодарить вас за доблестную и одухотворенную оборону... Вот возьмите это на память ». И, взяв со стола маленький футляр, в котором находился Георгиевский крест на саблю, Его Величество горячо обнял меня и дважды поцеловал.

Трудно сейчас, по прошествии стольких лет, передать с точностью мои переживания в тот момент. Благодарность Государя и необыкновенная форма, доброта и сердечность, с которыми он ее выразил, навсегда запечатлелись в моей памяти, и я до сих пор представляю себе и его лицо и его слова...

После обеда, около десяти часов вечера Царский поезд отбыл из крепости.

В течение этих двух дней, когда я имел счастье сопровождать Его Величество и подолгу быть с ним в автомобиле с глазу на глаз, Государь много и просто говорил со мной. Еще раньше, до войны, я имел счастье несколько раз представляться Государю: каждый год в день Георгиевского праздника и, кроме того, я удостоился чести поднести Государю мои сочинения по обороне Порт-Артура. Государь держался всегда в высшей степени просто и поражал всех превосходной памятью. Я помню, когда члены военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны, окончив эту работу, подносили Его Величеству свои труды, Государь взял альбом обороны Порт-Артура и случайно открыл страницу, изображавшую форт № 2, на котором погиб генерал Кондратенко.

« А, — сказал Государь, — вот форт, где погиб генерал Кондратенко! »

И, обращаясь ко мне, добавил:

« Не правда ли, он был убит именно в этом каземате? » И Государь точно указал место.

В другой раз во дворце, в день Георгиевского праздника, после обеда, генерал Никитин, который как один из старейших Георгиевских кавалеров удостоился сидеть рядом с Государем, подошел ко мне и сказал: « А

Государь только что говорил о вас... Он спросил меня, что было в этот день в Порт-Артуре во время осады, и когда я ответил, то Государь сказал: « А в книге Шварца говорится, что еще было вот так-то и так-то! »

Но никогда раньше мне не приходилось быть с Государем так подолгу и в такой, можно сказать, интимной обстановке, как в эти незабвенные дни 30 и 31 октября 1914 года. К сожалению, я не удержал в памяти всего, что было сказано Государем тогда, не удержал потому, что был сильно взволнован его близостью. Тем не менее в память мне врезалось следующее: рассказывая о том, как началась война, Государь сказал:

« Император Вильгельм вместо того, чтобы спокойно обсудить положение, прислал мне ультиматум, требуя прекращения мобилизации, который я не мог принять без ущерба для достоинства России! »

Затем, расспрашивая меня об отношении польского населения к войскам, Государь заметил:

« Я очень рад, что между нами и поляками установились такие добрые отношения ».

И необыкновенно крепко врезались в мое сердце замечательнейшие слова Его Величества, которые Государь отнес лично ко мне. Это было 31 октября, в момент, когда, окончив осмотр поля битвы, Государь готовился сесть в автомобиль. Он посмотрел на меня проникновенным взглядом и сказал:

« Как мне приятно смотреть на вас... На вашем лице отражается чувство исполненного долга! »

Я не знал, что ответить, да и не мог ответить, потому что это было слишком много, слишком неожиданно и глубоко! Мало есть людей способных проникать в души других и читать в них... Чистый сердцем Государь в этот момент обладал таким даром.

После его посещения Ивангорода я видел Государя еще два раза. В сентябре 1915 года я состоял в должности Главного Руководителя по укреплению Западного фронта. Жил я в Орше и однажды выехал для осмотра работ, производившихся к северу от Могилева. Государь, чья Ставка была в этом городе, имел обыкновение каждый день, между 3 и 5 часами дня, совершать прогулку по окрестностям. И вот, когда я подъезжал к Могилеву, мой автомобиль промчался мимо группы из четырех человек, шедших по обочине шоссе. Это был

Государь в сопровождении Великого Князя Дмитрия Павловича, министра двора графа Фредерикса и профессора Федорова. Я едва успел отдать честь, но несмотря на неожиданность и краткость встречи, Государь узнал меня и сказал мне об этом 1 декабря 1915 года, когда, будучи назначен на должность Коменданта Карсской крепости, я приехал в Ставку попрощаться с Государем.

Когда в марте 1917 года я был переведен с Кавказского фронта в Петербург, уже состоялось отречение Государя и он уже не пользовался свободой...

Глава третья

На другой день после отъезда Государя Императора из крепости я отправился в Брест-Литовск. Комендант этой крепости, генерал от артиллерии В. А. Лайминг, был назначен командующим армией для осады Кракова; он и вызвал меня к себе на совещание. У него я встретился с генерал-маиором Генерального штаба Филимоновым, бывшим генерал-квартирмейстером штаба армии генерала Самсонова, ныне назначенным на должность начальника штаба армии генерала Лайминга, с генералом Руктешель, назначенным на должность начальника артиллерии, и полковником Генерального штаба А. А. Свечиным — исполняющим должность генерал-квартирмейстера армии. У генерала Лайминга мы собирались раза два-три, когда вдруг немцы сами перешли в наступление на Варшаву.

В середине ноября произошли знаменитые Лодзинские бои. Наши войска по всему фронту подались назад и отошли из-под Кракова. Только теперь, когда война уже окончена, я узнал, что причиной нашей остановки у Кракова, а потом и отхода, был уже начинавший ощущаться недостаток артиллерийских снарядов и патронов.

Для Ивангорода отход наших войск имел благоприятные последствия, так как заставил штаб фронта поторопиться дать разрешение на постройку новых укреплений. Эти новые работы охватывали громадный район и требовали большого количества технических сил. Не рассчитывая на наличное число военных инженеров, я немедленно вызвал несколько известных мне гражданских инженеров, которые быстро и отлично изучили на практике фортификацию и стали отличными во-

енными инженерами, например — Васильев-Васильков, Купчевский, Сергей Рубанов и Сукаренко, а с ними и мой любимый племянник Борис Лященко, прямо со скамьи военного училища, чтобы стать моим адъютантом и одним из преданнейших моих сотрудников.

Хлопотал я также и о назначении в Ивангород тех военных инженеров, которые при мобилизации были зачислены в пехотные части. Так мне удалось извлечь из одной обозной части отличного инженера, капитана Ивохина. Прибыл инженер-подполковник Мединский и еще несколько человек моих соратников по Порт-Артуру и в их числе Е. К. Ножин и инженер-полковник И. А. Крестинский.

Разрешили мне взять и половину наличного числа инженеров из Бреста.

Чтобы восполнить недостаток сапер, я получил разрешение сформировать крепостной саперный полк в составе четырех батальонов. Кроме того, я сформировал две минные команды из моряков.

Тогда появилась возможность начать работы по всему фронту на левом берегу Вислы, вынеся их на 19 верст от моста и включив в кольцо укреплений Александрию, Горбатку и Козеницы.

Поручая инженерам составить проект новых укреплений, я приказал иметь руководящими идеями следующие:

1) Позиция обороны должна представлять собой не одну тонкую линию укреплений, а две или несколько укрепленных полос, состоящих каждая из нескольких линий укреплений;
2) В каждой полосе укрепления должны проектироваться так, чтобы потеря одного укрепления или даже участка линии не должна повлечь за собою неизбежного оставления всей полосы;
3) Укрепления строить полевые, но усиленные, с широким развитием искусственных препятствий в виде проволочных сетей и с большим количеством весьма прочных убежищ для резервов.
4) Первая полоса должна состоять из трех линий;
5) В 1-1½ верстах сзади — вторая полоса из двух линий;
6) Озаботиться широким развитием сообщений оборонительной линии с центром для быстрого и не-

прерывного подвоза припасов во все места фронта и для быстрого перемещения войск и орудий крепостной артиллерии; для этого: а) от 13-й версты Привислинской железной дороги построить вправо, к Козеницам, и влево, к Гневашово, железную дорогу нормальной колеи, всего протяжением в 34 версты; б) от станции Горбатка вправо и влево, непосредственно в тылу второй полосы укреплений, уложить узкоколейную паровую железную дорогу, соединив это кольцо с центром несколькими радиальными участками; в) построить шоссейные дороги: от форта № 5 на Олексово-Гневашово и Черный Ляс, от форта Ванновский на Кляшторну Волю и далее, до деревни Поличное, от форта Ванновский на Сецехов и далее, на Мозолицы до деревни Козеницы; от деревни Словике-Нове через разъезд 13-й версты и далее, на деревню Гневашово;

7) Для развития переправ через Вислу построить постоянные деревянные мосты: два в Ивангороде (один через Вислу, другой через Вепрж) и один в Козеницах.

И в середине ноября началась снова работа. Насколько интенсивно она производилась, можно судить хотя бы по примеру постройки крепостной железной дороги нормальной колеи, 34 версты которой были совершенно закончены в столько же дней.

Глава четвертая

Кажется 3-го декабря я был вызван Главнокомандующим к нему, в Холм. После короткого разговора с Главнокомандующим, генералом от артиллерии Н. И. Ивановым, он направил меня к своему начальнику штаба, чтобы переговорить с ним о деле, по которому я был вызван.

С генерал-лейтенантом Михаилом Васильевичем Алексеевым я был знаком давно. Знакомство наше состоялось еще в 1909 году в Новогеоргиевске по следующему случаю: М. В. Алексеев был в то время в должности генерал-квартирмейстера Главного Управления Генерального штаба. В августе 1909 года была произведена поездка офицеров Генерального штаба в Новогеоргиевск для ознакомления с этой крепостью и с характером возможных боевых действий в случае ее атаки.

Руководителем поездки был назначен генерал М. В. Алексеев, посредником по артиллерийской части был приглашен генерал-маиор Маниковский, а по инженерной части я. Мы пробыли в Новогеоргиевске более недели, причем М. В. Алексеев, Маниковский, я, полковник Елчанинов и А. А. Свечин жили вместе, довольно близко познакомились друг с другом и даже сошлись.

Однажды из Петербурга прислали М. В. Алексееву пакет, в котором оказался проект перестройки Новогеоргиевска, составленный в Главном Инженерном Управлении. Михаил Васильевич поручил мне ознакомиться с этим проектом и доложить ему, насколько удачно он применен к местности и может ли быть в таком виде осуществлен. За это время я успел хорошо ознакомиться со всеми особенностями местности и с удовольствием взялся за эту работу. Рассматривая присланный про-

ект, я увидел, что при проектировании крепости не были совершенно приняты во внимание те местные особенности, которые дают возможность проектировать крепость совершенно иначе. Дело в том, что, проходя часто по двору цитадели, я обратил внимание на то, что вырытый там колодец необычайно глубок вследствие очень низкого уровня грунтовых вод, а это обстоятельство давало возможность построить в центре крепости многочисленные убежища для гарнизона и боевых припасов на такой глубине, где никакая бомба не была бы им опасна.

С другой стороны, местность перед старыми фортами левого берега позволяла устройство наводнений. Связь между отдельными фронтами крепости можно было легко осуществить посредством тоннелей под Вислой.

Ни одно из этих обстоятельств не было принято во внимание в присланном проекте, и поэтому я дал заключение, что проект разработан без применения к местным условиям и имеет чисто академический характер. М. В. Алексеев вполне согласился со мной и предложил мне составить и представить ему мой проект перестройки крепости. Я очень охотно и с увлечением занялся этим и привлек к участию в работе знатока Новогеоргиевска и очень хорошего инженера А. П. Шошина. Вместе с ним мы разработали этот проект, и я представил его М. В. Алексееву.

Мы думали, что делали очень хорошее и полезное для государства дело, а вышел для нас обоих скандал и неприятность. Генерал Алексеев, возвратившись в Петербург, представил этот проект Начальнику Генерального штаба генералу Палицыну, который собрал у себя для его рассмотрения комиссию из офицеров Гененерального штаба и артиллеристов. Комиссия единогласно одобрила проект. Тогда генерал Палицын направил проект в Главный Крепостной Комитет. Председателем Комитета был в то время генерал от инфантерии Протопопов, очень любивший порученное ему дело и серьезно к нему относившийся. Он вызвал меня и просил дать некоторые дополнительные объяснения. Выслушав их, он сказал, что тоже одобряет проект и внесет его на рассмотрение Комитета, и что я буду приглашен на заседания для защиты проекта. По моей

просьбе был приглашен также и Алексей Петрович Шошин. Одновременно с этим генерал Протопопов сообщил об этом проекте и в Главное Инженерное Управление. Вот тут-то и разыгралась гроза: Начальник Главного Инженерного Управления генерал Вернандер, которому я был непосредственно подчинен, сделал мне весьма серьезное внушение за то, что проект был подан не по порядку, то есть не через Главное Инженерное Управление. Этот инцидент потом оказал влияние на служебную карьеру Шошина и мою. Тем не менее мы защищали наш проект в Главном Крепостном Комитете весьма успешно и дело близилось уже к концу, как вдруг... Военный министр, генерал Редигер, увольняется и на его место назначается другой. Главный Крепостной Комитет был вскоре упразднен и вопрос о перестройке Новогеоргиевска заглох. В Военном министерстве появились новые идеи, идеи об упразднении крепостей... После 1910 года невозможно было и заикнуться о возрождении и об усилении крепостей и это внесло в нашу боевую готовность непоправимый ущерб. Только в конце 1912 года поняли, какая громадная ошибка была допущена и снова возбудили крепостной вопрос, но и на этот раз он был разрешен неудовлетворительно.

М. В. Алексеев в течение этого времени в Петербурге не был. Еще в конце 1909 года он был назначен начальником штаба Киевского военного округа, куда его позвал Н. И. Иванов, назначенный командующим войсками. Вот при каких обстоятельствах я познакомился с М. В. Алексеевым, но, оставаясь на службе в Петербурге, я в следующие пять лет до начала войны с ним не встречался. Только назначенный Комендантом Ивангорода (вероятно, по мысли генерала Алексеева) я, приехав в Холм, снова увидел Михаила Васильевича. Он мало изменился по внешности и, что главное, остался таким же простым и доступным, как был раньше: не только выслушивал мнения, но и сам спрашивал их.

На этот раз он казался мне очень озабоченным. Он сообщил мне, как расположен фронт наших армий впереди Ивангорода и высказал опасение, что с одной стороны сильный натиск противника может прижать наши войска к Висле, а с другой, что имеются сведения, что немцы действительно имеют в виду форсировать Вислу между Варшавой и Ивангородом.

Вследствие этого генерал Алексеев решил создать впереди этого промежутка сильно укрепленную позицию, примерно между Радомом и Гройцами, со свободными промежутками между флангами этой позиции и Варшавой и Ивангородом. Сообщив мне эти свои предположения, генерал Алексеев сказал, что поручает мне эту работу и просит выполнить ее в кратчайший срок.

Так, к ивангородским работам прибавилась еще постройка Радом-Гроицкой позиции.

На другой день ко мне в Ивангород прибыла из Ставки Верховного Главнокомандующего группа офицеров Генерального штаба, с которыми я отправился в Радом для рекогносцировки позиции.

С очень большими затруднениями пришлось организовывать работы по ее укреплению, так как уже ощущался недостаток подвод и рабочих. Тем не менее организовать их удалось и, едва офицеры Генерального штаба окончили рекогносцировку, как тотчас же начались работы. По возвращении в Ставку офицеры Генерального штаба доложили об этом, и я получил от Великого Князя Николая Николаевича телеграмму с выражением благодарности за энергично начатые работы.

Я не знаю, кому именно принадлежит мысль о создании Радом-Гроицкой позиции (генералу Алексееву, судя по его разговору со мной), но она весьма одобрялась Верховным Главнокомандующим. Действительно, идею создать сильную преграду противнику по фронту и таким образом сохранить за нами все переправы через Вислу и полную свободу маневрирования целыми армиями нельзя было не приветствовать. Однако было лицо, занимавшее большой пост и являвшееся большим противником устройства этой позиции. Это был Главнокомандующий Северным фронтом генерал от инфантерии Рузский. Я не знаю, в силу каких именно причин он не относился сочувственно к этому делу. Вначале он настаивал, чтобы между Гройцами и Варшавой не оставляли свободного промежутка, а продлили бы позицию от Гройц до укреплений Варшавы. Это до некоторой степени изменяло идею устройства позиции, но М. В. Алексеев уступил и согласился. Но когда и это дополнение было сделано, генерал Рузский стал доказывать, что вся вообще позиция вовсе не нужна и что ее нужно уничтожить. Между тем для создания этой

укрепленной позиции пришлось затратить так много труда и материальных средств, а укрепления ее своею солидностью и отличным применением к местности вызвали такое общее восхищение войск и подавали так много надежд, что уничтожить их, едва была закончена их постройка, являлось делом совершенно недопустимым. Я поэтому поехал в штаб Главнокомандующего и энергично протестовал. Я добился назначения смешанной комиссии из штаба Юго-Западного и Северо-Западного фронтов, которая осмотрела укрепления и признала их полную целесообразность и хорошую постройку. Вслед за этим я командировал военного инженера полковника Крестинского с докладом по этому поводу к начальнику штаба Верховного Главнокомандующего. Это решило дело, и укрепленная позиция была сохранена. Однако, когда несколько месяцев спустя дело дошло до обороны этой позиции, войска наши оказались в таком состоянии по части снабжения их боевыми припасами, что задержались здесь лишь на несколько дней и позицию упорно не обороняли, а устремились далее на восток. Мне лично и тогда и теперь этот шаг нашего командования представляется большой ошибкой. По моему мнению здесь нужно было задержаться значительно дольше и этим выиграть время для подготовки следующей позиции: Вепрж-Ивангород-укрепленный правый берег Вислы-Варшава-Новогеоргиевск и Нарев. Немцы были тоже истощены и форсировать переправы через такие реки как Висла, Вепрж и Нарев они едва ли были в силах. Быть может тогда нам не пришлось бы отходить далее на восток и вторая половина кампании могла принять другой характер.

Глава пятая

Между тем в Ивангороде, помимо строительных работ, шла оживленная работа еще другого рода, — формирования новых частей: крепостного саперного полка и морского полка особого назначения. Первый разворачивался из крепостной саперной роты и 32-й саперной полуроты Государственного ополчения, второй же формировался из морского батальона и артиллеристов, присланных из Владивостока. История этого второго формирования была такова: еще во время первых боевых действий выяснилась большая польза, приносимая во время отражения штурма 37 мм. и 47 мм. скорострельными морскими пушками, которые я приказал снять с тумб и установить на колеса. Будучи невелики, легки и удобоподвижны, они поспевали за пехотой везде и очень хорошо ее поддерживали. Когда после октябрьских штурмов гвардейские полки уходили из крепости, они просили дать им хотя бы по две такие пушки на полк. Я приказал отпустить и поручил генералу Мазурову выписать из Севастополя и Петрограда еще таких же пушек и заняться их установкой на колеса *). Мазурову удалось выписать более ста таких пушек. Но тогда его батальон оказался уже недостаточным для обслуживания такого количества орудий, и решено было развернуть батальон в полк 4-батальонного состава, назначив для его укомплектования главным образом запасных артиллеристов. Одновременно с этим генералом Мазуровым были расширены и отлично оборудованы старые мастерские крепостной артиллерии, теперь пре-

---

*) Этим было положено начало легкой и весьма подвижной артиллерии, которая ныне принята в армиях всех стран в виде придатка к пехотным полкам.

вращенные уже в большой завод, состоявший из отделений: слесарного, кузнечного, литейного и древообделочного. Начальником этих мастерских был назначен инженер-механик Семенов. Каждый батальон состоял из 4 рот, из коих три артиллерийские, по 8 противоштурмовых 47 мм. пушек в каждой, и одна минная. Несколько позже штаб фронта решил взять из крепости эти артиллерийские роты и послать по одной роте в каждую армию. К лету у меня оставалось только две артиллерийские и две минные роты.

В то же время генералом Мазуровым производились опыты по испытанию предложенного им способа разрушения проволочных сетей. Он предложил пользоваться для этого старыми гладкостенными полупудовыми мортирками. В ствол такой мортирки, установленной в окопе, вкладывался небольшой заряд, а затем вдавливалась деревянная большая пробка с приделанным к ней на металлическом канате небольшим якорем (кошкой). Другой конец якоря укреплялся в окопе. Установив, производили выстрел с таким расчетом, чтобы кошка, вылетев вперед, упала среди неприятельских проволочных заграждений. Тогда тянули за другой конец каната, зацепляли кошкой за сеть и дальнейшим натягиванием каната разрушали проволоку.

Еще в сентябре, в одном из капониров цитадели производились секретные работы по нескольким изобретениям очень важного характера. Так горный инженер Лисяков разрабатывал по моим указаниям чертежи особой саперной машины, назначенной для быстрого бурения минных галерей. Машину эту я предполагал применить при осаде Кракова. Впоследствии, в 1917 году, Лисяков передал эту машину в музей моего родного города Екатеринослава под названием « саперной машины генерала Шварца ». Лисякову же принадлежит идея первого танка, чертежи которого были им разработаны тогда же, осенью 1914 года, в Ивангороде, но осуществить эту идею не удалось за полным отсутствием в крепости необходимых для этого средств. Однако идеи инженера Лисякова были по моему приказанию сообщены в штаб Верховного Главнокомандующего, и я знаю, что там они были сообщены английскому военному агенту. Первый танк появился в Англии, раньше, чем у нас, но несомненно, что идея его принадле-

жит русскому инженеру. Одновременно с этим прапорщик Татаринов разработал электрический бомбомет, бросавший до 30 бомб в минуту на дистанцию в 100 шагов. Он продолжал также работы по старому своему изобретению-геликоптеру, но не довел их до конца.

В конце декабря я получил телеграмму от генерала Янушкевича, вызывавшую меня немедленно в Ставку Верховного Главнокомандующего. Я выехал в тот же день и около 12 часов следующего дня был уже в Барановичах. Я был сейчас же принят начальником штаба, генералом Янушкевичем, которого знал раньше. Встретил он меня очень просто. В его вагоне уже находились инспектор артиллерии Северо-Западного фронта и помощник французского военного агента, командан Лонглуа. Оказалось, что я вызван для того, чтобы выслушать доклад французского агента начальнику штаба о тех способах, какие применяются на французском фронте для разрушения проволочных сетей противника. Из моего доклада выяснилось, однако, что в этом отношении мы от французов не только не отстали, но идем даже несколько впереди.

В 6 1/2 часов вечера и затем после обеда, в 8 часов вечера, я был дважды принят Верховным Главнокомандующим Великим Князем Николаем Николаевичем. Во время вторичного приема он дал мне указание продлить Радом-Гроицкую позицию влево до Аннополя. Этим маневренные особенности позиции совершенно уничтожались, но, видимо, Великий Князь уже не надеялся на возможность быстрого пополнения боевых припасов и на способность наших армий к маневрированию. Разговор все время велся вокруг Ивангорода. Его Высочество сказал мне, что не благодарит меня за оборону потому, что меня уже благодарил сам Государь.

Обед состоялся в вагоне-столовой за маленькими столиками. Меня посадили вместе с Великим Князем Петром Николаевичем, и я был очень рад возможности поговорить с моим бывшим начальником, к которому сохранил чувства искреннего уважения и глубокой симпатии. Великий Князь Петр Николаевич в бытность его Генерал-Инспектором Инженерной части очень любил фортификацию, сам лично работал и этим очень увлекал за собой своих подчиненных. Время его начальствования Инженерным Ведомством является пе-

Планъ № 2.
ИВАНГОРОДЪ
въ 1915 г.
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:
МАСШТАБЪ:
Козеницы
Ивангородъ
Цитадель
Полично
Стара-Завада
Бердзеже
Черный Лясъ
Зволя
Высоко-Коло
Болтовъ
Осины
Ново-Александрія
Висла
Яновецъ
Казимерж
Кошары

риодом расцвета русского военно-инженерного искусства. В его отношениях с подчиненными он был в высшей степени прост, искренен и благороден.

После представления Великому Князю я зашел к генерал-квартирмейстеру Ставки, генералу Ю. Н. Данилову, с которым беседовал по вопросу о перестройке Ивангорода в долговременную большую крепость, объяснив ему, что, если будут даны необходимые средства, эта перестройка может быть осуществлена в несколько месяцев. Генерал Данилов отнесся к этому проекту отрицательно, и несколько дней спустя мне было прислано в Ивангород официальное извещение об этом.

Вместе с этим штаб Юго-Западного фронта сообщил свое решение считать позицию, укрепленную мною впереди Ивангорода, от Яновице на Полично и далее на Козеницы, не крепостной, а полевой и подлежащей обороне не гарнизоном крепости, а теми войсками, которые отойдут на эту позицию с фронта. С таким решением вопроса я совершенно не был согласен, так как не ожидал успешной обороны позиции войсками « случайными », отступившими на нее, то есть отчасти уже деморализованными и совершенно незнакомыми с позицией и со свойствами ее укреплений.

Вынужденный подчиниться этому решению, я в то же время не мог не учитывать, что неудачная оборона этой позиции отзовется прежде всего непосредственно на Ивангороде и отзовется гибельно. Вследствие этого я должен был принять меры к тому, чтобы неудача на этой позиции не погубила бы Ивангорода. Обороняться на прошлогодней позиции было теперь невозможно, так как высокий уровень грунтовых вод не допускал устройства хороших убежищ, и переход в наступление с этой позиции был затруднен. Я решил поэтому построить новую линию обороны между « полевой » и прошлогодней крепостной.

Позиция была избрана на тех же высотах, которые занимались в прошлом году линией обложения немцев на левом берегу Вислы. Она состояла из трех групп укреплений. Первая начиналась впереди деревни Гневашово и захватывала Гневашовский лес, вторая — Банковецкий лес и третья — деревню Мозолицы. Промежуток между первой и второй группами был укреплен, отступая на несколько сот шагов назад и образовывая

как бы обширный бастионный фронт, в котором группа Гневашовского леса образовывала один бастион, а Банковецкая группа — второй. Вместе с этим, учитывая возможность прорыва немцев между Ивангородом и Варшавой или же южнее Ивангорода, я считал необходимым и своевременным приступить теперь к постройке новых укреплений также и на правом берегу Вислы, которые вместе с укреплениями левого берега составляли бы одно кольцо укреплений. Соответствующий проект был представлен Главнокомандующему еще в конце декабря, однако утверждение его встретило в штабе затруднения.

Незаметно проходило время за работой. Подошел и Новый, 1915, год. В целях теснейшего сближения чинов гарнизона между собой и со мной, я собирал иногда у меня гг. офицеров в возможно большем числе. Ныне я решил встретить Новый год возможно торжественнее. В 11 часов ночи отец Яков отслужил в соборе торжественное молебствие в присутствии всего гарнизона крепости, а затем я пригласил к себе всех начальников частей, командиров рот, батарей и субалтерн-офицеров, всего около 150 человек. Я воспользовался случаем, чтобы горячо поблагодарить их за труды, и призывал всех сослуживцев отстаивать и далее крепость так же упорно и так же успешно, как и в минувшем году. Как горячи, как хороши и пылки были произнесенные за ужином речи и тосты! Пили за наши боевые успехи, за русский Константинополь, за крест на Святой Софии, за скорейшее окончание войны. Как хорошо, что мы не знали тогда, что принесет нам новый год!

Глава шестая

Весь январь и февраль я провел в разъездах. Приходилось часто ездить для осмотра работ на Радом-Гроицкой позиции и несколько раз в штаб фронта в Холм.

В начале марта я вынужден был произвести крупную перемену в составе моего штаба. Но для того, чтобы причины, вызвавшие меня сделать это, были бы совершенно понятны, я должен коснуться хотя бы в нескольких словах тех взаимоотношений, которые существовали в Ивангороде среди моих ближайших помощников и попутно дать краткие характеристики некоторых из них.

Когда я вспоминаю об Ивангороде, о гарнизоне и о моих ближайших сотрудниках, я испытываю чувство величайшего удовлетворения. С самого начала моего командования крепостью, между мной, с одной стороны, и гарнизоном и ближайшими моими сотрудниками, с другой, установились самые простые, искренние, доброжелательные и дружеские отношения. Само собой установился такой порядок, что я мог быть всегда уверен в том, что каждое отдаваемое мною приказание приводилось в исполнение немедленно. Не исполнить или хотя бы замедлить исполнение никому в голову не приходило. Это было чрезвычайно важно и сыграло в успехе ивангородской обороны громадную роль. Между офицерами гарнизона, главным образом между крепостными артиллеристами, инженерами и саперами, отношения были самые дружественные. Все они работали почти без отдыха, и свободного времени для кутежей и карточной игры не оставалось. Не было ни пьянства, ни ссор, ни недоразумений. Наконец, взаимоотно-

шения между моими ближайшими помощниками, каковыми являлись начальник инженеров, командир крепостной артиллерии, начальник штаба, крепостной интендант и командир морского полка, отличались отсутствием каких бы то ни было интриг, жалоб друг на друга и без взаимных неудовольствий. Каждый из них делал, что ему надлежало делать, и все сознавали, что творят одно большое общее дело. Ивангородский гарнизон в целом был образцом прекрасной, сплоченной, дружной военной семьи, и я чрезвычайно дорожил этим и всячески поддерживал этот дух. Так было до марта 1915 года, когда произошло событие, мелкое само по себе, но грозившее разрушить эти так удачно наладившиеся отношения.

Начальником инженеров крепости состоял генерал Е. О. Попов. Почти всю свою офицерскую службу он провел в составе Главного Инженерного Управления в Петрограде и поэтому несколько отстал от практической работы. Горячая, быстрая работа, которой я требовал в Ивангороде, была для него несколько тяжела. Большим инженерным талантом он не обладал, но знал инженерное дело и любил его. Его недостатком была медлительность и боязливость в решении вопросов, требовавших немедленной его санкции и налагавших на него известную ответственность. Он шел к Коменданту с докладом даже по таким вопросам, которые были вполне в пределах его власти.

Начальником моего штаба был капитан, потом подполковник Генерального штаба К. К. Дорофеев. Это был еще молодой человек, назначенный ко мне при моем вступлении в должность Коменданта, из Бреста. Он был еще мало опытен, но любил свое дело и был хорошим работником. К сожалению, звание офицера Генерального штаба и должность начальника штаба крепости кружили его молодую голову и портили его так же, как портили много других хороших русских офицеров. К тому же характер его был слишком горяч и иногда он держал себя в отношении своих подчиненных, и особенно солдат, слишком резко. Я вынужден был его сдерживать.

Попов и Дорофеев недолюбливали друг друга, но наружно это ничем не проявлялось.

Однажды в феврале я командировал Дорофеева в

Холм, поручив ему сделать генералу Алексееву доклад по определенному вопросу. По возвращении из Холма Дорофеев доложил мне результат его доклада, и при этом я спросил его, не докладывал ли он еще о чем-нибудь. Он ответил, что ни о чем больше не докладывал. Несколько дней спустя мне пришлось самому быть у генерала Алексеева, и Михаил Васильевич начал говорить о генерале Попове в таком тоне, что я понял, что разговор этот является следствием доклада Дорофеева, сделанного без моего ведома и разрешения и даже скрытого от меня. Поняв это, я был возмущен поведением Дорофеева и сейчас же спросил генерала Алексеева, делал ли ему Дорофеев доклад о генерале Попове? Генерал Алексеев признал это. Я тут же высказал мнение, что я считаю совершенно недопустимым, чтобы мои подчиненные, являясь к нему с определенными поручениями от меня, пользовались бы этим случаем, чтобы делать доклады друг об друге и в таком духе и тоне, как это им заблагорассудится. Я объяснил генералу Алексееву тот большой вред, который причиняет такой духовный разлад между лицами, делающими одно дело, что я считаю себя обязанным сразу же положить конец таким прискорбным явлениям и поэтому прошу немедленного перемещения Дорофеева из крепости на другую должность и назначения мне другого начальника штаба. Генерал Алексеев не ожидал, по-видимому, такого заявления, немного задумался, но потом прямо сказал: « Вы правы, я назначу вам другого ». Недели через две после этого Дорофееву была предложена должность начальника штаба дивизии, и так как это было повышение, он ее принял. Еще через неделю ко мне был назначен подполковник Генерального штаба А. И. Прохорович, рекомендованный мне из Ставки Верховного Главнокомандующего как один из лучших офицеров Генерального штаба *).

Я не останавливался бы так подробно на этом воспоминании, если бы оно не было связано с другим. Уже много времени после этого происшествия мне пришлось говорить о нем с одним нашим генералом Генерального

---

*) Эта рекомендация всемерно оправдалась. А. И. Прохорович оказался для меня бесценным помощником как по его знаниям и по громадной работоспособности, так и по прекрасному характеру и большому служебному такту.

штаба, который в ответ на этот мой рассказ сказал мне, что не считает Дорофеева виновным и полагает, что Дорофеев имел право говорить с генералом Алексеевым и делать ему доклад, даже не осведомляя предварительно меня, и это потому, что и генерал Алексеев и подполковник Дорофеев оба принадлежали к Генеральному штабу и что такой порядок был будто бы установлен в нашей армии. Не принадлежа к Генеральному штабу, я с таким порядком знаком не был, и если он действительно у нас существовал, в чем я сомневаюсь, то могу только пожалеть об этом.

В марте произошли крупные изменения и в штабе Юго-Западного фронта: начальник штаба, генерал от инфантерии М. В. Алексеев, был назначен Главнокомандующим Северо-Западным фронтом. Вместо генерала Алексеева начальником штаба Юго-Западного фронта был назначен генерал-лейтенант В. М. Драгомиров. Новый начальник штаба не отличался ни знаниями, ни качествами своего предшественника, а неспокойный, желчный его характер и большое самомнение были качествами, совершенно не соответствующими должности начальника штаба фронта. Не прошло и нескольких дней после его назначения, как я получил из штаба фронта бумагу, извещавшую меня, что мне не разрешается строить у Ивангорода новых укреплений на левом берегу Вислы, а предлагается обороняться на старой позиции. Что же касается укреплений правого берега, то таковые признаются не только излишними, но даже вредными. Такое решение нового начальника штаба фронта ставило меня в чрезвычайно затруднительное положение, так как на выяснившиеся во время предыдущей обороны недостатки крепостной линии обороны я не имел права закрывать глаза. Я отлично понимал, что, если нам дважды удалось перейти в наступление, это произошло в силу некоторых особых обстоятельств, которыми мы сумели воспользоваться, но и при этом были все же понесены большие потери. Легкость перехода с оборонительной линии в наступление должна являться главным ее качеством, иначе оборона почти обречена на гибель. В прошлом году я мог допустить отсутствие этого качества в линии Регов-Олексов-Кляшторна Воля-Сецехов-Лое в силу особой задачи, « обороны мостов у Ивангорода », поставленной мне

штабом, а также и потому, что другая, более совершенная позиция, являлась более удаленной от центра, более длинной, а следовательно требовавшей и больше времени и средств для ее оборудования и обороны. Средств же у меня тогда почти не было, а время исчислялось неделями. Ныне же обстановка значительно изменилась, впереди меня стоял крепко фронт армии, между которым и мною имелось еще два укрепленных рубежа. Значит, времени для подготовки крепостной позиции было достаточно, средства же были за это время накоплены мною в количестве вполне достаточном. Наконец, если дело дойдет снова до обороны, то это может произойти только в том случае, если наши армии, стоящие впереди, будут оттиснуты за Вислу, а в таком случае возможно появление немцев и на правом берегу, если не удастся остановить их во время самой переправы. В таком случае понадобится развить наше наступление со стороны Ивангорода. Вот в чем я видел предстоящие Ивангороду задачи и именно вследствие этого я ставил главнейшими требованиями Ивангороду как крепости легкость перехода в наступление и обязательную круговую оборону. Эти требования я предъявил строителю крепости генерал-маиору Попову, добавив к ним еще и второстепенные:

1) Полное обеспечение мостов от бомбардирования их существующими немецкими орудиями; 2) Обеспечение гарнизона на линии обороны убежищами, годными против орудий до 12 дм. калибра; 3) Самое широкое развитие сообщений по обоим берегам в виде круговых и радиальных шоссейных и железных дорог.

Именно на основании этого задания был составлен новый проект крепости. Этот-то проект, представленный мною в штаб фронта на утверждение, и был теперь отвергнут новым начальником штаба. Получив об этом извещение, я поехал в штаб лично. Я представился генералу Драгомирову и имел с ним совещание по этому вопросу. Выяснилось, что генерал Драгомиров опасается, что вынесение линии обороны вперед вызовет ее удлинение, каковое при ограниченном гарнизоне явится минусом. Я отстаивал мою точку зрения, и к соглашению мы не пришли. Вследствие этого я просил перенести вопрос на решение Главнокомандующего. Вместе мы отправились в кабинет генерала Иванова,

которому сначала я, а затем генерал Драгомиров изложили наши точки зрения. Генерал Иванов некоторое время колебался, но потом решительно стал на мою сторону и утвердил проект так, как он был мною представлен.

Когда с этим вопросом было покончено, генерал Иванов обратился ко мне с предложением организовать работы по укреплению позиции на реке Вислоке, в тылу армии генерала Радко-Дмитриева. Из дальнейшего разговора я узнал, что генерал Иванов обеспокоен отсутствием у генерала Радко-Дмитриева тыловой позиции и желал бы, чтобы работы были организованы быстро. Я охотно согласился, предполагая снять часть инженеров и рабочих с Радом-Гроицкой позиции, где работы уже заканчивались. Вопрос был уже почти решен, когда генерал Драгомиров заметил: « Ну зачем же посылать туда генерала Шварца, ведь там есть свои инженеры, генерал Величко и другие! » Генерал Иванов как-то сконфуженно замолчал и, не продолжая разговора, попрощался со мной и отпустил меня. Я уехал домой, работы на Вислоке так и остались неорганизованными, а затем вскоре произошел натиск Макензена на армию Радко-Дмитриева, и началось его отступление, послужившее началом наших неудач 1915 года.

Генерал Драгомиров пробыл в должности начальника штаба недолго и вскоре был замещен генералом Савичем.

Глава седьмая

Едва стаял снег и наступили первые весенние дни, Ивангород опять закипел, как муравейник. Инженерами Ивангорода строились теперь одновременно укрепления на трех позициях: Радом-Гроицкая (от Варшавы до Радома), продолженная по распоряжению Ставки дальше на юг, до Аннополя; в тылу ее — Ивангородская полевая, от Яновице на Полично, Горбатку и Козеницы; наконец — главная линия обороны Ивангорода, кольцо с радиусом на левом берегу в 12-14 верст и на правом в 9-10 верст.

Главное отличие этой последней позиции от первых двух заключалось в устройстве на ней долговременных железобетонных убежищ для гарнизона, в которых стены были толщиною в три фута, а покрытия — в шесть футов. Располагаясь непосредственно в тылу стрелковых окопов, в складках местности, эти убежища были так тщательно маскированы, что не открывались даже специалистам-разведчикам с наших аэропланов, которых я посылал специально для этой цели. Желая всячески усилить эту линию обороны, придать ей характер более долговременный, я приказал применить в качестве препятствий штурму и гидротехнические работы. Для этих работ были командированы в крепость еще в ноябре 1914 года из Министерства земледелия два инженера: Новацци и Персианов. Разработанный ими согласно моим указаниям проект применения гидротехники для обороны Ивангорода заключался в следующем:

1) На левом берегу: а) Между Вислой и Гневашовым глубокий канал, наполненный водой, и затопление впереди него, б) у фольварка Сарнов — затопление, в) у Банковца — запруда реки и канал, наполненный водой и фланкируемый двумя орудиями.

2) На правом берегу: частичные затопления у Бржезин, у Красноглины, у Мощанки и у фольварка Вымыслов.

Вскоре после назначения генерала Алексеева Главнокомандующим Северо-Западным фронтом я получил от него из Седлеца телеграмму, извещавшую, что Ивангород перешел к его фронту и я подчиняюсь непосредственно ему и что он приглашает меня прибыть к нему в Седлец.

Известие это очень меня обрадовало, так как генерал Алексеев относился к нуждам Ивангорода гораздо внимательнее и благожелательнее, чем его заместители на Юго-Западном фронте, генералы Драгомиров и Савич. Накопилось уже много вопросов, требовавших санкции Главнокомандующего, и я решил не откладывать поездки. Желая представить Главнокомандующему своего нового начальника штаба, я пригласил с собой полковника Прохоровича. Поездка на города Радин и Луков, около 80 верст по шоссе в автомобиле, занимала 1 1/2-2 часа. Мы выехали утром и приехали в Седлец вскоре после 12 часов дня. В штабе нам сказали, что Главнокомандующий обедает в общей столовой со всеми чинами штаба. Не желая беспокоить его во время обеда, мы решили пока осмотреть Седлец, но когда через полчаса вернулись в штаб, оказалось, что обед кончен и Главнокомандующий с генералом Пустовойтенко, генерал-квартирмейстером, пошли гулять. Мы пошли искать их, но нигде не нашли, и только в 3 часа дня я был принят генералом Алексеевым у него на квартире. Он расспрашивал, как всегда совершенно просто и благодушно, об Ивангороде, о моих предположениях и пожеланиях, обещав во всем полную поддержку. От него я прошел в штаб, где виделся с генералом Пустовойтенко и генералом Палицыным, бывшим начальником Главного Управления Генерального штаба, ныне состоявшим в распоряжении Главнокомандующего. Помню, я был очень поражен странным положением, создавшимся тогда в штабе фронта: начальником штаба фронта был генерал Гулевич, он был тут же, в Седлеце, и жил в доме, занимаемом генералом Алексеевым, этажом выше, но все дела в штабе решались помимо него. Получалось впечатление, что начальника штаба нет совсем.

Некоторые чины штаба, которые были почему-то недовольны генералом Гулевичем, болтали, что он будто бы слишком « барин » и затягивает дела. Я лично не знал тогда генерала Гулевича настолько близко, что бы подтверждать или отрицать это, но я хорошо знал генерала Алексеева и его постоянную манеру делать все самому. Он до такой степени старался все делать сам, что начальнику его штаба уже не оставалось, собственно говоря, никакой работы. Он сам составлял даже черновики бумаг, предписаний, посылавшихся от его имени, сам писал телеграммы. Я полагаю, что какими качествами ни отличался бы начальник штаба у генерала Алексеева, он всегда играл бы второстепенную роль. Но вместе с тем я думаю, что такое положение не улыбалось генералу Гулевичу, вероятно, тяготило его и отсюда, видимо, и произошло его отчуждение от дел. Непосредственным помощником генерала Алексеева оставался по-прежнему генерал Пустовойтенко, связанный с Михаилом Васильевичем еще совместной работой в Киевском округе. Вместе с генералом Алексеевым жил и его большой друг, отставной генерал-маиор Генерального штаба Борисов, являвшийся ближайшим советником его по вопросам формирований и подготовки и развития боевых операций. Я думаю, что это было так, но другие уверяют, что и Борисов никакой большой роли не играл. М. В. Алексеев был по-прежнему прост, внимателен и предупредителен, но за очками в глазах его мелькало, как мне показалось, какое-то новое выражение озабоченности и тревоги.

Недели две-три спустя после этой поездки в Седлец я обратил внимание на то, что в одном из приказов по армиям фронта, присланном из Седлеца, было употреблено в отношении Ивангорода выражение « Ивангородские укрепления », а не « крепость ». Я подумал, что это случайная ошибка штабного офицера, составлявшего приказ, и не придал этому значения. Несколько дней спустя я был снова вызван в штаб фронта. Генерал Алексеев имел смущенный и усталый вид. Было ясно, что он хотел что-то сказать мне, но колебался, и на этот раз я заметил в нем отсутствие той твердости и определенности решений, которая раньше так определенно в нем сказывалась. Наконец он сказал мне, что нужно быть готовым ко всяким случайностям, что неизвестно,

как сложатся обстоятельства на фронте, и чтобы поэтому я был бы готов к эвакуации крепости, если по ходу операций к этому придется прибегнуть.

Впоследствии, гораздо позже, я узнал, что уже тогда вопрос снабжения наших армий находился почти в катастрофическом состоянии и для генерала Алексеева было, по-видимому, ясно, что надежд на исправление этого положения в ближайшие месяцы нет совершенно. Я же, не зная этого, не допускал и мысли о возможности оставления Ивангорода когда бы то ни было и прикладывал все мои силы для развития его обороноспособности. Можно поэтому представить себе, как я был поражен словами генерала Алексеева. Я стал горячо доказывать ему, что, как бы ни сложились обстоятельства на театре военных действий, даже если допустить самое тяжелое, то есть возможность отхода наших войск за Вислу, то и тогда все же следует удерживать Ивангород во что бы то ни стало, обеспечивая себе возможность обратного нашего перехода на левый берег Вислы.

Генерал Алексеев, заметив угнетающее впечатление, произведенное на меня его словами, не настаивал. Наоборот даже, когда я обратил его внимание на то, что Ивангород не имеет с ноября прошлого года пехотного гарнизона, что необходимо назначить хоть часть такового теперь же, чтобы я имел время его подготовить, он согласился. Действительно, в скором времени после этого в крепость прибыли 23-я бригада Государственного ополчения и четыре дружины 82-й бригады. Увы, эти войска были плохо вооружены, почти без патронов и были скорее рабочие, чем бойцы.

Я возвратился в крепость в подавленном и расстроенном состоянии с решением о словах генерала Алексеева никому в крепости, кроме начальника штаба, не сообщать и готовиться не к эвакуации, а к обороне. Однако в начале мая в каком-то приказе по армиям фронта снова появилось выражение « Ивангородские укрепления ». Тогда стало ясно, что это не случайно, а является результатом какого-то принятого решения.

Учитывая скверное моральное впечатление, которое могло произвести это « разжалование » на основной гарнизон крепости, то есть на крепостную артиллерию и особенно на офицеров, я приказал начальнику штаба написать в штаб фронта запрос, на каком основании

крепость, числящаяся таковой и до сих пор, ныне именуется официально уже в нескольких приказах Главнокомандующего « укреплениями »? Я обращал в этой бумаге внимание штаба фронта на громадное значение для упорства обороны термина « крепость » и существующих в отношении крепостей и их обороны законоположений, что с упразднением в Ивангороде крепости, гарнизону его как бы заранее дается какое-то послабление в будущей обороне. Что поэтому я прошу в будущих приказах нового термина не употреблять и разъяснить мне, чем это было вызвано.

В ответ на эту бумагу я снова был вызван в Седлец. На этот раз генерал Алексеев уже совершенно определенно сказал мне, что оборонять Ивангород он не предполагает, чтобы я теперь же составил предположения о порядке эвакуации крепости и имущества и был бы готов начать эвакуацию. Такое определенное решение в момент, когда наши армии еще твердо стояли на фронте, поразило меня и казалось мне совершенно ошибочным и грозящим непоправимыми последствиями. Я стал поэтому убеждать Михаила Васильевича изменить принятое им решение и, наоборот, просил его оказать мне более энергичную поддержку, чтобы поскорее закончить новые оборонительные работы, а также назначить гарнизон. Я доказывал, что если удастся окончить все намеченные работы и подготовить гарнизон, то Ивангород задержит немцев на несколько месяцев без всякого сомнения. Я умолял Главнокомандующего согласиться на оборону крепости, напоминая ему наш успех прошлого года.

Генерал Алексеев как будто поддался моим убеждениям, разрешил мне продолжать оборонительные работы и сказал, что пришлет в крепость одну или две бригады пехоты. Приказание же готовиться к эвакуации он отдает на всякий случай.

Все это было, однако, мало утешительно. Взволнованный, я ушел от генерала Алексеева в его штаб. Здесь, из разговора с начальником оперативной части полковником Даллером, я узнал, что, опасаясь успешного наступления немцев на Варшаву и Ивангород, в штабе решили заранее объявить, что Варшава и Ивангород — не крепости, а участки укрепленных позиций, которые могут быть когда угодно оставлены без особого сра-

ма, так как отступление с укрепленных позиций допускается. Даллер сказал мне, что решение это принято окончательно и уже послано на утверждение Верховного Главнокомандующего. Я был так возмущен этим, что сказал ему, что это напоминает страуса, прячущего от страха голову под крыло. Видя, что Даллер и был, без всякого сомнения, автором этого замечательного по своей бессмысленности измышления, я ушел от него к генералу Пустовойтенко, надеясь повлиять на него. Пустовойтенко согласился с моей мыслью о невозможности прекращения работ, что наоборот надо всячески развивать их, так как нельзя предвидеть, как сложатся обстоятельства через несколько месяцев. Он советовал мне продолжать работу и не придавать особого значения решению штаба фронта. Вместе с этим он задал мне вопрос: « Сколько времени может держаться Ивангород? » Считая этот вопрос очень важным и предполагая, что мой ответ может оказать на участь Ивангорода большое влияние, я просил разрешения дать на этот вопрос письменный ответ.

Вечером, возвратившись в Ивангород, я долго обдумывал создавшееся положение и написал генералу Пустовойтенко письмо, черновик которого каким-то чудом уцелел от разгрома революции и сохранился в бумагах моей жены. Привожу его поэтому дословно:

« Глубокоуважаемый Михаил Савич! Вы задали вчера мне вопрос, на который я не дал вам сразу ответа: сколько времени может держаться Ивангород? И сейчас, все обдумав и взвесив, я не могу, оставаясь добросовестным, дать сколько-нибудь определенный ответ. Да мне кажется, ни один Комендант крепости не может этого сделать. Ведь, наверное, Комендант сильного Антверпена рассчитывал обороняться по крайней мере год, а был взят в 12 дней, слабый же Севастополь и такой же Порт-Артур оборонялись гораздо дольше, чем все предполагали.

В отношении Ивангорода я могу и должен сказать так, как думаю, а думы мои сводятся к следующему:

1) При помощи штаба Главнокомандующего можно в течение еще одного месяца сделать из Ивангорода очень сильную крепость;

2) Противник подойдет к крепости не раньше, чем через месяц, следовательно мы еще имеем достаточно

времени и если не будем преувеличивать события, а останемся спокойными, то успеем сделать все, что необходимо. Для этого только нужно, чтобы те необходимые требования, которые я изложил в докладе Главнокомандующему были бы немедленно удовлетворены;

3) В таком случае я твердо уверен, что крепость окажет сильное сопротивление. Она оттянет на себя не менее трех-пяти корпусов и значительную часть неприятельской артиллерии. Я полагаю, что мы можем сопротивляться не менее двух-трех месяцев при круговом обложении и не менее шести месяцев при частичном. Уверенно могу сказать только одно, — что сдачи не будет.

Я полагаю, что если удастся продержаться два-три месяца, то общим операциям будет принесена большая польза, и это заставило меня написать Главнокомандующему доклад, при этом прилагаемый, а Вам это письмо.

Я стою за оборону крепости не потому, что мне тяжело переживать позор эвакуации, а именно по тем соображениям, которые я изложил Вам сейчас в этом письме. Поддержите же меня и дайте возможность исполнить долг мой с честью».

Послав это письмо и сознавая, какую ответственность я принял на себя, я лихорадочно торопил работы, особенно на левом берегу, подгонял инженеров, но никому не говорил, что может быть все это не пригодится. У меня самого в последние дни укрепилась надежда, что письмо мое окажет влияние и что оборона Ивангорода будет разрешена.

Не прошло и недели, как я получил снова вызов в Седлец. На этот раз меня спросили, какие меры я принял на случай эвакуации. Я ответил, что плана эвакуации еще не разработал, так как был занят развитием работ. В дальнейшем разговоре с М. В. Алексеевым у меня мелькнула мысль, что он может быть сомневается в правильности моих докладов о боеспособности Ивангорода, что может быть я сам ошибаюсь и переоцениваю то дело, которое я же создал. Высказав эту мысль генералу Алексееву, я просил его командировать в Ивангород лицо, пользующееся его доверием и вполне компетентное в крепостном деле, с поручением осмо-

треть Ивангород и дать отзыв об его обороноспособности.

Генерал Алексеев согласился. Это было, насколько я помню, 6 или 7 июня, а 12-го я получил извещение, что 14 июня утром в крепость прибудет генерал Палицын для ее всестороннего осмотра. Действительно, он прибыл рано утром 14-го, сразу отправился на фронт и осматривал работы с присущей ему внимательностью и добросовестностью в течение двух дней. Я сопровождал его, давал объяснения и на месте знакомил его с планом будущей обороны. Уже заходило солнце 14 июня вечером, когда мы окончили осмотр работ правого берега на фольварке Вымыслов. Здесь генерал Палицын отвел меня в сторону от сопровождавших нас инженеров и сказал: « Я осмотрел по приказанию Главнокомандующего все наши крепости и должен вам сказать, что я нахожу, что ни одна из них не находится в такой степени обороноспособности, как Ивангород. Все, что возможно было предвидеть, вы предугадали. Я так и доложу. Но все же ваша участь уже решена. Сегодня, когда я выезжал из штаба, мне предложили передать вам предписание об упразднении Ивангорода как крепости. Я отказался взять эту бумагу для передачи вам, так как не сочувствую этому решению, но ее пришлют вам сегодня же с фельдъегерем. Мой совет вам: спрячьте ее и никому не показывайте! » Действительно, когда мы вернулись в цитадель, в мой дом, там уже ждал нас фельдъегерь из штаба. Он привез письменное предписание считать Ивангород участком укрепленной позиции и принять меры к немедленной эвакуации из крепости излишнего артиллерийского вооружения и имущества.

Не говоря уже о том, что для обороны никакое вооружение не может быть « излишним », кроме испорченного и негодного для стрельбы, я совершенно не разделял основной мысли этого предписания. Я не мог понять, как генерал Алексеев, считавшийся талантливейшим и наиболее подготовленным из всех наших полководцев этой войны, мог воспринять и приводить в исполнение мысль об упразднении крепости, когда неприятель уже на расстоянии лишь одного месяца от нее *).

---

*) Совершенно такие же мероприятия принимались в это же самое время французским командованием в отношении фран-

Чем могла прельстить его эта мысль? Я объясняю это только одним: он не отдавал себе ясного отчета в том громадном моральном значении, которое имеет слово « крепость » для каждого чина ее гарнизона, от Коменданта до младшего солдата. С этим словом неразрывно связано понятие о необходимости упорной обороны, о невозможности ее оставления. Опыт предшествующего года наглядно показал всем солдатам, что с укрепленных позиций не раз отступали, что эти позиции в большинстве случаев упорно не оборонялись, тогда как крепости, которыми неприятель пытался овладеть, как, например, Ивангород и Осовец, устояли и отбросили врага.

Не знаю, как в Осовце, но у меня в Ивангороде удалось создать такой дух, что буквально никому из гарнизона ни на минуту не закрадывалась мысль о возможности оставления крепости, уже дважды удержанной нами. Для меня было поэтому совершенно ясно, что до тех пор, пока этот дух существует, оборона возможна и может быть с неменьшим успехом, чем в прошлом году. Вместе с тем я сознавал, что стоит только объявить о полученном приказе, как дух угаснет немедленно, и поднять его в нужный момент будет уже очень трудно, а может быть и совсем невозможно. Кроме того, прекратить работы и начать вывозить имущество, накопленное с таким трудом, теперь, когда враг еще далеко и еще неизвестно, как сложится военная обстановка в дальнейшем, я совершенно не считал возможным. Ведь все может случиться. Каждый выигранный день увеличивал наши силы. За этот месяц, который, по моему мнению, еще был в нашем распоряжении, могли произойти такие события, которые быть может задержат дальнейшее наступление немцев. Вправе ли я прекращать работы, увозить вооружение и имущество и этим ослаблять и даже разрушать обороноспособность Ивангорода? С другой стороны, быть может немцы подойдут вовсе не с такими большими си-

цузских крепостей Верден, Туль, Эпиналь и Бельфор. Крепости эти были разоружены, гарнизоны их перемещены в армии, и некоторые укрепления разрушены. В таком виде Верден был атакован немцами, занявшими один форт. Прибывший в этот момент в крепость генерал Петен ввел в крепость войска и по собственной инициативе решил оборонять ее, чем и спас Францию.

лами, чтобы мы их не задержали, а задержка их здесь, у крепости, ослабила бы их шансы в другом месте.

Я был уверен и раньше, что Ивангород может продержаться до шести меясцев, но это были мои личные предположения. Ныне же, когда их правильность подтвердил и генерал Палицын, которого я всегда считал человеком очень осторожным и вдумчивым, уверенность моя еще больше укрепилась. И на основании этого я решил: 1) Приказ генерала Алексеева, которому я не мог не подчиниться, исполнить, но лишь в последний момент, когда по ходу ближайших военных операций генерал Алексеев подтвердит его еще раз; 2) Бумагу генерала Алексеева спрятать, показав ее только начальнику штаба, и никому о ней не говорить; 3) Никаких приготовлений для эвакуации не делать и 4) самым деятельным образом продолжать работы по укреплению и вооружению крепости.

Вместе с тем я решил при первом же свидании с генералом Алексеевым попытаться еще раз уговорить его отменить свое решение. Случай этот представился скорее, чем я думал, так как в эту же ночь я получил телеграмму, вызывавшую меня на 15 июня снова в Седлец.

Я доложил генералу Алексееву мнение генерала Палицына. Генерал Алексеев сказал мне в ответ, что решение его, изложенное в посланном мне предписании, вызвано неизбежностью предстоящего очищения Польши, которое вызывается недостатком боевого снабжения и невозможностью быстрого его пополнения, но что он прибегнет к этому только в крайнем случае. Он разрешил мне продолжать оборонительные работы. Затем генерал Алексеев сказал мне, что вызвал меня, чтобы посоветоваться о подготовке оборонительной линии в тылу его фронта. Он предполагал сейчас же приступить к постройке укрепленных позиций по линии Осовец-Белосток-Седлец-Луков-Влодава и далее, к востоку, через Гродно-Брест. По-видимому, у него была твердая уверенность не отходить далее этих линий, так как, говоря о них, он сказал: « Тут мы будем умирать! »

**
*

Разумеется, я не был осведомлен об общем положении дел на театре войны так, как Главнокомандующий, и поэтому оценивал обстановку иначе, чем он, и не был

согласен с мыслью об оставлении линии Вислы и отступлении на восток.

Эта идея, которую генерал Алексеев, видимо, считал единственным способом спасения наших армий, казалась мне губительной, и я считал, что отступление от Вислы равносильно проигрышу войны.

Тогда я решил обратить внимание генерала Алексеева на то, что может быть от него ускользнуло, а именно на большие запасы артиллерии в крепостях. Так в Ивангороде я имел уже около 500 орудий с большим количеством снарядов, в Новогеоргиевске их было около 1.500, почти столько же в Ковно и около 1.300 в Гродно, не менее 1.200 в Бресте да, вероятно, несколько сот в Осовце и в Варшаве. Всего, следовательно, в крепостях театра войны было около 6 тысяч орудий, в большинстве — среднего калибра и с необходимой амуницией. Если главнейшей причиной, вызывавшей неизбежность отступления, был постоянный недостаток полевой артиллерии, то почему же не использовать артиллерию крепостную?

Конечно, она не годна для полевых действий, но с большим успехом могла бы быть применена для обороны, и мне казалось, что нужно не оставлять Вислу, а укрепиться на правом ее берегу, создав оборонительный плацдарм Вепрж-Висла-Нарев-Бобр и Неман. Эти реки сами по себе уже представляли серьезное препятствие, а усиленные опорными пунктами, как Ивангород, Новогеоргиевск, Ломжа, Рожаны, Осовец, Гродно и Ковно, и шестью тысячами крепостных пушек, могли бы явиться препятствием неодолимым.

Мысли эти казались мне справедливыми и, возвратясь в Ивангород, я сейчас же написал генералу Алексееву подробный доклад и послал его. Но, чрезвычайно занятый, Михаил Васильевич не мог заняться им лично и поручил это генералу Борисову, который, по-видимому, не торопился, и только за несколько дней до подхода к крепости противника я получил извещение, что мне разрешается укрепить Вислу!

Увы, это было уже слишком поздно, а затем крепости, лишенные содействия армии, были легко взяты противником... Так случилось с Новогеоргиевском, Ковно и Гродно, где большая часть крепостных орудий и была взята противником.

Глава восьмая

В конце июня немцы закончили сосредоточение своих сил и начали наступление против фронта наших армий, защищавших подходы к Ивангороду и Варшаве.

Под давлением противника 4-я армия начала отходить на Ивангород, но между ней и Ивангородом имелись еще два сильно укрепленных рубежа, на которых можно было задержаться надолго, — это были позиция Радом-Илжа-Аннополь и, затем, передовые позиции Ивангорода, от Яновице на Полично-Козеницы. С начала отхода 4-й армии главная квартира командующего армией, генерала Эверта, была перенесена из Конска в Радом, а затем за Вислу, в Радин. По-видимому, вследствие того, что 4-й армии предстояло войти в район Ивангорода и действовать совместно с крепостью, я получил в первых числах июля предписание Главнокомандующего, извещавшее о включении Ивангорода в состав 4-й армии и о подчинении меня, Коменданта крепости, командующему армией генералу Эверту. В том же предписании сообщалось, что пехотный гарнизон будет назначен в крепость распоряжением командующего армией. Получив это извещение, я решил на следующий день ехать к генералу Эверту с докладом о положении крепости и о ее нуждах, но я еще не успел осуществить это намерение, как от генерала Эверта прибыл ко мне генерал Гришницкий с поручением ознакомиться с положением на месте, узнать о моих планах и передать мне предписание, в котором генерал Эверт сообщал мне о подчинении крепости ему и приказывал, на основании распоряжения Главнокомандующего, начать немедленную подготовку эвакуации крепости. « Вы должны помнить », говорилось в предписании, « что в

случае оставления в крепости трофеев, вся ответственность за это будет возложена на вас». Но я уже давно убедился в том, что, если бояться ответственности, то ничего сделать нельзя, и поэтому просил генерала Гришницкого доложить генералу Эверту, что я готовлюсь к обороне, подготовку к эвакуации считаю преждевременной и прошу ускорить назначение пехотного гарнизона в крепость.

Однако события начали развиваться быстрее, чем я этого ожидал. Австро-немецкие части, теснившие остатки 3-й армии и соседние с ней части Юго-Западного фронта, уже подходили к Люблину с явным намерением выйти в тыл Ивангороду, но задерживались на линии Казимерж-Кресты. Войска 4-й армии заняли позицию Радом-Илжа-Аннополь. Севернее, от Радома на Гройцы, расположилась 2-я армия на позиции, часть укреплений которой была уничтожена распоряжением генерала Рузского еще в январе.

Я все еще был уверен, что такое положение продлится без перемен по крайней мере несколько недель, но прошло всего несколько дней, как я получил от генерала Эверта телеграмму, извещавшую, что войска 4-й армии оставили Радомскую укрепленную позицию и отходят частью — на позицию впереди Ивангорода, частью — на север от нее.

Принимая во внимание, что между позициями Радом-Илжа и Ивангородской передовой всего около 50 верст расстояния, я видел, что войска 4-й армии подойдут к передовой позиции дня через два-три и, если они очистят эту позицию с такой же быстротой, как и предыдущую, неприятель направится уже прямо на крепость, которая, несмотря на мои частые повторные требования, осталась все же без гарнизона. Вследствие этого я известил генерала Эверта телеграммой, в которой вновь настаивал на немедленной присылке гарнизона и прибавил, что без пехотного гарнизона крепость может легко стать в катастрофическое положение. Ни в этот, ни на следующий день я не получил ответа, а между тем отступление корпусов генерала Мрозовского и генерала Клембовского, назначенных для обороны передовых позиций, шло все быстрее, и к вечеру следующего дня они уже подходили к позиции. Лично меня это обстоятельство не особенно беспокоило, так как сам укре-

плявший эту позицию, я отлично знал, какую громадную оборонительную силу она представляет. Я был вполне убежден, что на этих позициях можно обороняться как угодно долго, но быстрое очищение позиции на Илже, также хорошо укрепленной, наводило на мысль, что и позиция впереди Ивангорода не будет удержана так долго, как это могло быть при иных, более нормальных условиях. Во всяком случае я считал, что ранее, как через две-три недели войска не оставят этой позиции.

Тем не мене я решил поехать немедленно к генералу Эверту и настоять на немедленной присылке гарнизона. Вместе с этим я приказал приступить к срочной постройке батарей для крепостной артиллерии, что не было сделано раньше, дабы неприятель не был заранее осведомлен о местах их расположения, а также к установке на главной линии левого берега пулеметов и мелкой противоштурмовой артиллерии. Кроме того, я приказал, чтобы 23-я и 32-я бригады ополчения, находившиеся на работах на правом берегу, немедленно перешли бы на левый берег и расположились: 23-я бригада на участке от Вислы до Банковца, а 32-я от Банковца правее, до Вислы.

Около 3 часов дня 7 июля я выехал на автомобиле в Радин, к командующему 4-й армией генералу Эверту. Я познакомился впервые с генералом Эвертом вскоре после моего назначения Комендантом Ивангорода в августе 1914 года, когда он однажды неожиданно приехал в крепость. Он был очень высокого роста и плотного телосложения, с энергичным и как бы суховатым выражением лица, с черной бородой. В молодости он был адъютантом фельдмаршала Гурко, когда последний был Варшавским генерал-губернатором. Генерал Эверт участвовал в русско-японской войне, а затем был командующим войсками Иркутского военного округа и Начальником Главного Штаба. По виду он производил впечатление очень решительного человека, но в действительности не был таковым. За все время его командования 4-й армией он был чрезвычайно осторожен и ни разу не решился на предприятие, которое могло бы дать большой успех, если бы было успешно выполнено, но и было бы сопряжено с известным риском. Однажды он сам сказал мне: « Моя армия ни разу не имела крупно-

го успеха, но зато и ни разу не была бита». Я считаю эту, по моему мнению, слишком большую осторожность отрицательной стороной военных качеств генерала Эверта, так как было несколько случаев, когда он решительным ударом мог нанести противнику неисчислимый вред, но он оставался неподвижен, принимая все меры к тому, чтобы отразить нападение, если на него начнут наступать, и тем самым терял время, давал противнику возможность свободно маневрировать и окончательно упускал случай.

Другой стороной его характера было пристрастие к офицерам Генерального штаба. Сам принадлежа к этой корпорации, он отдавал офицерам Генерального штаба явное и иногда совершенно несправедливое, ни на чем не основанное предпочтение перед другими.

Однако под наружной суровостью в нем таилось в действительности доброе сердце.

Я приехал в Радин около 4 часов дня, и здесь в штабе меня уже ждал неприятный сюрприз, чрезвычайно меня поразивший. С первых же слов разговора генерал Эверт сообщил мне, что корпуса генералов Мрозовского и Клембовского, которые по моим расчетам должны были удерживаться на передовой позиции под Ивангородом несколько недель, уже оставили позицию сегодня утром и отходят.

Как могло случиться, что позиция, укреплявшаяся в течение нескольких месяцев, обильно снабженная самыми лучшими противоштурмовыми препятствиями, обладавшая громадной обороноспособностью, рассчитанная на сопротивление в продолжение нескольких месяцев, была оставлена почти без боя? Даже при недостатке снарядов у полевой артиллерии дивизий, занимавших эту позицию, противнику было необходимо затратить много времени, чтобы самому сосредоточить такое количество артиллерии и припасов к ней, артиллерийским огнем смести укрепления и заставить их защитников уйти, не ожидая штурма. Для меня было вполне ясно, что отступление произошло не по причине недостатка снарядов, а по какой-то другой.

Действительно, причиной оставления позиции оказалась именно та, которую я предвидел, опасался и о которой докладывал генералу Иванову, еще когда начал укреплять ее. Я послал тогда генералу Иванову доклад,

в котором настаивал, чтобы оборона позиции была бы поручена гарнизону крепости, который имел достаточно времени хорошо ознакомиться со всеми ее тактическими особенностями, а руководство обороной поручить мне, так как я укрепил крепость соответственно определенному плану обороны, созданному мною и тщательно продуманному и изученному в мельчайших подробностях. Я мог совершенно уверенно утверждать, что здесь не было ни одного лишнего, ненужного укрепления и каждый окоп, каждый фугас, каждое противоштурмовое орудие имели свое специальное назначение и свое свойство, хорошо известное мне, но неизвестное другим. Я проектировал укрепление позиции так, что потеря одного какого-нибудь укрепления или даже известного участка укреплений совершенно не грозила прорывом фронта позиции и не являлась опасной, так как расположение других рядов укреплений было таково, что давало возможность легко вновь сомкнуться и немедленно выбить противника из захваченной им части позиции. В данном случае фортификация являлась не подспорьем, не помощью, а таким же реальным действующим средством, как ружье и пушка. Но для того, чтобы использовать все то, что было задумано, когда позиция создавалась, нужно было, чтобы глава ее обороны не только кое-как ознакомился с постройкой укреплений с целью убедиться, есть ли там достаточно толстые блиндажи, имеются ли бойницы, хороши ли проволочные сети и т. д., нет, нужно было, чтобы он в совершенстве постиг тот план, для осуществления которого все эти постройки возводились. Генерал Иванов, к сожалению, не понял меня, или же тут сказалось влияние Генерального штаба, который не мог допустить, чтобы военный инженер командовал бы двумя корпусами, и мое предложение было отклонено. И вот теперь сказались результаты: на позицию пришли войска случайные, совершенно незнакомые и притом только что уже разбитые. Их начальники были в такой же степени не знакомы с укреплениями, как и войска, и поэтому, естественно, не знали назначения того или иного сооружения и не могли ознакомить с ними их войска так, как это было нужно. Наконец оба командира корпусов были равноправны, не подчинялись друг другу, лица, объединяющего их действия, не

было, и оборона осталась вовсе без головы. И случилось даже еще худшее, чем я предполагал: заняв позицию вечером, войска к рассвету уже бросили ее.

Мои записки имеют определенную и единственную цель — сохранить для истории все то, чего я был свидетелем и непосредственным участником во время войны. Я не имею целью кого-либо обвинять или хотя бы только критиковать. И когда мне приходится говорить о наших неудачах, я делаю это с болью в сердце, но и не считаю себя вправе скрывать что либо, будь то моя ошибка или других. Так и на этом эпизоде я останавливаюсь подробно только потому, что он ярко рисует то чрезвычайно несерьезное, не вдумчивое, а подчас даже легкомысленное отношение, которое проявляли наши старшие начальники в вопросах применения укрепленных позиций и обороны их. Очень часто позиции эти строились и строились без конца, протяжением на тысячи верст и... бросались, как только войска подходили к ним, и часто — вовсе без боя. Сколько труда, средств и денег было израсходовано совершенно непроизводительно! Как подрывалась вера войск в мощь и силу фортификации!

Обыкновенно штаб фронта или штаб армии, на основании своих стратегических соображений, « заказывал » построить укрепленную позицию там, где предполагали обороняться, « от города такого-то до такого-то ». Затем уже от добросовестности и главным образом от вдумчивости строителя-инженера зависело оборудование позиции в тактическом отношении. Ни командующий армией, ни командиры корпусов и начальники дивизий не принимали, обыкновенно, в этом совершенно никакого участия. И выходило так, что строитель совершенно не знал, как командир корпуса предполагает обороняться на этой позиции, а командир корпуса до самого прихода на позицию не имел никакого представления о том, что именно, зачем и почему для него приготовляется. На фортификацию смотрели лишь как на средство, помогающее прикрыть стрелка от огня, с целью уменьшить потери, и этим ограничивалось ее применение. Я не знаю ни одного случая, когда инженерное искусство применялось бы по его прямому назначению, то есть для восполнения живой силы, для облегчения перехода в наступление, для опоры той или иной

части фронта, для противодействия тому или иному маневру. В конце концов весь фронт вытягивался в нитку, а искусство маневрирования исчезло.

Один лишь генерал Алексеев в его идее о Радом-Гроицкой позиции правильно учел значение фортификации: позиция дает возможность прикрыть Вислу слабыми силами, а два опорных пункта — Ивангород и Варшава, отдельные и независимые от позиции, обеспечивают ее фланги. Промежутки же между опорными пунктами и флангами позиции обеспечивают свободу маневрирования сильных резервов. И если в своих стратегических соображениях наши полководцы совершенно не понимали истинного значения фортификации, то и исполнители этих соображений, командиры корпусов и начальники дивизий, ее совершенно не знали. Быть может они знали тактику своих войск так, как она существовала до войны, и придавали значение фортификации как средству сократить потери в людях, но мысль о необходимости правильного сочетания фортификации с современной тактикой войск оставалась долгое время чуждой почти для всех. Знаменитый лозунг Вобана « больше земли — меньше крови! » понимали вовсе не так, как его нужно понимать теперь. Большая эволюция, происшедшая в области полевой фортификации, оставалась незамеченной и не понятой.

Несколько дней спустя, когда мне лично пришлось иметь дело с войсками генерала Мрозовского, я узнал подробности оставления передовой позиции. Отходя от Илжи, войска заняли эту позицию так, как им было приказано командующим армией: 16-й корпус от Козениц до Полично, а Гренадерский — далее на юг, от Полично до Яновице. Дальнейшее распределение войск каждого корпуса на позиции производилось уже распоряжением командиров этих корпусов. Генерал Клембовский, командир 16-го корпуса, за несколько дней до этого приехал на указанную ему позицию и осмотрел ее Генерал Мрозовский, командир Гренадерского корпуса, сам не поехал, а послал для этого Инспектора артиллерии своего корпуса, то есть лицо, не имеющее никакого отношения к распределению войск на позиции. Таким образом свойства позиции, которую командир этого корпуса должен был оборонять, оставались ему совершенно неизвестными, а следовательно и использо-

вать созданное для помощи его войскам он не мог. У позиции и у занявших ее войск не было ничего общего: войска были сами по себе, а позиционные укрепления — тоже. И это сейчас же дало себя знать.

Чтобы было понятно, что именно случилось, я должен дать следующее пояснение. Когда, в мае, укрепления этой позиции были закончены, я назначил особую комиссию из командиров всех строевых частей, начальника штаба, командира крепостной артиллерии и начальника инженеров крепости для подробного осмотра созданных укреплений. Комиссия была ознакомлена с тем планом обороны, на основании которого позиция была укреплена, и я поручил комиссии выяснить, насколько созданное соответствует плану, и что необходимо исправить или дополнить. Комиссия нашла построенные укрепления вполне отвечающими плану обороны, а при детальном осмотре каждого укрепления в отдельности она заметила, что некоторые окопы влево от деревни Лучинов имеют недостаточный обстрел, и это может дать противнику возможность приблизиться к этим укреплениям. Получив доклад комиссии, я сам поехал на место и убедился в справедливости замечания комиссии. Оказалось, что к данному укреплению близко подходят два оврага, которые с построенных тут укреплений не обстреливаются и даже не наблюдаются. Тогда я предложил инженеру-строителю этого участка построить впереди новое укрепление в виде люнета, то есть — без горжи, расположив его так, чтобы фланги его хорошо обстреливали два оврага, а внутренность могла бы быть хорошо обстреляна с сзади лежащего укрепления. Так и было сделано.

Но теперь, когда войска пришли и заняли позицию, это обстоятельство не было известно ни командиру корпуса, ни начальнику дивизии, ни даже командиру полка. Для занятия этого укрепления не была поэтому назначена особая часть, и назначение его оставалось им неизвестным. Только командир роты учел его значение и поставил там несколько человек, но это оказалось недостаточным, и противник, воспользовавшись этим, подошел незаметно к люнету, занял его и оттуда проник к главной линии обороны и прорвал ее на рассвете.

Это обстоятельство еще не имело решающего значения и могло быть легко исправлено, так как распо-

ложение укреплений сзади и по бокам прорыва давало возможность быстро вновь сомкнуть фронт, но этого не сделали, и войска корпуса оставили также и соседние участки и стали отходить назад. А вследствие отхода гренадер вынужден был оставить свою позицию и 16-й корпус.

Почему не использовали сзади лежащих укреплений для того, чтобы сомкнуть фронт, почему не удерживали соседних участков, я не знаю. Может быть потому, что войск было мало, может быть потому, что они были утомлены, все это возможно. Но несомненно так же и то, что в деле этом со стороны старших начальников было проявлено крайне несерьезное отношение, которое едва не привело к большой катастрофе, так как непосредственно в тылу гренадер находилась крепость с большой артиллерией и громадными запасами, но без гарнизона, а в тылу 16-го корпуса была Висла, но без мостов. Что было бы, если бы противник преследовал более энергично?

Вот мысли, роившиеся у меня в голове, когда генерал Эверт сообщил мне об оставлении Козеницкой позиции, и которые я ему сейчас же изложил, дабы он понял то положение, в которое поставлена крепость вследствие того, что гарнизон не был назначен вовремя. Он ответил, что сейчас же сделает распоряжение, чтобы четыре полка Гренадерского корпуса и два полка 16-го корпуса отходили на крепость и составили бы ее гарнизон. Остальным войскам Гренадерского корпуса он прикажет отойти на правый берег Вислы и расположиться влево от Голомб, а частям генерала Клембовского, отойдя также на правый берег Вислы, удерживать реку к северу от Ивангорода.

Около 5 часов вечера я возвратился в Ивангород. Впереди крепости была уже отчетливо слышна канонада.

Наступал новый боевой период Ивангорода

Глава девятая

Итак, десять месяцев спустя после того, как две попытки овладеть Ивангородом были отражены, неприятель снова появился перед ним.

В каком же положении застал он крепость? Что было сделано за это время для развития и усиления ее обороноспособности? Было ли это время использовано или потеряно даром? Предыдущие страницы уже дали ответ на эти вопросы, но все же представляется интересным сравнить положение крепости в сентябре 1914 года с состоянием ее в июле 1915 года.

По части укреплений Ивангород в сентябре минувшего года состоял из главной оборонительной линии в виде полукольца на левом берегу Вислы. Это была линия стрелковых окопов в 6-6 1/2 верстах от цитадели, расположенных в низменной, болотистой местности и поэтому не глубоких и не располагавших мощными убежищами для защитников. Перед ней — импровизированные препятствия в виде наводнений и одной полосы проволочных сетей. Сзади — старая линия фортов, кольцом вокруг цитадели, на обоих берегах Вислы. В артиллерийском вооружении крепости числилось около сотни орудий. В гарнизоне — две бригады пехоты и три бригады Государственного ополчения.

Теперь, в июле 1915 года, Ивангородские укрепления были уже иными. Кроме того, что было сделано в прошлом году и что теперь являлось уже второй и третьей линиями обороны, уже существовала новая главная оборонительная линия, охватывавшая старую крепость на обоих берегах кольцом, с радиусом в 14 верст на левом, и около 10 верст на правом берегах.

Эти главные укрепления представляли собой от-

дельные группы, расположенные на командующих высотах или в лесах и находящиеся в крепкой связи друг с другом. Каждая группа состояла: 1) из нескольких рядов стрелковых окопов, глубоко вырытых, мощных, снабженных всем, что было вызвано последними требованиями войны, и отлично маскированных, 2) из весьма сильных препятствий в виде проволочных сетей громадной мощности (местами до 5 и 7 полос, то есть более 20 сажен ширины), фугасов и мин и, местами, гидротехнических сооружений в виде глубоких и широких каналов, заполненных водой и продольно обстреливаемых, а также наводнений и заболачиваний и 3) железобетонных убежищ для гарнизона групп, вполне безопасных против бомб всех калибров, до 12 дм. включительно.

На левом берегу Вислы главная оборонительная линия состояла из трех групп: Гневашовской, захватывавшей деревню Гневашово и Гневашовский лес и являвшейся левофланговой, в центре — группа Банковец и на правом фланге — группа Мозолицы, охватывавшая деревню этого имени. Промежуток между рекой Вислой и Гневашовской группой, длиною около 1 ½ верст, оборонялся линией стрелковых окопов, устроенной в высокой и толстой дамбе, идущей от этой деревни до Вислы. Непосредственно впереди дамбы был вырыт глубокий канал, заполненный водой и с проволочной сетью на дне, а местность впереди канала была заболочена. Следует заметить, что некоторые укрепления Гневашовской группы к моменту подхода противника еще не были закончены. Промежуток между Гневашовской группой и центральной группой Банковец, протяжением около 4 верст, оборонялся мощной полосой стрелковых окопов, расположенных уступом назад в три линии, с бетонными убежищами за третьей линией. И окопы и убежища были так маскированы, что, даже пройдя вблизи, невозможно было их заметить. Впереди были устроены участки наводнений и проволочные сети. Далее вправо следовала обширная Банковецкая группа (от деревни Банковец до деревни Словике-Нове), самая сильная из всех. Окопы и укрепления ее были расположены в лесу, по его опушке, а убежища с прикрытием, совершенно непробиваемым. Все были в лесу, а потому абсолютно невидимы. Препятствия состояли из проволочных

сетей и засек. Левый фланг был, кроме того, усилен глубоким каналом шириной около 3 сажен, с проволочной сетью на дне, и запруженной речкой. Наконец, на правом фланге, почти у берега Вислы, Мозолицкая группа. Промежуток между ней и Банковецкой группой был сильно заболочен и оставался без фронтальной обороны, так как был непроходим и хорошо оборонялся флангами обеих групп.

Укрепления правого берега Вислы также состояли из отдельных групп. Начиная с севера, то есть от находящейся в связи с Мозолицкой группой, это были: Стенжицкая группа, группа у деревни Бржезины, на Красноглинских высотах, у Вымыслова, у деревни Бобровники и у деревни Голомб.

Как между собой, так и с центром крепости, все группы были связаны сетью железных и шоссейных дорог, что давало возможность быстрого перемещения резервов, вооружения и подвоза всякого рода снабжения. Так на левом берегу, от разъезда на 13-й версте железной дороги Ивангород-Радом (центр Банковецкой группы) были построены две ветки широкой колеи: одна влево, до Гневашовского леса, другая вправо, до деревни Козеницы. Кроме того, от предмостного укрепления « Князь Горчаков » в центре крепости были положены три линии полевой железной дороги, по одной к каждой группе укреплений, а в каждой группе — ветки к каждой батарее крепостных орудий. Наконец, к каждой группе — отдельное шоссе, а для связи этих трех радиусов две кольцевые шоссейные дороги, одна в тылу новой главной линии обороны, другая за второй линией.

Чтобы закончить описание Ивангородских укреплений, нужно еще сказать, что, собственно, представляли собой группы. По существу, каждая группа являлась как бы одним громадным укреплением, по своим очертаниям зависящим от местности, на которой группы располагались. Представляя собой отдельное, выдвинутое вперед большое укрепление, группы имели свой напольный фас, фланги и горжу, но укрепления горжи были обращены не в тыл, как это обыкновенно делалось, а в поле, и составляли как бы последний ряд окопов, между которыми и напольным фасом существовали еще ряды траншей или отдельные укрепления. Везде

проводилась мысль, чтобы потеря напольного фаса не влекла бы за собой необходимость оставления всей группы, а оставалась бы возможность дальнейшей упорной ее обороны последовательно внутри группы, вплоть до последнего горжевого ряда окопов.

Под прикрытием такой группы, частью в тылу ее, частью на флангах, устраивались отдельные капониры для дальнобойных орудий, совершенно неуязвимых с фронта и предназначенных для поддержки соседних групп фланговым огнем тяжелой артиллерии вправо и влево. Для того, чтобы гарнизон групп был в состоянии развить упорную оборону, каждая группа была снабжена большим количеством безопасных (бетонных) убежищ, расположенных как внутри группы, так и в первых рядах ее окопов, а для того, чтобы дать возможность каждой группе обороняться самостоятельно, каждой были приданы три или четыре батареи тяжелой артиллерии.

Артиллерийское вооружение крепости к июлю 1915 года превосходило таковое сентября 1914 года более, чем в три раза, так как к прежнему вооружению удалось добавить еще несколько десятков тяжелых орудий, разысканных мною в складах Киева и Двинска. Кроме того, были присланы орудия из Новогеоргиевска, Бреста и Ковно, а в конце июня пришла из Бреста 2-я осадная бригада полковника Лукьянова в количестве более 120 орудий. Сама крепость (морской полк генерала Мазурова) изготовила в течение этого периода более 100 противоштурмовых 47 мм. пушек, но большая их часть была послана в армии, и в крепости оставалось менее половины. В общем, орудий всех калибров насчитывалось до 500. Общего количества пулеметов я не помню, но во всяком случае их было не менее двухсот. Теоретически это было для крепости такого масштаба, как Ивангород, не много, но практически было совершенно достаточно.

Интендантскими запасами крепость была снабжена в количестве достаточном для гарнизона в два корпуса пехоты и шести батальонов крепостной артиллерии в течение шести месяцев осады.

Помимо сделанного по части укреплений, вооружения и снабжения, следует отметить еще и формирования частей гарнизона, произведенные в этот же десяти-

месячный период. Так, крепостная артиллерия, бывшая во время первой осады в составе двух с половиной батальонов, исчислялась теперь пятью батальонами, то есть увеличила свой состав вдвое. Крепостная саперная рота развернулась в Ивангородский крепостной саперный полк 4-батальонного состава, морской батальон развернулся в полк особого назначения также 4-батальонного состава, крепостная телеграфная рота — в Ивангородский телеграфный батальон из 4 рот, а две воздухоплавательные роты увеличились еще на одну, то есть всего три роты или шесть наблюдательных станций.

Таким образом видно, что крепость по состоянию ее укреплений, вооружения, снабжения и специальных средств развернулась более, чем вдвое, и если Ивангород не являлся крепостью в полном смысле слова, то есть не обладал долговременными крепостными сооружениями в виде фортов, то это искупалось значительной глубиной и гибкостью укрепленных позиций, отличным применением укреплений к местности, полной маскировкой убежищ, широко развитой сетью крепостных железных и шоссейных дорог и полной неизвестностью ее плана противнику.

Все это давало полную уверенность в том, что Ивангород, даже при полном обложении, окажет длительное сопротивление, если бы настойчивые мои просьбы о своевременной присылке пехотного гарнизона были бы вовремя удовлетворены и я имел бы время подготовить и новый гарнизон так же, как был подготовлен гарнизон прошлого года. Увы, на этот раз гарнизон не только не был прислан заранее, но даже и 7 июля, когда противник шел уже прямо на крепость и был от ее укреплений всего в 7-10 верстах, крепость все еще оставалась без гарнизона.

Положение крепости 7 и 8 июля было более чем критическое. Не зная еще, какой характер примет отсутствие войск генерала Мрозовского и генерала Клембовского, я мог рассчитывать лишь на то, что было у меня под рукой, чтобы хоть на несколько часов задержать противника перед крепостью. С этой целью я приказал 84-й бригаде Государственного ополчения, остававшейся на правом берегу на работах, выдвинуть по две дружины для обороны Голомба и Стенжицы-Празмов и в прикрытие находящейся там артиллерии (на

правом берегу), а остальные две дружины спешно перевести на левый берег, где они составят резерв. Артиллеристы были заняты установкой крепостной и противоштурмовой артиллерии и работали с таким порывом, что к вечеру 8 июля все противоштурмовые и бóльшая часть крепостных батарей были уже вооружены, что, в сущности, и спасло крепость.

Саперы все были на работах. К ночи на 8-ое июля на укреплениях левого берега мне удалось сосредоточить: один батальон морского полка, разбросанный по всем трем группам со своими противоштурмовыми пушками, 4 дружины ополченцев 23-й бригады и 6 дружин 32-й бригады Государственного ополчения. Увы, этого было более, чем недостаточно! К счастью, Гренадерский и 16-й корпуса задержались на тыловой позиции, что в двух верстах сзади оставленной ими, и упорно оборонялись, чтобы дать возможность своим понтонерам навести мосты на Висле: для гренадер между Голомбом и Александрией, а для 16-го корпуса — севернее Павловицы. Этим был выигран один день.

Утром 8-го перешли с правого берега на левый еще две дружины ополченцев 23-й бригады и две роты 84-й бригады.

В 2 часа дня я получил телеграмму генерала Эверта, извещавшую меня, что им отдано распоряжение, чтобы Ростовский, Перновский и Екатеринославский полки Гренадерского корпуса и Карсский и Асландузский полки 16-го корпуса вошли немедленно в состав гарнизона крепости, о чем он известил также командиров корпусов.

На один полк меньше, чем было обещано накануне, но я надеялся, что полки придут в приличном составе и поэтому был доволен и этим *). Увы, и эта надежда не оправдалась. Около 3 часов дня канонада в районе Гренадерского корпуса значительно усилилась и я получил донесение, что отдельные части этого корпуса находятся уже в расстоянии в 1-1 1/2 версты от укреплений. Между тем полки, назначенные в гарнизон, не появлялись.

Беспокоясь за то, как разыграются дальнейшие со-

---

*) Чтобы войти в связь с Гренадерским корпусом, я тотчас послал в штаб корпуса офицера из штаба крепости.

бытия перед крепостью, и не получая из штаба корпуса никаких известий, я в 3 часа дня выехал сам с адъютантом в Гневашовскую группу, оставив моим заместителем в цитадели начальника штаба крепости. Когда я приехал в деревню Гневашово, я увидел отряд силою в батальон, уже находящийся в пределах укреплений. Подозвав одного из офицеров, я спросил, что это за часть. Оказалось, что — это Ростовский полк. Будучи уверен, на основании телеграммы генерала Эверта, что полк этот вошел в крепость согласно назначению, я приказал командиру полка занять участок Гневашовской группы для преграждения главной дороги, ведущей в крепость. В полку оказалось всего 700 гренадер, усталых, измученных и весь день ничего не евших. Я сейчас же отдал распоряжение по телефону крепостному интенданту немедленно прислать ростовцам сала, хлеба и консервов. Устроив их лично на позиции и успокоенный хоть несколько за этот участок, я поехал по линии укреплений вправо, в Гневашовской лес. Здесь пехоты не было совсем. Я обошел все противоштурмовые батареи и приказал командирам этих батарей в случае появления неприятеля открыть по нему огонь, не ожидая приказания, и стрелять, не жалея снарядов. Оттуда я обошел первый ряд окопов в промежутке между Гневашовской группой и Банковецкой, где были расположены дружины 23-й бригады ополчения. Эта бригада была вооружена японскими винтовками, но на каждую винтовку имелось всего по 90 патронов, то есть на несколько часов боя. Вызвав командира бригады, я назначил его начальником всего участка от Вислы до Банковца, приказав назначить две роты для обороны Гневашовского леса, две для промежутка вправо и две держать в резерве, а с наступлением темноты выставить сторожевое охранение, но так как для этого могло быть назначено очень мало людей, я приказал расположить их непосредственно впереди окопов, под прикрытием проволочных сетей, а вперед выслать лишь несколько секретов по дорогам. Вместе с этим я послал еще двух офицеров вперед для указания дорог, по которым частям, назначенным в гарнизон, надлежало войти в крепость.

Около 7 часов вечера я возвратился в крепость. Здесь, в штабе, меня ждало известие о происшествии,

ставящем крепость снова в катастрофическое положение. Оказалось, что командир Гренадерского корпуса, узнав о том, что я приказал Ростовскому полку расположиться на крепостной позиции, не получив на это его личного предварительного согласия, приказал начальнику дивизии снять полк с позиции, вывести его из крепости и поставить в корпусной резерв. Дорога в крепость была, таким образом, снова открыта. Я вызвал генерала Эверта к телефону и доложил ему, что при создавшихся условиях считаю падение крепости через несколько часов неизбежным и что единственной возможностью спасти положение является немедленная передача в мое исключительное распоряжение назначенных им полков. Это, по-видимому, оказало действие, так как в 8 часов вечера Ростовский полк снова возвратился на позицию.

Наступила ночь, небо было покрыто густыми тучами, настала полная темнота и вскоре пошел дождь. При таких условиях частям Гренадерского и 16-го корпусов найти дорогу в крепость. сплошь окутанную проволочными сетями, было почти немыслимо. Для этих несчастных частей создавалось положение поистине отчаянное: сзади — преследующий неприятель, а впереди проволочные сети и наводнения, проходы в которых в темноте совершенно не видны. Чтобы помочь этим войскам, я приказал всем наличным офицерам штаба крепости и инженерам, хорошо знакомым с расположением и устройством препятствий и с местностью впереди, выехать вперед и, разыскав назначенные для крепости части, провести их и расположить на отведенных для них участках. В 9 часов вечера удалось найти Перновский полк, в 10 часов был разыскан Карсский, но Екатеринославского и Асландузского полков найти не могли. Около 11 часов выяснилось, что Екатеринославский полк дошел до проволочных сетей впереди промежутка между Банковцем и Гневашовским лесом, но найти проход в сетях не смог, и утомленные люди залегли у самых сетей, где и были найдены.

Около полуночи посты сторожевого охранения дали знать, что к сетям этого промежутка подходят части противника и начинают резать сети. Тогда я приказал начальнику участка убрать сторожевое охранение и открыть ружейный огонь залпами, а также из противо-

штурмовых пушек. Несмотря на это, небольшой части противника удалось пробраться за проволоку и занять передовой окоп этого участка, не занятый нами за недостатком людей. Однако вслед за тем австрийцы были выбиты и прогнаны. Около часа ночи они начали отходить и расположились в 2-3 верстах от линии обороны. На рассвете другая австрийская часть подошла к передовому укреплению Банковецкой группы и, выбросив белый флаг, стала знаками предлагать гарнизону укрепления перейти к ним и сдаться. В гарнизоне было только несколько артиллеристов при поставленных здесь накануне пулеметах и противоштурмовых пушках. Их командир, унтер-офицер, не смутившись, открыл огонь из обеих пушек и всех пулеметов, чем заставил австрийцев быстро скрыться. К другой части той же группы подходил кавалерийский разъезд, но также был отогнан. Так, слава Богу, благополучно прошла ночь, которая при более решительном образе действий противника могла бы окончиться хуже.

К рассвету прибывшие части все были размещены, назначены начальники участков, а генерал-маиора Симона я назначил начальником всего левобережного фронта.

Около 6 часов утра были подняты воздушные шары и стали поступать донесения наблюдателей о передвижениях неприятельских частей вдоль всего фронта. Тогда я приказал командиру крепостной артиллерии начать самый сильный обстрел замеченных целей, и так как австрийская артиллерия еще не была установлена, это заставило их по всему фронту отхлынуть назад. В 7 часов утра 9 июля мне донесли, что Асландузский полк найден, но где же? в районе 2-й оборонительной линии, у форта Ванновского. Оказалось, что, отступая в крепость, он сбился с дороги, попал на правый фланг и ночью вошел в крепость, почти в самый ее центр, никем не замеченный. Дойдя до второй линии, он расположился здесь на ночлег и отлично проспал до утра. Вскоре выяснилось, что и Башкадыклярский полк 16-го корпуса тоже заблудился и попал в деревню Бржезницы, что впереди деревни Мозолицы, но дальше ночью не пошел, ночевал там и вошел в крепость только в 8 часов утра.

Вот наиболее наглядный пример ужасного положе-

ния, в которое была поставлена крепость вследствие слишком запоздалого назначения гарнизона.

В 9 часов утра Башкадыклярский полк расположился в укреплениях Банковецкой группы. 32-я бригада вся сосредоточена в Мозолицкой группе, а Асландузский полк оставлен во второй линии, в резерве. Выяснилось, что в Екатеринославском полку всего 350 человек, в Перновском около 900, в Ростовском 700. В несколько лучшем состоянии Асландузский полк, где утром было около 1.200 человек, но постепенно прибывали остальные. В Карсском полку было до 2.000 человек и в Башкадыклярском почти полный состав. Таким образом вместо полных шести полков я получил общим счетом около 7 тысяч человек, то есть менее двух полков полного состава.

К 9 часам утра противник установил артиллерию и начался первый обстрел крепости, сосредоточенный по первой оборонительной линии, главным образом по участку влево от Банковца. Наша крепостная артиллерия энергично отвечала, но подавить огонь противника в этот день не могла, так как организация управления огнем еще не была закончена, не все наблюдатели были на местах и телефонная связь не была налажена полностью.

Вследствие этого неприятелю удалось выбить огнем роту 23-й бригады, занимавшую полевое укрепление у деревни Вулька-Бачинская, впереди окопов на промежутке между Банковцом и Гневашовским лесом. В 11 часов дня началось наступление противника по всему участку от деревни Высоко-Коло до деревни Банковец, но к часу дня противник был отбит везде, за исключением укрепления у деревни Вулька-Бачинская, которое ему удалось занять и удержать. Узнав об этом, я приказал нескольким батареям крепостной артиллерии взять это укрепление под сильный огонь, а одной из батарей Банковецкой группы держать под огнем подступы от этого укрепления к противнику. Наконец генералу Симону я приказал усилить отступившую роту двумя ротами той же дружины и до наступления темноты вернуть укрепление обратно. С наступлением темноты огонь прекратился с обеих сторон. Сторожевое охранение было выдвинуто вперед, и под его прикрытием саперы принялись исправлять повреждения и за-

канчивать незаплетенные еще до того участки проволочных сетей.

Кризис, слава Богу, миновал!

Глава десятая

С рассветом 10 июля австро-немецкая артиллерия вновь открыла сильный огонь по всем трем группам левого берега, и с 9 часов утра начались атаки на Гневашовскую группу и на Банковец. Однако крепостная артиллерия, усиленная за ночь несколькими батареями 2-й осадной бригады, немедленно развила по батареям противника сильный огонь и вскоре приобрела очевидный перевес. Около полудня мне было донесено, что одна из батарей тяжелой артиллерии противника вынуждена была совершенно замолчать. Атаки успешно отбивались, причем большую роль сыграли отдельные взводы противоштурмовой артиллерии, поставленные в группах, а также подвижная крепостная артиллерия (6 дм. гаубицы), назначенная специально для поддержки групп. Атака следовала за атакой до 3 часов дня, после чего не возобновлялись больше. Остальная часть дня и вся ночь прошли спокойно, и мы воспользовались этим, чтобы закончить организацию обороны, которая вследствие последних событий так и не была до сих пор налажена.

Вечером я окончательно утвердил схему размещения войск в следующем виде: 1) Участок от Вислы до Гневашовского леса, включительно, был вверен командиру Карсского полка, в распоряжение которого поступили полки Карсский, Ростовский и Перновский. Штаб этого отряда и начальника участка находился в фольварке Новый Регов; 2) Промежуток от Гневашовского леса до начала Банковецкой группы образовал 2-й участок и вверялся командиру 23-й бригады. Гарнизон — 4 дружины этой бригады и Екатеринославский полк. Штаб — в деревне Славчин; 3) 3-й участок — Банко-

вецкая группа — командир Башкадыклярского полка. Гарнизон — этот полк и 2 дружины 32-й бригады. Штаб — в тыловом убежище этой группы; 4) Мозолицкая группа — 4-й участок. Начальником его — командир 1-й дружины полковник Васильев, гарнизон — 4 дружины 32-й бригады. Штаб — в деревне Мозолицы; 5) Общим начальником этого фронта назначен генерал-майор Симон, штаб которого располагался в деревне Кляшторна Воля. В его распоряжении резерв фронта — 2 дружины 23-й бригады и 2 дружины 84-й бригады; 6) Общий резерв крепости, остающийся в моем личном распоряжении, — Асландузский полк, расположенный на фортах №№ 5, 6 и Ванновском. Кроме того, начальники 1-го, 2-го и 4-го участков получили в их непосредственное распоряжение по две батареи, сформированные командиром крепостной артиллерии из старых полевых (поршневых) орудий, по четыре орудия в каждой. Начальнику же 1-го участка и в распоряжение генерала Симона были даны по две батареи 6 дм. крепостных гаубиц в запряжке. Наконец на каждый участок были назначены военные инженеры и по одной роте сапер.

В течение ночи на 11 июля крепостная артиллерия тоже закончила свое размещение и организацию в следующем виде:

1) Каждая из трех групп укреплений получила группу батарей крепостной артиллерии. В Гневашовской группе было установлено 4 батареи в Гневашовском лесу, в Банковецкой группе 6 батарей, из которых 2 были расположены на левом фланге группы для специального обстрела из 42 лн. и 75 мм. орудий подступов к Гневашовской группе и к промежутку между ней и Банковцем. Наконец, в Мозолицкой группе 2 батареи.

Под прикрытием групп укреплений и непосредствено в тылу у них располагался второй ряд батарей, который усиливался в тех местах, где это по ходу боя требовалось, батареями подвижного резерва. Наконец, еще ближе к центру крепости, в полосе фортов и на правом берегу Вислы, размещались еще несколько батарей, наиболее дальнобойных, как, например, 6 дм. в двести пудов пушки. Кроме этого, сохранилась от прежнего и была значительно усилена Голомбская группа,

назначенная специально для поддержки Гневашовской группы укреплений.

В распоряжении начальника крепостной артиллерии оставался еще значительный резерв, которым предполагалось усиливать уже поставленную артиллерию по мере выяснения обстановки боя. Для наблюдения за стрельбой, кроме многочисленных наблюдательных пунктов на деревьях и колокольнях, были подняты два воздушных шара в полосе фортов №№ 5 и 6 и третий — у Голомбской группы. Не могу не отметить, что части Гренадерского корпуса пришли в крепость в таком состоянии, что надежды на них было мало. Но устроенные в хороших окопах, накормленные и ободренные успешным отражением атак 9 и 10 июля и, увидев в крепостной артиллерии такую мощную поддержку, какой они до сих пор еще не имели, они ожили, снова воспрянули духом и выражали желание оставаться в крепости сколько угодно. Однако не успел я хоть несколько наладить дело обороны, как снова изменения:

Еще 9-го снова прибыл от командующего армией генерал Гришницкий, передавший мне письменное предписание приступить к эвакуации крепости и сообщивший также, чтобы я отослал полки Гренадерского корпуса обратно в корпус, а взамен их мне будут присланы Аварский полк из 16-го корпуса и 24-я бригада ополчения. Я ответил, что невозможно в одно и то же время организовывать оборону и производить эвакуацию, а что касается полков Гренадерского корпуса, то я могу снять их с позиции только тогда, когда войска, назначенные для их замены, будут уже в крепости, но не иначе.

10 июля я получил телеграмму от генерала Янушкевича, начальника штаба Верховного Главнокомандующего, передававшую благодарность войскам за отбитие штурма 9-го июля и сообщавшую, что Великий Князь пожаловал 12 Георгиевских медалей дружине, возвратившей утерянное укрепление у деревни Вулька-Бачинская.

Я помню, что после этого у меня явилась надежда, что меня оставят в покое и мне удастся окончательно наладить оборону, но, увы, на другой день все опять изменилось.

Утром 11 июля, просматривая донесения начальни-

ков участков фронта о происшествиях за истекшую ночь, я был очень обрадован, так как во всех донесениях сообщалось, что противник приступил к укреплению своих позиций впереди нашего фронта. Какова ни была бы цель этих работ, они несомненно служили доказательством того, что противник остановлен и сомневается в возможности быстрого овладения крепостью. Вдумываясь же в цель его работ, я пришел к заключению, что противник имеет целью создать сильные позиции, чтобы затруднить наше наступление из крепости вперед, если бы таковое было предпринято. Тогда я решил помешать этим работам, днем — артиллерийским обстрелом, а ночью вылазками и освещением прожекторами. Пригласив к себе начальника штаба, я отдал ему соответствующие приказания, и мы долго обсуждали создавшееся положение, довольные тем, что первый порыв противника разбит и что положение крепости с каждым днем упрочивается. Вскоре мы услышали стрельбу нашей артиллерии, начавшей обстрел неприятельских работ. В это время мне сообщили, что прибыл офицер из штаба армии. Это был полковник Генерального штаба Сурин, привезший окончательное требование командующего армией немедленно начать эвакуацию крепости. В предписании вновь подтверждалось, что в случае оставления в крепости каких бы то ни было трофеев, ответственность будет возложена на меня, и сообщалось, что полковнику Сурину приказано оставаться в крепости и наблюдать за успешностью эвакуации.

Итак, в тот момент, когда дело с таким трудом было, наконец, налажено, когда неприятель был уже остановлен и успешным отражением двухдневного штурма дух гарнизона вновь поднялся необычайно высоко, когда, казалось, все обещало, что оборона пойдет успешно и неприятель дальше Ивангорода не пойдет и будет здесь надолго задержан, в этот момент — окончательный приказ: все бросить, разрушить, увозить и уходить! Какой ужас, какая трагедия!

Я просил полковника Сурина обождать до вечера, когда я созову Совет Обороны и доложу Совету о полученном предписании.

Что происходило в крепости в течение этого дня, я не помню. Известие о решенной окончательной эваку-

ации сломило меня, так как я сознавал, что сегодня мне предстоит объявить это решение старшим начальникам, что вслед за тем оно станет приводиться в исполнение, что с завтрашнего дня дух гарнизона и материальные средства начнут уменьшаться, и скоро наступит конец... Ивангород перестанет существовать!... Мысль эта угнетала и терзала меня невероятно. Я мучился и горевал не только как Комендант крепости, которому предстояло ее уничтожить, не только как человек, создавший большое дело, обрекавшееся на бесславный конец, но еще и потому, что принятое Главнокомандующим решение я считал глубоко ошибочным и влекущим за собой гибельные последствия для успеха всей войны. Я считал, что Вислу и Нарев оставлять нельзя, что даже при полной недостаче снарядов и патронов все же лучше держаться за этими сильными естественными рубежами, имея опору в Ивангороде, Варшаве, Новогеоргиевске и Осовце, чем отходить назад, на линию Белосток-Брест, где задерживаться долго было совершенно немыслимо, и следовательно придется отступать дальше на восток, Бог знает, как далеко.

Перед вечером я приказал собрать в 9 часов Совет Обороны и одновременно произвести сильную вылазку на фольварк Сарнов, что бы помешать укреплению этого пункта и захватить пленных, с целью добыть сведения о противнике. Для вылазки я назначил три батальона и приказал произвести ее без предварительной артиллерийской подготовки.

В 9 часов вечера у меня на квартире собрались члены Совета Обороны: начальник инженеров генерал Попов, командир крепостной артиллерии полковник Рябинин, крепостной интендант капитан Сизов, командир 32-й бригады ополчения генерал-маиор Францевич и командир морского полка генерал-маиор Мазуров.

Открыв заседание Совета, я доложил, что еще в мае Главнокомандующий принял решение эвакуировать Ивангород, упразднив предварительно крепость и переименовав ее в укрепленную позицию. Я сказал, что, учитывая возможность коренного изменения на театре войны обстоятельств, которые могли повлечь за собой необходимость упорной обороны Ивангорода, и сознавая, что объявление этого решения Главнокомандующего во всеобщее сведение может повлечь за собой такой

упадок духа среди офицеров и солдат основного гарнизона Ивангорода, при котором уже невозможна будет ни упорная оборона, ни даже ее организация, я не считал возможным объявить это решение раньше и скрыл его от всех, за исключением начальника штаба, и объявляю его теперь, когда воля Главнокомандующего выражена в совершенно категорической форме, требующей немедленного исполнения. Я закончил мой доклад обращением к членам Совета с самой горячей благодарностью за те труды, которые они положили как в деле воспитания гарнизона в том отличном, самоотверженном духе, которым он отличался, так и за отличную организацию обороны по их частям.

Трудно сейчас передать в подробностях впечатление, произведенное на моих ближайших сотрудников этим известием. Все были поражены, как громом, все были сразу душевно сломлены. Одни угрюмо молчали, другие горько плакали. Прошло несколько минут прежде, чем начали говорить. Повинуясь приказу приступить к эвакуации крепостного имущества, Совет Обороны вынес единогласно постановление, записанное в журнале Совета:

« Совет Обороны считает, что крепость готова к продолжительной обороне, но, подчиняясь приказу Главнокомандующего, постановляет: с 12 июля приступить к эвакуации крепостного имущества ».

Вместе с тем члены Совета Обороны обратились ко мне с просьбой ходатайствовать перед Главнокомандующим об издании особого приказа по армиям фронта, в котором было бы объяснено, что эвакуация крепости произошла по обстоятельствам, от крепости независящим, и против желания ее гарнизона. Я исполнил просьбу членов Совета и послал генералу Алексееву соответствующую телеграмму, но он был ею очень недоволен и ответил резкой телеграммой, в которой говорил, что считает такой приказ лишним и что нужно исполнять отданное распоряжение, не думая о его последствиях. Известие об этой просьбе проникло, однако, в печать и было позже сообщено в одной из газет Минска или Могилева. Как начальник генерал Алексеев был, конечно, прав, но как полководец — не совсем.

Печально окончился последний Совет Обороны Ивангорода. Угрюмо разошлись члены Совета — мои

непосредственные помощники. Не такого конца ждали они, когда напрягали все силы для организации успешной обороны. Все они были безукоризненные офицеры, искренние, горячие патриоты, глубоко преданные долгу службы, честные люди, горячо любившие Россию, армию и свое дело и всем сердцем, всеми их надеждами привязанные к Ивангороду. С падением Ивангорода разбивались их лучшие надежды, колебалась вера в успех войны, разорялась семья и обстановка, в которой они привыкли жить в течение многих лет, и начиналась новая эра жизни, полная неизвестности и мрачных предзнаменований.

Когда члены Совета разошлись, я остался один с моими мыслями, но в это время приехал член Государственной Думы и Главноуполномоченный Красного Креста А. И. Гучков. Он долго сидел со мной и рассказывал о событиях на других фронтах, о предстоящей эвакуации Варшавы, о громадном недостатке снарядов и вооружения, о больших, вследствие этого, потерях и т. д.... Все было мрачно.

Глава одиннадцатая

В то самое время, когда в моей квартире Совет Обороны мучительно принимал окончательное решение об участи Ивангорода, на позициях еще ничего не знали и в той же Гневашовской группе отряд, назначенный для вылазки, деятельно заканчивал свои приготовления. С заходом солнца прожекторы усиленно освещали деревню Высоко-Коло, фольварки Грабовец, Сарнов и Новая Завада. В 10 часов отряд двинулся, наступая на фольварк Сарнов с трех сторон. До сторожевого охранения противника ему удалось пройти незамеченным, но затем он был открыт и началась перестрелка. Сторожевое охранение неприятеля и рабочие, укреплявшие фольварк, отошли, наши овладели фольварком, но, заметив двигавшиеся из лощины сильные резервы австрийцев, отошли обратно, захватив много инструментов, катушки проволочных сетей и сто с лишним пленных. Другой отряд в две роты одновременно атаковал австрийцев, работавших на опушке деревни Старая Завада, и также захватил инструмент и около 70 пленных.

При допросе пленных, взятых у Сарнова, они показали, что против Ивангорода действует смешанная австро-немецкая армия генерала Войерша силою в три дивизии, но что дивизии эти очень большого состава, из четырех полков каждая, по 28 и 30 рот в полку, то есть общей численностью в 7 или 8 нормальных дивизий. Прибыли уже и устанавливаются 13 дм. мортиры Скода (австрийские), числом восемь. На днях они откроют огонь.

Пленные, взятые у Завада, подтвердили сведения о большом численном составе полков противника и,

кроме того, показали, что у деревни Завада расположен 31-й резервный полк, укомплектованный трансильванскими румынами, которые хотели бы передаться на нашу сторону, но боятся сурового обращения русских с пленными.

Обсудив это сообщение с начальником штаба крепости, мы решили как-нибудь сообщить этому полку, что в крепости обращаются с пленными хорошо, особенно с передавшимися добровольно. Начальник штаба составил особую прокламацию, которую подполковник Сувако перевел на румынский язык. Затем начальник штаба поручил подполковнику Вегенеру командировать свой аэроплан, поручив ему разбросать прокламации в районе расположения полка. Генералу Симону я приказал каждую ночь делать вылазки небольшими отрядами в том же районе, чтобы облегчить переход этих румын на нашу сторону. Мера эта удалась, и каждую ночь мы брали в этом месте не менее ста пленных. По 18 июля всего было взято 1.500 человек, из них — 750 румын. Таким образом создалось редкое в истории осад положение, когда крепость, предназначенная к оставлению, не только задержала противника, не только отбила его атаки и втянула его в инженерную войну, но и брала каждый день все новых и новых пленных.

12-го в крепость прибыл Аварский полк и первые дружины 24-й бригады ополчения. Вечером, едва стемнело, дружины 24-й бригады сменили полки Гренадерского корпуса, а Аварский полк сменил в Банковецкой группе дружины 32-й бригады ополчения, отошедшие в крепостной резерв. Характерно, что командиры гренадерских полков, узнав о предстоящем их уходе из крепости, явились ко мне и просили от имени своих частей, чтобы их оставили в крепости, чего я, к сожалению, не мог исполнить.

Между тем, с утра 12-го уже началась эвакуация по плану, разработанному полковником Суриным совместно с начальником штаба крепости. В первую очередь отправлялись в Брест еще не поставленные на позиции орудия и имущество 2-й осадной артиллерийской бригады, а также и более громоздкие грузы других частей. Для того, чтобы сразу не смутить гарнизон, объявлялось, что батареи, поставленные в тылу групп, явилось необходимым расположить за второй линией. Под

этим предлогом их снимали и отправляли, увы, не за вторую линию, а на станцию и далее на Брест.

Как ни старались не придавать эвакуации широкой огласки, все же известие это быстро распространилось и в течение двух дней стало известно всем в крепости и, вероятно, противнику. По мере того, как с каждым днем вооружение крепости уменьшалось и силы ее слабели, атаки противника делались все более настойчивыми. Однако все они удачно отбивались и до 19 июля крепость не потеряла ни одной пяди земли.

14 июля прибыл ко мне из Петрограда особый фельдъегерь, привезший от Государыни Императрицы Александры Федоровны икону Спасителя в особом складне. На обратной стороне иконы была прибита серебряная дощечка с надписью: « Мужественному гарнизону Ивангорода благословение Императрицы Александры Федоровны ». Я объявил об этом в приказе по гарнизону крепости, послал от имени гарнизона Ивангорода Государыне Императрице благодарственную телеграмму и приказал выставить икону в крепостном соборе. В этот же день перед образом было отслужено молебствие, на котором присутствовали все начальники частей, офицеры и много солдат гарнизона. Это было последнее общее богослужение.

Удивительно было все это! Петроград и Двор, повидимому, еще не знали, что участь Ивангорода уже решена, и, получая сведения о том, что оборона идет успешно, были уверены, что она продолжится и далее. Следовательно, такой важный вопрос, как оставление Вислы и ее крепостей, был решен без ведома Государя Императора. Я лично считаю, что это был вопрос государственной важности и что разрешать его без участия государственной власти, одной лишь властью Главнокомандующего фронтом или хотя бы Верховного Главнокомандующего, не следовало.

13 июля мне донесли, что противник начал обстреливать Гневашовскую группу снарядами 13 дм. мортир. В окопах они производили порядочные разрушения, но убежища были так замаскированы, что ни один снаряд в первые дни в них не попал. Лишь 16 июля одно из убежищ было сильно повреждено снарядом, но, по-видимому, попадание это было случайным, так как других не было до конца. Наша артиллерия все еще была силь-

нее неприятельской и не давала австрийцам возможности развить их огонь. Особенную помощь крепости приносила наша подвижная артиллерия — 6 дм. крепостные гаубицы.

Вылазки гарнизона продолжались каждую ночь, имея главной целью порчу и уничтожение инженерных работ, деятельно производившихся австрийцами по всему фронту. Даже ополченцы 24-й и 32-й бригад производили удачные вылазки, причем не только зарывали проволочные сети с кольями, но и волокли их к себе.

Так продолжалось до 16 июля, когда произошел новый эпизод, указывавший на приближение неизбежного конца. В ночь на 16 июля неприятель переправился через Вислу между Ивангородом и Варшавой, у деревни Рычивол. Участок этот охранялся частями 16-го корпуса. Как могли немцы переправиться через реку шириною более 200 сажен и охраняемую несколькими полками? Я не знаю, что произошло в действительности, но возможность такой переправы при наличии охраны свидетельствует прежде всего о том, что охрана была недостаточно бдительна. Если на реке были броды, то охраняющие полки должны были их знать так же, как знали их немцы, и наблюдать за ними особенно тщательно. Но известно, что переправа была произведена на понтонах, из которых были затем наведены мосты. Значит, этому предшествовали известные приготовления как-то подвоз понтонов к реке, спуск их на воду и посадка людей. Все это, значит, осталось для охраны совершенно незамеченным. Очевидно немцы переправились никем не замеченными и нежданными. Очевидно также, что охрана не была организована, ибо те части немцев, которые переправились первыми не могли быть многочисленными, но они быстро и успешно оттеснили охрану настолько, что получили возможность свободной наводки нескольких мостов для переправы отряда, собранного в лесу на другом берегу реки. Очевидно также и то, что о готовящейся переправе ни штаб Главнокомандующего, ни штаб 4-й армии, ни штаб 16-го корпуса не знали, а это свидетельствует об очень плохой постановке разведывательной службы и службы связи даже в штабе Главнокомандующего. Но что еще хуже — переправа явилась для всех этих штабов совершенно неожиданной, так как иначе, я полагаю, были бы

приняты меры, необходимые для того, чтобы этого не случилось. Что касается штаба Главнокомандующего, то еще в мае генерал Палицын высказал там свое мнение, что немцы пойдут именно этим путем. Однако к этому мнению чины штаба отнеслись с нескрываемой насмешкой и никакого значения ему не придавали.

Насколько все это было неожиданно и сразу внесло переполох во все распоряжения, свидетельствует тот факт, что, хотя переправа произошла в 3 часа ночи, штаб армии сообщил мне об этом только в 8 часов утра.

Известие это заставило меня принять немедленно меры для обеспечения крепости от охвата ее с севера переправившимися на правый берег немцами. С этой целью я приказал снять с Гневашовской группы все дружины 24-й бригады ополчения и направить их в полном составе на правый берег для занятия и обороны группы укреплений у деревни Стенжицы, заменив их в Гневашовской группе двумя батальонами Асландузского полка. Вместе с этим, желая помочь генералу Клембовскому, я подал командующему армией мысль направить снятые уже с позиции и находящиеся на станции две батареи 6 дм. в 200 пудов пушек не в Брест, как это было указано, а в распоряжение генерала Клембовского. По получении согласия командующего армией это было сделано.

Но в тот же день были получены: телеграмма генерала Алексеева — направить из крепости во 2-ю армию две батареи 6 дм. крепостных гаубиц, и затем — распоряжение командующего армией выслать в распоряжение командира 16-го корпуса весь Асландузский полк. Оба эти приказания, исполненные в тот же день, уже влекли за собой значительное ослабление крепости. Однако на другой день утром пришло новое распоряжение — послать генералу Клембовскому также и Аварский полк. Таким образом к вечеру 17 июля, когда Аварский полк ушел и Мозолицкую группу снова заняла 32-я бригада ополчения, в резерве крепости не оставалось уже почти ничего, а между тем было несомненно, что одновременно с развитием успеха к северу от Ивангорода, противник разовьет также и действия против крепости. Я поэтому просил командующего армией о присылке взамен Аварского полка новой части. В тот же

вечер прибыла 19-я бригада ополчения, хотя и не в полном составе.

18 июля на подмогу генералу Клембовскому была послана еще одна дивизия Гренадерского корпуса, но все же немцы продолжали развивать свой успех.

Одновременно были получены сведения, что австрийская армия, действовавшая в промежутке между Ивангородом и Люблином, также начала более энергичное наступление, и Гренадерскому корпусу было приказано занять позицию, правый фланг которой был у деревни Голомб. 18-го же вечером я получил приказание постепенно стягивать гарнизон крепости к центру, удерживая все же левый берег, но быть готовым к переходу на правый берег.

В центре крепости эвакуация уже шла полным ходом. Поезда грузились на трех станциях: у фольварка Ванновского на левом берегу и на двух станциях правого берега. Крепостная артиллерия левого берега была уже вся снята, но я приказал оставить в каждой группе по две батареи 6 дм. в 120 и 190 пудов пушек до последнего момента, а если невозможно будет их увезти, то подорвать их на месте. Таким образом к 19 июля на вооружении крепости оставалось всего шесть батарей артиллерии, то есть 24 орудия, и три батареи подвижных 6 дм. гаубиц, а в гарнизоне — Башкадыклярский и Карсский полки, первый был рассеян от Гневашовского леса до Банковецкой группы, а второй — далее до Вислы, и 19-я, 23-я, 24-я, 32-я и 84-я бригады ополчения, из которых 24-я и 84-я на правом берегу, 32-я занимала Мозолицкую группу, 23-я промежуток между Гневашовским лесом и Банковцом, а две дружины 19-й составляли резерв.

На рассвете 19 июля противник открыл сильный огонь, сосредоточенный главным образом по Банковецкой группе. Как мы узнали позже, против этой группы было выставлено противником 96 орудий. Им могли отвечать две батареи этой группы и две батареи резерва, то есть всего не более 16 орудий, но вскоре пришлось одну батарею резерва отослать для помощи Мозолицкой группе, а два орудия одной из батарей Банковецкой группы от усиленной стрельбы разорвались, так что на огонь противника отвечали только 10 наших орудий. Под влиянием сильного огня стрелки Башкадыклярско-

го полка, оборонявшие передовые окопы Банковецкой группы, были вынуждены войти в их убежища, оставив в траншеях только часовых. К несчастью, дружины 32-й бригады, стоявшие на правом фланге этой группы, не выдержав огня, оставили свой участок и, не предупредив начальника группы, отошли к деревне Мозолицы. Этим воспользовался противник, и сильная его часть проникла через оставленный участок в тыл передовым окопам Банковецкой группы. Стрелки, застигнутые в убежищах, вынуждены были отходить к левому флангу группы. Резерв, которым располагал начальник группы, не был достаточно силен, чтобы выбросить австрийцев из леса и восстановить положение, и противник стал распространяться по лесу, продвигаясь к тыловым окопам группы. Создавшееся положение было более опасным для австрийцев, чем для нас, так как они могли быть отрезаны движением войск из Мозолицкой группы к деревне Словике-Нове. Я отлично это понял и приказал начальнику Мозолицкой группы направить в этом направлении две дружины, а для того, чтобы обеспечить их от охвата слева, я собрал с работ батальон сапер и на грузовых автомобилях быстро направил его на промежуток между Банковцем и Мозолицкой группой. К сожалению, эвакуация уже отразилась на духе войск, да и дружины 32-й бригады ополчения к таким активным действиям не годились и до места назначения не дошли.

Узнав об этом и не желая отдавать до вечера Банковецкой группы, я двинул туда весь наличный резерв — две дружины 23-й и две дружины 19-й бригад под начальством их командиров. Им удалось задержать австрийцев внутри группы, и дальнейшее их продвижение было остановлено. К вечеру огонь прекратился, и я приказал снять со всех трех групп всю крепостную артиллерию до 12 часов ночи, а затем отвести войска с главной позиции обороны на вторую ее линию. Всю противоштурмовую артиллерию и пулеметы войска должны были взять с собой.

К рассвету все войска окончили отход и сосредоточились на второй линии обороны.

Глава двенадцатая

На второй линии обороны простояли два дня. Неприятель или не заметил отхода, или не мешал ему и открыл огонь по второй оборонительной линии лишь после 7 часов утра. С нашей стороны 20 июля отвечали лишь две батареи подвижного резерва (6 дм. гаубицы) и две батареи 42 лн. пушек, еще оставленные на правом берегу, но в ночь на 21-ое и эти две батареи были сняты.

В цитадели все представляло картину полного опустошения: из интендантских магазинов, из пороховых погребов, из складов инженерного имущества — все уже было вывезено; казармы, мастерские, квартиры офицеров — все было пусто. Только в доме Коменданта, где жил я и помещался штаб, 20-го кто-то еще оставался, но бумаги штаба были уже вывезены на фольварк Демблин, что у форта № 3.

Уже два дня производились работы по подготовке переправы на правый берег. Предполагая удерживаться на левом берегу до последней возможности, я должен был предвидеть, что обстановка может потребовать совершить эту переправу очень быстро, в самый кратчайший срок. Поэтому еще с вечера 18-го я приказал приступить к наводке еще четырех мостов, в дополнение к существовавшим в крепости двум постоянным. Из них два наводились в районе форта № 5 и два вблизи форта № 6.

20 июля каждому командиру части, находившейся на левом берегу, была выдана инструкция, определявшая порядок переправы, разработанная начальником штаба крепости. Одновременно с работами по подготовке переправы, в крепости шли работы, подготовляющие

к быстрому уничтожению все то, что могло бы пригодиться противнику. Военные инженеры и саперы закладывали под всеми фортами, укреплениями и воротами цитадели мины, пожарная команда заготовляла у всех домов, сараев и казарм пучки соломы и керосин. Моряки минировали мосты через Вислу и Вепрж и подготовляли к взрыву все суда нашего речного флота. Удручающая, тяжелая работа, которую делали со сжатым сердцем... Единственное, что я мог сделать, чтобы облегчить работу инженеров, — это не назначать для этих работ на форты именно тех инженеров, которые на них работали все время военных действий, а других.

Вечером я получил приказ генерала Эверта отвести войска на правый берег. Почти одновременно с этим австро-немцы начали наступление на вторую линию обороны. Как и все предыдущие, и эта атака была отбита, несмотря на то, что крепостной артиллерии уже почти не было и отбивались главным образом ружейным и пулеметным огнем, да несколькими десятками противоштурмовых пушек, снятых с первой линии.

Почти вся ночь прошла беспокойно, и я решил лучше выждать еще один день, чем отходить к реке с боем.

С рассветом 21 июля все стихло. Наступил последний день Ивангорода.

Так как почти все орудия крепостной артиллерии были эвакуированы, было приказано отправить крепостных артиллеристов в Брест. После обеда они были собраны и построены по-батальонно возле форта № 3. Я приехал к ним и горячо благодарил их за действительно прекрасную службу.

Утром я поручил начальнику штаба объехать всех командиров частей, расположенных на второй линии обороны, и объяснить каждому из них, по какой дороге и к какому именно мосту должна следовать его часть и где расположиться, перейдя на правый берег Вислы. Общий порядок отхода был установлен такой: с вечера 21-го все части резерва занимают промежутки между фортами № 5 — Ванновский — № 6, оставляя свободными лишь дороги, ведущие от второй линии обороны. В 10 часов вечера начинается отход с позиции половины войск, ее занимающих. В 12 часов ночи выступает другая половина. С этой второй половиной войск отходят

начальники частей, которые, проходя мимо фортов, дают знать инженерному офицеру на форту, что часть прошла вся. Когда все части пройдут, за ними уходят и части резерва, а две сотни конницы, расположенные у фортов, должны продвинуться вперед, до второй линии, и осмотреть, не остался ли там еще кто-нибудь. Возвращаясь после этого осмотра, командир этих сотен дает знать инженерному офицеру на фортах, что уже никого впереди фортов нет. Тогда офицеры удаляют команды сапер с фортов в тыл и лично взрывают форты. Одновременно со взрывом фортов пожарная команда обливает керосином солому во всех домах, казармах и других строениях, находящихся на левом берегу, и зажигает их, а затем сама уходит на правый берег.

С утра штаб крепости и я перешли из цитадели в помещение Инженерного Управления, расположенное у форта № 3. В цитадели остались только моряки-минеры, закончившие приготовление камер. Во всех домах и строениях, кроме собора, шли приготовления к их сожжению.

Общее положение вокруг Ивангорода было таково: немцы продолжали успешно развивать наступление, и сообщение с Варшавой было уже прервано. С другой стороны, австрийцы уже прошли линию Ивангород-Люблин и подходили к деревне Жичин. Между ними и немцами оставалось около 20 верст незамкнутого круга, в центре которого находился разоруженный Ивангород. Но он все еще существовал, флаг его еще развевался!... Нет возможности описать, что я переживал в этот день. Что бы я ни писал теперь, я не в состоянии передать и части того мучительного состояния, в котором я тогда находился.

Чтобы еще раз взглянуть на дом, где я провел ровно год, где пережил столько трудных, тяжелых, но и столь светлых и радостных дней, я посетил цитадель около часа дня. Но когда я вернулся в штаб, на фольварк Демблин, меня снова потянуло в цитадель. На позиции было спокойно, лишь с обеих сторон Ивангорода доносилась издали канонада. Эвакуация заканчивалась, дела уже не было. Перед вечером я в последний раз посетил цитадель. Командир роты ополченцев, занимавшей караул у ворот, увидев меня, подошел с рапортом. И когда он, рапортуя, заметил... что я плачу, из его глаз

потоком также брызнули слезы... Генерал и старый капитан горячо обнялись...

В 19 часов вечера начался отход войск с левого на правый берег Вислы, окончившийся около часа ночи 22 июля. Начальник штаба прибыл в цитадель, приказал снять караул и спустил крепостной флаг. Вслед за этим раздались, один за другим, три взрыва фугасов на фортах, потом небо осветилось заревом пожара, и последовали взрывы пароходов и мостов.

Войска, перешедшие на правый берег, расположились по берегу Вислы, вправо и влево от цитадели.

Утром 22 июля выяснилось, что кольцо, охватывавшее Ивангород, сжалось еще теснее. Немцы уже овладели Соболевым, а австрийцы поселком Жичин. Вследствие этого я получил в 6 часов утра приказание уничтожить все укрепления главной оборонительной линии правого берега, а в 12 часов дня другое: взорвать цитадель и форты правого берега №№ 1, 2, 3 и 4. Поэтому я приказал перенести штаб в деревню Мощанку, что в двух верстах восточнее линии фортов, а сам с адъютантом поехал на высоты между фортом № 2 и этой деревней. Отсюда я смотрел, как в два часа дня начались, один за другим, взрывы фортов. Потом над цитаделью поднялся маленький столб дыма, за ним такой же столб дыма над Демблином, над станцией, над Иреной, над казармами крепостной артиллерии, над Деловым Двором инженеров... Постепенно эти столбы росли, чернели, расходились в стороны. Потом два столба соединились в один, к ним присоединился третий. Вот уже не видны дома в Ирене, вот исчезли деревья на дороге, ведущей от станции в цитадель. Потом все заволокло одним громадным черным облаком... и все исчезло... в дыму ли или в слезах...? Ивангорода не стало...

В 2 часа дня того же 22 июля я получил приказ генерала Эверта разделить войска гарнизона на две части и часть, занимавшую берег Вислы к северу от цитадели Ивангорода, передать в распоряжение командира 16-го корпуса, южную же — в Гренадерский корпус. Штабы и морской полк приказывалось отправить в Бобруйск, а мне самому с начальником штаба прибыть в штаб армии, в Радин.

В 9 часов вечера морской полк был выстроен вдоль дороги на Радин. Я попрощался с ним, и в 10 часов вме-

сте со штабом мы тронулись на автомобилях на Луков. Когда по дороге мы выезжали на высоты, мы оглядывались назад и долго еще видели над Ивангородом громадное зарево. Но мы удалялись. Пламя все тускнело, тускнело и после полуночи совсем исчезло из глаз.

Мы заехали на ст. Межеречье, где жена моя организовала питательный пункт для беженцев, тысячными толпами стремившихся на восток. Я дал ей в помощь двух инженеров, Сукуренко и Сергея Рубанова, и моего племянника Бориса Лященко. При их содействии моя жена отлично организовала дело питания и медицинской помощи, работая день и ночь, буквально без отдыха, с той же энергией, с какой она работала весь год в военном крепостном госпитале в Ивангороде, являя пример самопожертвования и истинной скромности.

В 9 часов утра 23 июля я с начальником штаба прибыл в Радин. Я прошел к генералу Эверту, а полковник Прохорович к начальнику штаба армии сдать привезенные нами флаг крепости, крепостные ключи, шифр и секретные бумаги.

Возле Радина ночевали на биваке мои крепостные артиллеристы, вышедшие из Ивангорода 20 июля. Я посетил их и присутствовал при отправлении их пешим порядком в Брест. Жалко было этих прекрасных солдат, заслуживших право на славу и бессмертие и скрывшихся из моих глаз в клубах пыли по пути отступления.

В Бресте пробыли они не долго, так как Брест был оставлен 6 августа без обороны. Тогда из них были сформированы рабочие команды для работ по укреплению тыловых позиций. К концу же 1915 года их сосредоточили в городе Можайске, где половина была употреблена на формирование батарей тяжелой полевой артиллерии. Когда летом 1916 года мною был укреплен Трапезунд и там была образована крепость 2-го класса, Комендантом которой я был назначен, для формирования крепостной артиллерии была прислана из Можайска вторая половина артиллеристов и, чтобы увековечить память Ивангородской крепостной артиллерии, Государь, по его личной инициативе, изволил присвоить Трапезундской крепостной артиллерии наименование « Ивангородской ».

И в ряду моих воспоминаний лучшее и почетнейшее

место отведено Ивангороду, потому что там прошло лучшее время моей деятельности и потому еще, что, уходя оттуда, я и мои сотрудники унесли с собой такое великое чувство полного удовлетворения, которое никогда не изгладится, а навсегда, до конца жизни останется с нами, как лучшая награда за выполненный нами там служебный долг.

Ныне, запечатлевая на этих страницах славные дела защитников Ивангорода, я шлю тем из моих неоцениимых сотрудников, которые еще живут, мой самый искренний и сердечный привет.

P.I.U.F., 3, rue du Sabot, Paris 6e